
LE MESSENGER

ВЕСТНИК
русского христианского
движения

210

Париж – Нью-Йорк – Москва

№ 210

II – 2018

Ответственный редактор
ТАТЬЯНА ВИКТОРОВА (Париж)

Секретарь редакции
НАТАЛЬЯ ЛИКВИНЦЕВА (Москва)

Редакционная коллегия
Д. СТРУВЕ, Т. ВИКТОРОВА,
прот. НИКОЛАЙ ОЗОЛИН (Франция);
О. РАЕВСКАЯ-ХЬЮЗ (США);
В. АЛЕКСАНДРОВ (Венгрия);
прот. ВЛАДИМИР ЗЕЛИНСКИЙ (Италия);
ЖОРЖ НИВА (Швейцария);
Е. БАРАБАНОВ, Ю. КУБЛАНОВСКИЙ,
Н. ЛИКВИНЦЕВА, Е. МАЙДАНОВИЧ, А. МЕДВЕДЕВ,
В. НИКИТИН (†), О. СЕДАКОВА (Россия);
К. СИГОВ (Украина)

© Le Messenger. Paris, 2018

От редакции

29 мая 2019 года* в Москве на Таганке открылся Музей русского зарубежья, первый в России музей, посвященный великому русскому Исходу, последовавшему за крушением Российской империи и захватом власти большевиками. Музей располагается в отдельном здании на территории Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. Созданием музея завершается важный этап многолетнего замысла по возвращению на родину культурного наследия русской эмиграции, начатый в сентябре 1990 года, когда впервые в Москве Библиотека иностранной литературы представила выставку книг эмигрантского издательства «УМСА-Press». В 1991 году совместными усилиями В.А. Москвина и Н.А. Струве был создан филиал «УМСА-Press», издательство «Русский путь», а в 1995 году Библиотека-фонд «Русское зарубежье» на Таганке, переименованная в 2009 году в Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына. История журнала «Вестник РХД», публикуемого с 2000 года в издательстве «Русский путь», теснейшим образом связана с этим начинанием в лице своего главного редактора Н.А. Струве. Мы поздравляем директора Дома русского зарубежья В.А. Москвина с успешным завершением трудов по созданию музея и желаем новому учреждению успехов и дальнейшего развития.

Коллекции Музея русского зарубежья пополнялись щедрыми пожертвованиями многих потомков русских эмигрантов из всех уголков мира. Большой заслугой первой постоянной экспозиции Музея является то, что центром внимания стали судьбы людей, которые были вынуждены покинуть свою страну, рассеянных по всей земле и обреченных на вечное изгнание. После исторического введения, рассказывающего о великой катастрофе начала XX века, посетитель словно оказывается на корабле, на котором была выслана в 1921 году из России плеяда философов. В витринах выставлены предметы эмигрантского быта, личные вещи эмигрантов. На больших экранах разворачивается жизнь главных

* 210-й номер выходит с опозданием и поэтому отражает события как 2018-го, так отчасти и 2019 года. Приносим извинения нашим читателям за задержку. — *Редколлегия.*

центров русской эмиграции: Парижа, Праги, Шанхая... Стена с портретами известных и неизвестных эмигрантов дает представление о разнообразии эмигрантских судеб и позволяет приобщиться духовному облику людей старой России. Тематические отделы представляют разные области эмигрантской жизни и культуры: просветительскую и издательскую деятельность, молодежные движения, литературу, жизнь церкви, военные реликвии... Создателям музея удалось воспроизвести в сжатом виде образ многогранной эмигрантской жизни с ее трагизмом, но и творческим началом. Политике уделено меньше внимания, но и она представлена воспроизведенным на стене полным текстом известной речи Ивана Бунина «Миссия русской эмиграции» 1924 года, слова которой нисколько не утратили актуальности и могут служить программой музея: «Если бы даже наш исход из России был только инстинктивным протестом против душегубства и разрушительства, воцарившегося там, то и тогда нужно было бы сказать, что легла на нас миссия некоего указания: “Взгляни, мир, на этот великий исход и осмысли его значение...”».

Осознание и осмысление великой катастрофы, постигшей Россию в начале XX века и до сих пор не изжитой, — дело будущего, как показала в столетие октябрьского переворота неспособность российской общественности организовать памятные события, соразмерные произошедшему в 1917 году. Музей русского зарубежья, открывшийся в этом году, накануне столетия Исхода, — важная веха в этом сложном, но неотложном процессе возвращения исторической памяти. Символическое значение присутствия в столице России музея, исключительно посвященного памяти о Русской эмиграции, трудно переоценить.

БОГОСЛОВИЕ, ФИЛОСОФИЯ

Митрополит Антоний Сурожский

Мысли о Церкви*

Я хочу сегодня поделиться с вами некоторыми мыслями относительно Церкви и нас самих, постепенно овладевшими моим умом и чувствами.

Когда мы думаем о Церкви, мы всегда думаем о ней в богословских категориях как обществе людей, во главе которого — Христос, мы думаем о Церкви как о реальном теле, живыми членами которого все мы и каждый из нас являемся, мы думаем, что Церковь — то единственное место во вселенной, где пребывает Святой Дух. Мы, далее, думаем о Церкви как о месте, где человек и весь тварный мир едины, как о чуде этой встречи и еще большем чуде приобщенности, которая в ней устанавливается. Все это верно: да, Церковь — все это.

С другой стороны, в Церкви есть человеческое измерение. Совершенное человечество Христа — вот образец, чем мы, люди, должны быть: зрелое человечество, ничем не меньшее человечества, явленного во Христе.

Но в нас есть еще другое измерение: есть наша хрупкость, наше несовершенство, наша греховность, и все это — *тоже* Церковь. Каким-то образом человеческая хрупкость, греховность не препятствует действию в Церкви Божественного измерения. Христос дал образ, как бы описывающий это положение, который, мне кажется, очень близок тому, что я

* Лондон, 13 февраля 1992 г. © Metropolitan Anthony of Sourozh Foundation.

старался передать; Он говорит, что Царство Божие подобно мере дрожжей, которую женщина положила в тесто (см. Мф 13: 33). Поначалу дрожжи лежат сами по себе, но постепенно они пронизывают тесто, и все тесто начинает превращаться в хлеб. Оно еще не хлеб, оно только постепенно становится хлебом. И когда мы думаем о себе, не только о нашей небольшой общине, но о Церкви в целом: святых и грешниках нынешнего времени, и прошлого, и будущего, — вот таково наше положение: мы в становлении. Мы все это сознаем и можем радоваться этому, потому что если мы внимательно относимся к тому, что даровал нам Бог, в чем мы уже участвуем, чему мы уже приобщаемся, мы можем только дивиться: если *таково* то, что еще несовершенно, если *это* только начало — то каков же будет конец? Мы можем ликовать о том, что у нас есть, вернее, о том, что мы делим с Богом и друг с другом, и постоянно благодарить за то, что это еще не полнота, к которой мы стремимся и которая однажды настанет. Ведь если в нашей нищете мы так богаты, каково будет богатство, когда исполнятся слова апостола Павла, что придет время, когда мы познаем Бога, как Он знает нас (ср. 1 Кор 13: 12): не в полную меру Его тайны, но в таком тесном, личном знании, которого мы даже не можем вообразить. Тогда станут истинной слова св. Иринея Лионского, которые я вам уже приво-дил: силой Святого Духа, в единстве со Христом мы будем уже не сынами по приобщению, но все вместе, в Единородном Сыне, станем *единородным сыном Божиим*... Приобщение — путь к тому, но полноту мы не в состоянии себе представить, а если и пытаемся, то ошибаемся. Нам подобает стоять в благоговейном ужасе перед полной тайной, перед неизъяснимым, невыразимым и идти почти вслепую туда, куда Христос нас призывает.

Но меня поражает — о, как болезненно! — еще нечто в истории Церкви и в нашем сегодняшнем положении и, возможно, в том будущем (долгом ли, коротком — Бог весть), которое мы можем прозреть. Когда Церковь родилась, она обнимала собою все, она была широка, как Бог, и глубока, как Бог. Она обнимала собой все тварное. Она была полнотой Того, Кто наполняет Собою все (см. Еф 1: 23). Никто не был чужд тайне Воплощения, чуду жизни и страшной тайне смерти Христа на кресте. Эти события содержали и соединя-

ли все. Я уже говорил, что Воплощение и Крещение Христа раскрылись в трагедию Страстной седмицы, Голгофы, Гроба, Сошествия во ад, затем в Воскресение и Вознесение на небо и ниспослание Святого Духа. Да, в Воплощении Бог стал родным всему материальному миру: человечеству всех и каждого, но и материальности всего, что представлено в Его теле как в образчике. В Своей жизни Он испытал все, что составляет человеческий опыт, опыт людей, живущих в падшем, искаженном и пугающем мире. В Своей смерти Он разделил с нами знание, — нет, не разделил: Он познал гораздо глубже, чем мы, что означает потерять Бога и оттого умереть. В Своем схождении во ад Он сошел в место, где Бог безнадежно отсутствует, и согласился пребыть там; апостол Павел говорит, что Отец восставил Его (см. 1 Кор 6: 14)... Он полностью принял возможность безысходного конца. Так что через Свою материальность Христос включил в Свой опыт все, что составляло опыт тварного мира, и все, что составляло опыт падшего мира, и все, что составляло опыт человека, первопричины и жертвы этой трагедии. Никто не остался чужд этого Его опыта, вне его. Мог ли кто-либо, кто не верит в Бога или не имеет собственного опытного знания Бога, познать ужас обезбоженности, как Христос познал его, умирая на Кресте? Ни один безбожник не остался вне этого опыта Самого Христа, Он знал, что это значит в нашем сегодняшнем мире греха и разрушения. И Его первые ученики разделяли такое Его отношение к этому миру, осиротевшему, сломленому, страдающему миру, жаждущему своего исполнения и не знающему, где искать его. Церковь была столь же просторна, как тварный мир, как сама любовь Божия к сотворенному Им миру.

Но можем ли мы сказать, что такова Церковь в нас и вне нас — в наших общинах? Когда это случилось? Как оказалось, что Церковь, бывшая пространнее тварного мира, оказалась внезапно или постепенно стала тем, что она есть сегодня: одним из небольших человеческих обществ, которое существует среди людей, чуждых ему, не замечающих его, не видящих в членах Церкви ничего особенного, кроме их странных верований и образа жизни? Как случилось, что Церковь измельчала? Этот вопрос мы должны ставить самим себе. Апостол Павел, обращаясь, кажется, к коринфянам, говорил: «Наши

сердца вам открыты, но в ваших сердцах тесно» (ср. 2 Кор 6: 11–12). Не применимо ли это ко всем нам? Не стали ли мы небольшим, странным, сосредоточенным на себе обществом, людьми, которые рады быть в своей среде, которые совершают великие или странные обряды, думают и говорят совершенно иначе, чем принято в обществе? Которые стали в обществе замкнутой группой, даже не вызывают возмущения, не кажутся неуместными, — и чем дальше, тем более так?

Ранние христиане были язычниками, и Христос принял их: вспомните из Евангелия от Иоанна, как Филипп и Андрей приводят ко Христу группу язычников, и Христос благодарит за это Бога (см. Ин 12: 20 и сл.). К Нему идет не только народ Израиля — в лице этой небольшой группы весь языческий мир пришел к Нему. И ученики радовались этому. Они не сказали этим людям, что те чужие, они не запретили им приближаться к Спасителю, они радовались вместе со Христом. Ведь они сами были некогда чужды своему нынешнему переживанию, они сами открыли нечто несказанно глубокое, и великое, и святое, они открыли Бога таким, каким Он был неведом всему миру до Христа. Этот опыт изменил их глубинно, до самой сердцевины их существа. Они знали разницу, какими они были прежде и какими они стали. Они были несовершенными, а теперь полнота, исполнение настигло их, не совершенство, но начало полноты, которой не будет конца, меры, предела. И потому ученики были полны благодарности, они были благодарны за то, что получили, они изумлялись благодати Божией, изумлялись тому, что Бог совершил в их жизни и для них. Они разделяли с Богом Его пламенную заботу о падшем мире. Бог был готов в этой заботе отдать Своего Единородного Сына, Его Единородный Сын был готов умереть, оставленный Богом; ученики Христовы разделяли это с Богом, Которого открыли, и чувствовали, что не могут удержать это чудесное открытие только при себе, и они пошли делиться им, делиться — потому что как можно удержать *это* в своем сердце, в своем разуме. Они должны были этим делиться, в противном случае оказалось бы, что они отрицают реальность и всеобщность этого дара, они получили его для всех и ради каждого, и не как богословскую формулировку, не как умственное знание, не как учение, нет — как жизнь, как опыт жизни такого свойства, такого измерения, которого

прежде они не ведали. Они слышали слова Христовы, и Петр отозвался: «У Тебя глаголы вечной жизни» (см. Ин 6: 68). Не слова, которые описывают вечную жизнь: своей силой они раскрывают ее, зажигают ею человеческую душу. И не только душу; старец Силуан пишет, что благодать Божия достигает сначала нашего духа, переливается в нашу душу и наконец достигает и наполняет самое наше тело... Весь мир был для них миром, который любим Богом и еще не знает этого чудесного благовестия, и они вышли в мир с этой проповедью, готовые последовать за Христом, готовые умереть ради того, чтобы хоть один человек, чтобы сами их гонители могли услышать эти слова, и если не обратятся сразу, то могли бы задуматься над тем, что услышали, над тем, какой ценой эта проповедь прозвучала, могли задуматься глубоко и открыться проповеди и Присутствию. Каждый христианин принимал в свое сердце весь мир, никак не меньше. Весь мир был объят заботливой любовью и готовностью отдать свою жизнь ради того, чтобы могли ожить другие.

А потом что-то случилось. И вот загадка: хорошо это или плохо? Случилось то, что гонения прекратились, Церковь стала признанной, она могла расслабиться, ее члены могли говорить о своем знании и опытном переживании Бога без опасности для жизни, за это не приходилось больше платить ту цену, какую платили предыдущие поколения; и то, что раньше давалось подвигом, стало легко доступно. С доступностью наступила расслабленность, а когда Церковь стала не только признанной, но сделалась Церковью Византийской империи, произошло нечто еще более болезненно трагичное: тысячи и тысячи тех, кто никогда не посмел бы стать ее членами, присоединились к Церкви, потому что в ней была религия Императора, вера Империи. И уже совершенно не вставал вопрос о готовности этих тысяч умереть ради того, чтобы участвовать в чуде новой жизни, нового познания Бога, откровения человека в его Божественном измерении. Вероятно, Церковь империи очень скоро стала Церковью, где мысль играла более важную роль, чем опыт, когда исполнение правил стало внешним поведением, а не рождалось изнутри, и Церковь ослабела. В этот момент появилось монашество, когда люди, которые не могли вытерпеть того, что они видели, стали уходить в пустыни ради того, чтобы

бороться со всем злом и несовершенством, которым, как они знали, они были полны, и с силами зла, которые нападали на них. А Церковь стала частью общества, пока общество в ходе своего развития перестало зависеть от Церкви, развило собственную культуру во всех формах искусства и музыки, зодчества и литературы. И Церковь осталась во все сужающихся пределах. Она стала, как мы сами это знаем в наши дни, местом Бого-служения, но, что хуже, для многих из нас Церковь стала местом прибежища, местом, куда мы обращаемся за защитой от мира, который нас страшит. Христос из Вождя, Который посылает нас завоевать мир, стал нашим Защитником, мы бежим к Нему от опасности, и мир справедливо чувствует, что стал чужд для Церкви, постольку поскольку Церковь в нашем лице стала чуждой миру, его подлинным проблемам. Апостолы были людьми, *посланными в мир*, это же относится к нам, но мы не исполняем свое призвание.

Однако они могли передавать ту новую жизнь, которая была в них, и это делало их слово убедительным. Я уже приводил вам афонское присловье, что никто не может отказать от земли и обратиться к небу, если не увидит на лице хоть одного человека сияние вечной жизни... Кто, встретив нас, может сказать так? Или кто может повторить сказанное К.С. Льюисом в его радиопередачах военного времени, что всякий, встретивший христианина, должен был бы замереть на месте со словами: «Смотрите, статуя ожила!» — подразумевая под этим, что статуи изображают людей, но они каменные, они холодны, неподвижны, безжизненны. А одна из этих статуй стала теплой, полна красок, она двигается и говорит. Это откровение!

В каком-то смысле утрата, о которой я пытаюсь сказать, проникла глубже в нашу жизнь. Святые молились и составили молитвы, общины подвижников, героев духа собрали эти молитвы, составили последования, церковные службы. Было время — каждое слово этих песнопений, этих молитв было криком, вырвавшимся из живой души в восторге или отчаянии, в покаянии или благодарности, в страхе или любовью человеческого чувства. Они были полны истины, они хлынули из человеческого сердца, как кровь может хлынуть из раны. А мы их повторяем, но повторяем слова, не прикасаясь к их опыту, порой лишь издали узнавая что-то туманно

нам известное. Царь Давид воплем выразил ужас о своей греховности в псалме (Пс 50); мы повторяем этот псалом, зная, что мы тоже грешники: «Увы, да, я тоже сожалею...» Это совсем не тот же вопль! Сколько, сколько молитв мы повторяем утром, вечером, слышим на часах, на утрени и вечерне, на повечерии, в литургии. Стали эти молитвы подлинно нашими? Сделались мы или становимся ли мы постепенно такими людьми, которые могут употребить эти молитвы спонтанно, естественно? Конечно, мы не можем повторить или произнести каждую из этих молитв как свои собственные: как можем мы отождествиться с духовным опытом, со знанием Бога, знанием себя, мира, греха, прощения, каким обладали святые, каждый из них? Но в каждой молитве есть суть, есть фраза, выражение, которое могло бы стать нашим собственным. Происходит ли это?

То же самое относится ко всему, что составляет красоту Церкви, — ее архитектура, ее музыка, ее иконопись. Становится ли все это для нас, верующих, путем увидеть Бога? Есть ли в них прозрачность, или все это существует само по себе, как сокровища, как предметы почитания, как нечто, принадлежащее нам, как источник радования? Это относится ко всему, что составляет наш опыт богослужебной жизни. Люди приходят извне, обнаруживают, что все это прозрачно, что земная красота может передавать вечный смысл. Но как часто в начале они это переживают, а потом наступает момент, они привыкают и начинают обращаться со всем этим как с чем-то, что им принадлежит, лично или совместно, как с земной красотой, земными смыслами. Способны ли мы передать нечто большее?

Вот последнее: христианство — не учение, это личные отношения с Богом и, в Боге, со всем, что Он сотворил и возлюбил до смерти. Согласна ли наша жизнь с Евангелием? Идеал Евангелия, выраженный Христом: все, что звучит как бы заповедью, должно настолько стать нашей внутренней сущностью, что оно уже не внешнее правило, данный нам приказ, а сила, которая определяет наши слова, наши мысли, наши чувства, наши поступки. Заповедь Божия, по выражению Ветхого Завета, не недоступна человеку; голос Божий настолько близок нашему сердцу, слово Его близко и исполнимо (ср. Втор 30: 11–14). Можем ли мы сказать, что исполняем

то, что Христос предложил нам как образ жизни подлинного человека, хотя бы рабски или как наемные работники исполняют волю своего господина? Или исполняем мы эти заповеди, зная, что мы не способны иметь верные чувства, что воля наша не в них, но у нас достаточно веры, чтобы исполнять то, что Христос предлагает и указывает исполнять, чтобы вырасти, научиться, стать Его учениками? Поступаем ли мы так? Люди судят о Церкви, судят о нас по тому, каковы мы, не по нашим речам. Апостол Павел говорит, что из-за нас имя Божие хулится (см. Рим 2: 24). Ведь люди говорят: если таковы Его ученики, с чего бы нам почитать их Учителя? С чего бы нам следовать за Ним, когда они не следуют? Слова, слова, одни слова...

Вот горькие мысли, которые постепенно все больше овладевают мной. Мы живем в мире страданий, и мы соглашаемся быть частью удобного, процветающего мира; мы живем в мире ненависти и, возможно, сторонимся ненависти, не участвуем в ней, но мы уклоняемся от трагедии и пр. А Христос пришел из несказанного сияния вечной славы в самый сумрак падшего мира и говорит нам, что и нам следует идти в него, чтобы принести свет во тьму, принести мир туда, где вражда, любовь — туда, где ненависть, сострадание — туда, где нет милости, истину — туда, где господствует ложь, и т.д. Таковы ли мы? Так ли мы поступаем? Создаем ли, что таково наше призвание? Не профессиональное призвание некоторых, но просто призвание как христиан — быть Христовым присутствием, уподобиться Ему? Готовы ли выпить Мою чашу? Готовы ли вы погрузиться в то испытание, которое предстоит Мне, предлежит Мне? С этими словами Христос обращается к нам (см. Мк 10: 35–40).

Церковь не погибла, врата адовы никогда не одолеют ее, потому что есть Тот, Кто сильнее смерти, сильнее ада, Кто уже одержал победу. Жизнь, которую Он предлагает нам, подобна дрожжам, но действует ли она в каждом из нас? Несем ли мы именно *это* каждому, кто жаждет жизни, жаждет истины, кто потерян и тоскует по человеку, который показал бы ему путь, кто полумертв и жаждет жизни?

Вот какими мыслями я хотел поделиться с вами, мыслями, которые до конца осуждают меня. Они не каждого из нас осуждают в равной степени, но нам следует задуматься над

ними, потому что Церковь стала малым обществом внутри большего общества, которое ее даже не замечает или не испытывает нужды в ней. И тем не менее Церковь есть Царство Божие, пришедшее в силе (Мк 9: 1).

На этом я остановлюсь. Посидим немного в тишине, затем помолимся, как обычно. И пожалуйста, унесите эти мысли с собой не как мои, приложите их к себе. Бог нуждается в каждом из нас и во всех нас, и так же нуждается в нас мир.

Перевод с английского Елены Майданович

Митрополит Иоанн (Зизиулас)

Идентичность Церкви
(глава из книги «Лекции
по христианской догматике»*)

Не существует бесспорного определения Церкви, и многие предлагавшиеся определения могут в равной мере относиться и к другим институтам. Поскольку Церковь — это организованное сообщество, многие из ее характеристик не слишком отличаются от характеристик иных организаций, которые появлялись и исчезали в ходе истории. Что же отличает Церковь от других институтов?

В том виде, в каком она существовала в католичестве и протестантизме, Церковь понималась как организация (*societas*) со своим собственным устройством. Хотя такое понимание Церкви преобладало столетиями, оно начинает исчезать, как начинает уходить в прошлое и идея, что «общество» — это нация, обладающая единой культурой. Это происходит не только потому, что Церковь существует в разных формах в разных странах, но и потому, что национальные культуры размываются новыми социальными и экономическими силами.

Для протестантских церквей отношение Церкви и общества, определяющее внешний аспект Церкви, обычно выражается в терминах, связанных с проблемой секуляризации. Отношение Церкви к обществу не вполне ясно определено, но оно не так уж отличается от отношения любой другой культурной организации к обществу в целом. Протестантские церкви глубоко затронуты изменением представлений об обществе, поэтому мы можем выделить коммунитарные и либеральные формы Церкви, причем у каждой протестантской деноминации есть свое собственное определение того, как Церковь соотносится с обществом. Там, где ударение ставится на учение, как в лютеранской и кальвинистской церквях,

* *Zizioulas John D. Lectures in Christian Dogmatics. New York: T&T Clark, 2008. P. 120–126.*

оно формулируется так, чтобы оно создавало свою собственную деноминационную идентичность. Протестантские церкви особенно подвержены действию преобладающих в обществе тенденций, поэтому их этика описывается в понятиях прав и свобод, не отличающихся существенно от понятий всего населения.

Влияния, определяющие западную экклезиологию, наложили отпечаток и на православие. Когда в XVII веке появились западные христианские деноминации, православные должны были дать ответ, какие из них они признают, поэтому они описали учение православных церквей, взяв эти деноминации за точку отсчета. Пытаясь отличить себя от этих западных церквей, православные заимствовали аргументы у католиков, чтобы ответить протестантам, и наоборот. Однако, чтобы правильно определить идентичность Церкви, мы должны исследовать ее раннюю историю. Церковь возникает из тех отношений человека и мира с Богом, опыт которых существовал у христиан в течение столетий.

Православные черпают свое представление о Церкви из двух источников. Первый из них — Божественная Евхаристия, литургический опыт, общий для всех христиан. Второй — опыт христианской жизни и аскетическая традиция Церкви. Римско-католическая и протестантская экклезиологии в первую очередь, вероятно, формируются, исходя из задач миссии. Когда православный христианин говорит, что идет в церковь, он не имеет в виду, что собирается услышать Христово Евангелие так, будто оно проповедано ему в первый раз. Он имеет в виду, что собирается молиться Богу в общине верных и, в частности, принять участие в Божественной Евхаристии. Церковь определяется в основном через участие в богослужении.

Однако под влиянием тех современных христианских движений и организаций, которые во главу угла ставят миссию и проповедь, возникло более индивидуальное благочестие, оказавшее влияние на православное понимание литургии. Некоторые священники ставят проповедь выше молитвы (богослужения) в ущерб Евхаристии, что совершенно меняет ориентацию Церкви. Многие священники теперь читают, а не возглашают Евангелие на Божественной литургии, полагая, что этим делают его более доступным для мирян.

Этот энтузиазм по поводу доступности и миссии подорвал наше понимание литургии как участия в тайне богообщения.

В православном богословии Церковь понимается не исходя из задач евангелизации или миссии, то есть не из желания сделать веру понятной внешним. Божественная литургия не пытается объяснить веру: хотя существует много представлений о вере, ни одно из них не является центральным для жизни Церкви. В центре — евхаристическая молитва, и здесь единственным отчетливым объяснением того, во что мы веруем, является символ веры, общий для нас и всех остальных церквей и деноминаций. В самом начале церковной истории была молитва и Божественная Евхаристия. В Новом Завете и у ранних отцов Церкви, таких как святой Игнатий Антиохийский, святой Иринеи Лионский и Иустин Мученик, мы находим, что началом, исходной точкой Церкви является совершение Божественной Евхаристии. Поэтому именно литургическое измерение дает православной традиции ясное представление о Церкви. Монашество имеет иной взгляд на Церковь. Я обращусь к этим двум подходам в определении идентичности Церкви — к евхаристическому и литургическому с одной стороны и к аскетическому и монашескому с другой — чтобы выявить некоторые богословские принципы.

Монашество испытало сильное влияние Оригена, который, как и Климент и другие александрийские богословы той эпохи, опирался на философскую мысль Платона. Для Платона идентичность каждого существа содержится в первоначальной *идее* этого существа, в то время как материальная форма является лишь неполным, часто неудачным, воплощением этой идеи. Вещь является тем, что она есть, не благодаря ее нынешней, материальной, портящейся и непостоянной оболочке, но только благодаря ее соотношению с неизменной идеей. Мы можем идентифицировать вещь только в той степени, в какой она продолжает отражать свой вечный неизменный архетип. По мнению александрийских богословов, идентичность Церкви проистекает из той вечной области идей, которая сама задается Логосом Бога и содержит разумность (логос) всего сущего. Церковь верна своей идентичности, когда ее члены собраны участием в этом первоначальном универсальном Логосе.

Александрийские богословы ответили на вопрос о «бытии» Церкви понятием единства вечных душ и вечного Логоса. Хотя концепция Оригена о бессмертии души, отвергнутая Константинопольским Собором (553 г.), не имела решающего воздействия на монашество, единство души с Логосом, еще один важный элемент александрийской традиции, сыграл действительно существенную роль в аскетике. Считалось, что материальность мешает союзу души с Логосом. Ум (нус) должен быть очищен от всего мирского, чтобы он смог вернуться к высшему Логосу, из которого происходят все души. Монастырь понимали как некий реабилитационный центр, в котором души очищались от всякой страсти и других препятствий, мешающих этому общению, так, чтобы они могли вернуться к состоянию первоначальной чистоты.

Начиная с четвертого века, этот акцент на очищении стал оказывать воздействие на Церковь. Святое причастие стали рассматривать как средство ведения этой борьбы со страстями. Распространение монашества имело смысл при таком александрийском и, в конечном итоге, платоническом взгляде на мир, в котором все материальное и вещественное считалось порчей высшего умного мира. Чем больше росло влияние этого богословия очищения, тем больше падало значение литургии.

Но является ли очищение отдельного человека главной задачей Церкви? Разве человек призван из этого материального мира или в мир существ без материальных тел? Разве воплощенный Логос — просто средство для достижения Логоса развоплощенного? А Церковь разве является собранием умов, очищенных от всякой телесности? Святые отцы бились над этими вопросами, и мы и сегодня продолжаем спрашивать их об этом. Тем не менее Церковь приняла совершенно другой взгляд на тело и материальность. Было решено, что в Церкви мы все собраны как воссоединение мира, телом и духом, с *воплощенным*, материально явленным Логосом. Хотя взгляды Оригена перестали быть доминирующими, они полностью так и не исчезли. Отдельный харизматичный святой человек, очищенный от всех страстей и эгоизма, — это важная для Церкви фигура в наше время, как и раньше, и гимнография и другая благочестивая церковная

литература все еще считает, что индивидуальное очищение как раз и является тем главным, для чего существует Церковь. Однако если мы обратимся к Евхаристии, мы увидим, что именно Христос, воплощенное Слово, является первообразом человека. Христос вобрал всю материальную природу в Свою человеческую природу, и в этом суть события Евхаристии и источник Церкви и возможности стать в ней святыми. Достижением святого Максима Исповедника (580–662) было соединение лучших интуиций аскетики и евхаристического богословия Церкви.

Как монах, Максим был хорошо знаком со взглядами Оригена и с традициями платонизма, которые лежали в основании этих взглядов. То, что он использовал концепции Платона в своем богословии, дало исследователям возможность поставить Максима в один ряд с Оригеном и другими отцами-платониками. В своей «Космической Литургии» (переведенной Брайоном Дейли, см.: Сан Франциско: Ignatius Press, 2003) Ганс фон Бальтазар сначала повсюду в мысли Максима находил элементы традиции Оригена, но его поправил Поликарп Шервуд, и Бальтазар впоследствии изменил свою позицию. Шервуд показал, что Максим, пройдя через «оригеновский кризис», потом серьезно переработал взгляды Оригена. Максим, как и большинство восточных монахов, хорошо знал Оригена и неоплатонизм, но, поверяя свое богословие живым опытом Церкви, он стал сторонником евхаристической экклезиологии.

Необычайно творческий ум позволил Максиму достичь поистине замечательного синтеза этих двух подходов. Он настаивал на том, что именно Евхаристия выражает с наибольшей полнотой идентичность Церкви. Для него правота экклезиологии индивидуального очищения состоит в преображении и предстоянии во Христе всего вещественного и умопостигаемого мира и всех человеческих отношений. Должен существовать процесс очищения, в ходе которого все отрицательные или мирские элементы уйдут, но сам процесс очищения не является конечной целью Церкви. Возвышая и предлагая все творение Богу, Евхаристия преобразует его. Церковь — это место, в котором происходит очищение, но она, вместо того чтобы производить бесплотных ангелов, приносит спасение этому материальному миру, давая ему воз-

возможность вечного общения с Богом. Процесс очищения следует понимать как часть евхаристического преобразования мира, а не как отвержение и обесценивание материального и телесного творения. Хотя в разное время акцентировался то один, то другой из этих двух подходов, Церковь всегда придерживалась синтеза, предложенного Максимом.

Проблемы начинаются, когда богословы слишком акцентируют один из подходов. Утверждения, нарушающие равновесие подходов, можно обнаружить и у самого Максима, поэтому многие рассматривали его как великого сторонника богословия самоочищения. Среди святых отцов более позднего периода особенно выделяли святого Григория Паламу как знаменосца православия и представителя богословия самоочищения. Некоторые исследователи считают, что имели место разногласия между богословами, которые подчеркивали важность индивидуальной духовности — «исихастами», и евхаристическими богословами четырнадцатого века, такими как святой Николай Кавасила из Фессалоник (1323–1391). Святого Григория Паламу обычно изображали представителем экклезиологии, в которой Божественная Евхаристия менее важна, чем индивидуальная духовность. Тем не менее я думаю, что, взятые вместе, его трактаты, доктринальные эссе и проповеди показывают, что Палама согласен с Максимом в том, чтобы считать Евхаристию центром. Мы ждем исследований, которые показали бы, в каких работах другие выдающиеся представители святоотеческой традиции, такие как святой Симеон Новый Богослов, занимают ту же позицию.

В одной области богословие самоочищения напряженно соперничало с евхаристической экклезиологией: в отношениях между епископом и монашескими общинами. Именно епископ, который предстоит на Божественной Евхаристии, является главой Церкви, поэтому он — носитель евхаристической экклезиологии всей собранной общины. Монах, напротив, скорее являет аскетическое самоочищение отдельной личности, хотя мы должны понять, что монашеские общины очень важны для святости всей Церкви.

Тем не менее всегда существует напряженность между евхаристической и монашеской экклезиологиями. В девятом веке соборы поставили над монастырями местного епископа

и решили, что монахи не должны превышать своих полномочий.

Сегодня духовная элитарность и индивидуализм являются совершенно очевидной проблемой Церкви. В православии такого рода духовность появляется в форме монашества, в то время как на Западе она принимает форму аморфного интереса к Духу и духовности, мало имеющего отношения к Церкви и ее учению. Хотя духовность индивидуальной аскетике начиналась как уход от мира, теперь она распространилась повсюду. Духовные наставники из монастырей хотят привнести свою аскетическую духовность в жизнь людей состоящих в браке и создающих семьи. Понятие послушания, как аскетический идеал, который монах принимает перед Богом и людьми, обещая следовать ему с самого начала своего пострига, вышло из монастыря и определяет христианскую жизнь. Мы видим, как миряне стараются стать духовными учениками (апостолами), не приняв обетов монашества, а с другой стороны, те, кто принял послушание и пожизненный уход из мира в монастырь, скоро возвращаются и пытаются превратить обычных христиан в последователей какого-то особого духовного пути. Христиане озадачены тем, кого послушаться, и им нужно руководство в принятии целого ряда решений, которые никогда раньше перед ними не стояли. Поэтому важно прояснить ситуацию, разобраться с некоторой путаницей. Этого не достичь, конечно, одной только интеллектуальной работой, но по-настоящему важно, чтобы мы нашли правильный баланс между Евхаристией и поиском личной святости, так чтобы святость отдельных людей служила всей собранной Церкви.

Христиане имеют непосредственные и личные отношения с Церковью и святыми. Эти отношения носят личный характер и распространяются на все наше существо, а не только на ум или чувства. Тем не менее, если кто-то зажигает свечу или делает пожертвование, можно часто услышать, что такие действия бессмысленны, если этот человек не имеет правильных мыслей и не испытывает правильного набора чувств. Однако мы должны дорожить тем, что не наши чувства или мысли делают все тем, что оно есть. Важно то, что мы вышли из дома и пришли в Церковь, чтобы быть со святыми. Литургия — это реализация наших отношений с Богом, со

святыми и со всем миром. Ее цель – не просто ухватить что-то интеллектуально или эмоционально и не просто прийти в какое-то определенное умственное состояние. Когда прихожане осеняют себя крестом каждый раз при упоминании какого-нибудь святого, это показывает, что, даже если люди не имеют правильных мыслей и не испытывают правильных эмоций, они все равно наслаждаются живыми отношениями с этим святым, просто находясь там вместе с другими членами общины.

Перевод с английского Аллы Николаенко

ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВ

Каноническое право как проблема

1

Каждый новый церковный конфликт обостряет споры о каноничности того или иного явления в Церкви. Кто из православных не вел таких споров! Слова «канонический» и «неканонический» употребляются в церковной полемике настолько часто — и подчас по отношению к одним и тем же явлениям, — что практически полностью девальвировались. Одни признают некое церковное явление или поступок каноническим, другие — неканоническим. В чем причина этих расхождений, переходящих в горячие споры и раздоры? Разве церковные правила существуют не для того, чтобы внести ясность и указывать, как должно поступать в тех или иных ситуациях? Разве их конечная цель не в установлении и поддержании порядка, где сохраняется единство Духа в союзе мира (Еф 4: 3)? Разве не для этой цели они писались? На практике, однако, православное церковное право¹ представляет собой такое смешение разновременных норм, что найти в нем указания, как поступать в том или ином неоднозначном случае, отнюдь не просто. Поэтому споры о том, что канонично, а что нет, — которые к тому же часто ведутся отнюдь не экспертами по церковному праву, и ведутся так, как будто трудностей применения канонического права и не существует, — к согласию не приводят.

В православном каноническом праве нормы содержатся либо в виде письменных предписаний, либо как неписанные обычаи (которые могут и противоречить существующим письменным предписаниям, особенно если последние устарели). Наиболее почитаемой частью письменного права считаются прежде всего каноны Вселенских соборов, затем — древних Поместных соборов и, наконец, отцов церкви. Они составляют принятый всеми Поместными церквями и утвержденный 2-м правилом Трулльского собора (691–692) — с последующими небольшими дополнениями — корпус канонов Православной церкви и собственно и называются канонами

в узком смысле. Кроме того, в отдельных Поместных церквях существуют местные правила разных времен. Эти канонические тексты тоже называют канонами в широком смысле слова. В идеале в той или иной ситуации Церковь действует на основе правил, древних или новых. Ссылки на них приводятся церковными властями — во всяком случае, ссылаться на них считается подобающим — при принятии решения.

2

На практике, однако, добросовестное применение канонов (в любом, широком или узком смысле этого слова) к действительности сталкивается с серьезными проблемами. Первая из них — православный корпус канонов *не полон* и никогда не стремился таким быть. «Каноническое законодательство никогда не имело задачей дать основные нормы и основные принципы церковного устройства»². И, может быть, более всего это касается древнейшей и самой почитаемой его части — канонов Вселенских и Поместных соборов. Все они принимались по конкретным и часто весьма специфическим случаям, не представляют собой никакого систематического свода, а при попытке составить из них таковой оставляют множество крупных пробелов в самых разных областях церковной жизни. Не восполняют многих пробелов ни византийские канонические документы эпохи после Вселенских соборов, ни более современное церковное законодательство Поместных церквей. Так, современные уставы этих церквей предписывают в главных чертах их устройство, но, как правило, специально не касаются таких областей, как рукоположение клириков, покаянная дисциплина и многих других.

Стремление создать всеобъемлющий, подлинный свод канонов, подобный тому, как в католичестве в Средние века был составлен «Декрет» Грациана, а ныне действует «Codex juris canonici», было до сих пор чуждо Православной церкви. Я не обсуждаю здесь вопрос, хорошо это или плохо: для православных полемистов с католичеством, критикующих — не без оснований — чрезмерный юридизм западного христианства, это, скорее, положительное явление. Но оно, увы, имеет и свои отрицательные стороны. Средневековые православные своды правил не суть кодексы, пытающиеся

дать систематическое изложение норм, которые охватывают все стороны церковной жизни, на современном этим сводам языке и в понятиях того времени. Они лишь располагают имеющиеся каноны в лучшем случае по темам, а то и просто в иерархически-хронологическом порядке³. В период после Вселенских соборов православные канонисты либо комментировали дошедшее до них каноническое законодательство (Аристин, Зонара, Вальсамон), либо кратко парафразировали его с элементами комментирования (Властарь, авторы малых номоканонов). Время от времени в XX и XXI столетиях возникали разговоры о необходимости кодификации православного церковного права, но они не продвинулись дальше замыслов, главным образом из-за того, что во вселенском православии отсутствует единая центральная власть и Поместные церкви предпринимают совместные действия с большим трудом (если вообще предпринимают их). Кроме того, у каждой Поместной церкви есть свои канонические документы, отражающие местную традицию, и, таким образом, издание единого всеправославного свода канонов, как бы он ни выглядел, может распространяться лишь на какие-то общие для всех Поместных церквей правила. Установление объема этого общего является отдельной проблемой, которую, возможно, и неплохо было бы решить, но после некоторого количества разговоров и совещаний и после небольшого числа посвященных проблеме богословских работ воз православной кодификации канонов и поныне находится совсем неподалеку от того места, где он находился столетие назад⁴.

3

Вторая проблема применения канонов к действительности — их *возраст*. Когда, чтобы прояснить норму, канонист обращается к традиционному корпусу канонов, он стоит перед необходимостью толкования более или менее древних правил. Это одна из черт, которая резко отличает нынешнее светское право от нынешнего реально существующего церковного. Современное светское право адаптируется к настоящему. Это для него нормально и естественно. Оно предписывает норму в наличной общественной ситуации и пользуется современным языком. Закон действует, пока он не устаревает, пока не

отмирают или не изменяются существенно институты, которые право регулирует, и понятия, которыми оно пользуется. Срок жизни светских правовых норм обычно измеряется десятилетиями, в некоторых редких случаях — столетиями (от силы двумя-тремя). Отсутствие права, адекватного современности, применимого к ней без историко-филологических изысканий, написанного на языке, который понятен современному юристу, считается очевидным недостатком и вызывает потребность в законотворчестве — написании законов, которые названным требованиям удовлетворяют.

Не так обстоит дело в каноническом праве. Оно во многом игнорирует время как фактор в жизни правовой нормы. Самая почитаемая часть православного канонического права — древнейшая, а следовательно, она и самая трудноприменимая. Если бы современный юрист явился в гражданский суд с законами Хаммурапи («Законами двенадцати таблиц», «Кодексом Юстиниана», «Lex salica» или «Русской правдой» — выбирайте пример позабавней) и потребовал бы от судьи считаться с ними больше, чем с действующим в данной стране законодательством, то у присутствующих в суде возникли бы серьезные сомнения в психическом здоровье такого «архаиста». Но в Церкви ссылка на каноны IV или V века как норму для современности — явление рядовое и даже свидетельствующее о должном знании канонов и правильном подходе к ним. Часть канонов, касающаяся отмерших институтов и исчезнувших явлений, уже не применяется и представляет чисто исторический интерес⁵. Другая часть «не соблюдается в силу некоего установившегося обычая»⁶. Однако часть канонов, даже древнейших, еще выступает не в качестве памятников, которые изучают и истолковывают историки канонического права, но активно цитируется и представляется цитирующими либо прямо в качестве норм, либо, по крайней мере, в качестве основы для современных норм. Такой подход порождает целый букет проблем.

Сложность применения древних канонов как всевременных норм состоит в том, что они направлены на разрешение какой-либо конкретной ситуации своей эпохи и страны и написаны языком той эпохи и региона. Вселенские соборы, принимавшие наиболее почитаемые в православии каноны (хотя и отнюдь не всегда исполняемые и исполнимые), были

институтом Римской империи и созывались для решения главным образом догматических вопросов Церкви (повестка дня отчасти определялась в императорской канцелярии)⁷. Нередко подробности ситуации, к которой относятся каноны, могут быть почти забыты, и требуется знание специальных исследований, которые помогают понять намерения законодателя (*mens legislatoris*) – собора. Для применения канонов в настоящем требуется соотнести и текст, и ситуацию с реалиями нынешней эпохи, что крайне сложно, а зачастую и просто невозможно! Часть этого соотнесения есть перевод канонов на современный язык, что вообще является особой проблемой, которую призваны решать специалисты – историки права и филологи.

Меняется эпоха, уходят старые реалии, приходят новые. Многие термины поменяли свой смысл. Так, служение епископа, который появляется в древнейших канонах IV века, заметно отличается от нынешнего епископского служения. Так, «экзарх», появляющийся в 9-м и 17-м правилах Халкидонского собора, которые ныне часто цитируются при спорах о границах апелляционной власти Константинопольского патриархата, – это совсем не тот «экзарх», которого можно найти сегодня в том же Константинопольском или в Московском патриархате⁸. Так, «народ» в 34-м апостольском правиле, которое постоянно цитируют для обоснования права нации на автокефалию и которое к современной проблеме автокефалии прямо не относится, – это совсем не современная нация⁹.

Исчезают институты. Так, полностью исчезли «сельские епископы» («хорепископы»). Так, правило Второго Вселенского собора дарует Константинополю первенство чести после Рима, потому что он Новый Рим, а то, что мы знаем как 28-й канон Халкидона (и что на самом Халкидонском соборе было принято по инициативе Константинопольского патриарха как отдельное, дополнительное решение и так и фигурировало в древнейших собраниях канонов)¹⁰, аргументирует первенство чести Константинополя после Рима тем, что Константинополь почтен присутствием императора и сената. Но где нынче римский император и сенат? Для современности эти аргументы не означают ничего. Ныне первенство Константинопольского патриарха, если оно действительно существует, должно быть аргументировано иначе.

Все примеры, приведенные в предыдущих абзацах, нужны мне не для того, чтобы вступить в полемику по вопросам, по которым и так уже было слишком много полемики, но для того, чтобы показать, что прояснение смысла канонических текстов, отстоящих от нас на тысячелетия или даже только на столетия, и применение их к настоящему требует специальной профессиональной подготовки.

Но и специальные знания не гарантируют «правильного» или единообразного толкования канонических текстов из-за их исторической удаленности и невозможности для специалистов прийти к общему мнению. Достаточно вспомнить пространную дискуссию относительно *οί ὄχλοι* в 13-м правиле Лаодикийского собора в период подготовки Московского собора 1917–1918 годов в связи с обсуждением вопроса о выборности епископата: «народ» это, или «толпа», «чернь», или, может быть, «нецерковный народ» в противоположность членам церкви¹¹? В этой связи становятся понятными слова известного церковного деятеля, позднего славянофила генерала А.А. Киреева, записавшего в своем дневнике по поводу дискуссий профессоров-канонистов в Предсоборном присутствии: «Чем больше я их слушаю, тем более убеждаюсь, что на какой угодно тезис можно найти подходящий канон; да и прежде не доверял непогрешимости канонов, а теперь и совсем изверился»¹². Русских профессоров-канонистов конца XIX – начала XX века в незнании канонов упрекнуть трудно, но прийти к общему мнению относительно применения древних правил к настоящему было сложно и им. С тех пор положение только ухудшилось. Обоснование многих нынешних явлений и поступков древними канонами невозможно без канонической эквилибристики. «Как юристом называется тот, кто умеет выискивать всевозможные прецеденты и доказательства в пользу своего случая, так и канонист в этой системе мышления – тот, кто в огромной массе канонических текстов способен обнаружить текст, который оправдывает его “случай”, даже если последний, по-видимому, противоречит духу Церкви. И как только “текст” обнаружен, “каноничность” утверждена. Другими словами, обозначился разрыв между Церковью как духовной, *сакраментальной* сущностью и Церковью как организацией, так что вторая практически перестала восприниматься как выражение первой, всецело

от нее зависимое»¹³. Такой подход характерен для многих из тех, кто участвует в спорах о каноничности, включая профессиональных канонистов. Он, однако, дискредитирует и каноны, и саму профессию канониста.

Традиционный православный канонический корпус — разновременной конгломерат, который в своем целом не может быть действующим правом (и на практике им и не является). «Оказывается, что каноны не всегда могут быть последним критерием, а что сами они нуждаются в более высоком критерии»¹⁴. «Для верного понимания, толкования и применения канонических текстов их необходимо соотносить с истиной Церкви и истиной о Церкви — истиной, которую они выражают в связи с очень специфической ситуацией и присутствием которой в каноническом тексте не всегда явно»¹⁵. В чем состоит этот критерий и какова истина о Церкви?

4

С вопросом о применении древних правил в современной ситуации связан вопрос об их изменчивости, а следовательно, и о природе канонов вообще. 2-е правило Трулльского собора утверждает неизменяемость перечисленных в нем канонов, но, по-видимому, неизменяемость, на которой настаивает собор, понималась им не как неизменяемость буквы, но духа. Сам Трулльский собор принял правило об обязательности безбрачия епископов вопреки предшествующей многовековой традиции, на безбрачии не настаивавшей, и вопреки тому, что такая обязательность противоречит словам новозаветных пастырских посланий (1 Тим 3: 2). Понимать неизменяемость как необходимость буквально выполнять все каноны, принятые соборами, которые отстоят от нас на сотни и даже тысячи лет, невозможно по многим причинам (в том числе из-за указанной выше их смысловой и языковой удаленности от нас и из-за отмирания многих институтов). Такое понимание относится скорее к категории курьезов¹⁶.

Вопрос о природе канонов, об их специфике как права на удивление редко ставится в православном богословии. Среднего толкователя канонов, даже если он профессиональный канонист, эта проблема не занимает: он извлекает

из разновременного канонического корпуса нужные ему нормы, считая их как бы всевременными, и не интересуется канонами, фактически отмершими, но никем не отмененными.

Единственная известная мне современная попытка прояснить природу канонического принадлежит отцу Николаю Афанасьеву и сделана в двух его ранних статьях — «Каноны и каноническое сознание» и «Неизменное и временное в церковных канонах»¹⁷. В них Афанасьев развивает мысль, что каноны суть выражение догматической истины о Церкви в терминах своего времени. Они изменяемы тогда и постольку, когда и поскольку это нужно, потому что в каждую эпоху Церковь воплощается в присущих эпохе формах и каноны выражают истину о Церкви в присущих эпохе и данному языку терминах. «Попытка применения церковных постановлений при отсутствии условий, применительно к которым они изданы, приведет к противоположным результатам и поэтому явится выражением не богочеловеческой, а человеческой воли. <...> Смысл истинного предания состоит не в механическом повторении того, что было в прошлом, а в принципе непрерывности жизни и творчества, в неоскудевающей благодати, которая живет в Церкви. <...> Сборники канонических постановлений существовали и будут существовать, но в них всегда будет отсутствовать *первый канон*, самый главный и основной... канон о том, что канонические постановления каноничны лишь тогда, когда ими достигается то, к чему они предназначены, — служить каноническим выражением догматического учения в исторических формах существования Церкви»¹⁸. Именно «применение церковных постановлений при отсутствии условий, применительно к которым они изданы», — это и есть то, чем нередко занимается современная православная канонистика (временами с большим энтузиазмом).

Церковные правила разных эпох связаны друг с другом «через центр», который есть догматическое учение о Церкви. Они как бы проекция истины о Церкви на линию времени, проекция, выраженная на языке эпохи и данной страны. Но эта проекция не появляется автоматически, а отыскивается канонической мыслью. Каноническое же сознание, порождающее формулировки церковных правил, зависит от ясности экклезиологической мысли. Каноническое право — раздел экклезиологии или, иначе, один из ее аспектов. Каноническая

мысль как форма экклезиологической мысли силою благодати Духа, всегда живущего в Церкви и направляющего ее, делает творческое усилие, чтобы отыскать нужные в данное время формулировки канонов.

Разработка учения о Церкви стала программой самого Афанасьева на последующие десятилетия. Результатом ее было выработанное им представление о Церкви как евхаристическом собрании, феномене, в котором вселенское реализуется через местное, феномене, где вселенская церковная организация не может подменять и подавлять собой местную церковь. Ученик Афанасьева, отец Александр Шмеман, словом и делом принявший участие в развитии и применении идей своего учителя, констатируя в 1970 году, с одной стороны, «кризис номинальных структур Церкви, вселенских, поместных и т.д.» и «несоответствие ничего ничему», утверждал, с другой стороны, что в богословии «произошло возрождение экклезиологии, все элементы для здоровой “перестройки” — налицо»¹⁹. До здоровой перестройки дело, однако, дошло в очень небольшой мере. Сопrotивление этнических юрисдикций («традиционного православия») оказалось весьма сильным. В православии продолжает господствовать представление о Церкви как вселенской организации, которая поделена на полтора десятка автокефалий, связанных по большей части с отдельными нациями, независимых друг от друга и каким-то образом слабо объединенных через первенство чести Константинопольского патриарха и через соборы, — причем по поводу практического выражения этих объединяющих факторов общего согласия нет. Реальных церковных политиков мало занимают фундаментальные экклезиологические и канонические вопросы, которые, по-видимому, считаются то ли не существующими, то ли не актуальными. Предстоятели и синоды Поместных церквей заняты юрисдикционными войнами, отстаивая свои «канонические права» и споря из-за «канонических территорий»²⁰. Епархии и приходы играют в этих войнах роль разменной монеты. Церковный народ в своем большинстве безмолвствует. Для патриарших канцелярий и синодов обновление экклезиологии и складывание предпосылок для «здоровой перестройки» прошло незамеченным, а если и было замечено, то как помеха. Тем не менее необходимость в переустройстве вселенских

и поместных структур православия никуда не исчезла. Такое переустройство неизбежно будет сопровождаться новым каноническим творчеством. Отличительной чертой этого переустройства должен стать взгляд на Церковь из церкви, то есть из собравшегося на евхаристию народа, а не из кабинетов патриархий и синодов.

Каноническое право обладает несколькими чертами, отличающими его от права светского. В своем идеале Церковь — не правовой институт. Каноны нужны ей лишь для минимальной фиксации порядка церковной жизни в данный период истории. Будь Церковь местом, где преобладает любовь, потребности в праве было бы меньше. Совершенная любовь, быть может, сделала бы право, закон ненужными. Но Церковь есть лишь место стремления к совершенной любви, а, увы, не место ее совершенной реализации. Поэтому толика права в ней неизбежна. Тем не менее церковное право — не зеркальное отражение права гражданского общества. В церковном праве нет места насильственному принуждению, которым государство гарантирует выполнение норм светского права.²¹ (Увы, такое насилие в нем было на протяжении многих столетий как в Византии, так и на Руси — до 1917 года включительно). В церковном праве должен, как это было в Древней церкви, действовать механизм рецепции, в рамках которого решение становится таковым только *после того*, как оно воспринято тем, к кому относится, и засвидетельствовано другими членами данной церкви и другими церквями²². Такой механизм служит гарантией против бюрократического произвола церковного «начальства», полагающего, что в Церкви все решается в узком кругу и подпись иерарха на документе придает решению окончательную каноническую силу.

Для того чтобы церковное право выполняло свою функцию — способствовать строю, порядку внутри Церкви, необходимо продолжить труд уяснения идеи Христовой Церкви, ибо господствующие ныне универсализм, автокефализм, иерархизм (понятый как вертикаль, где высший командует низшим), примат церковной геополитики над миссией и мирным домостроительством предлагают порядок, который низводит Церковь на уровень секулярного института, обслуживающего духовные нужды все более немногочисленного

христианского населения. Без дальнейшего обсуждения вопросов, затронутых в данной статье, и, следовательно, без прояснения природы канонического (которое невозможно без прояснения природы самой Церкви) каноническое право будет по-прежнему бессильно в ситуациях, когда от него ждут помощи, и не перестанет быть предметом недобросовестных манипуляций и областью добросовестных заблуждений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Следуя преобладающей православной традиции, я не различаю церковное и каноническое право. Для меня это синонимы, которыми обозначается любое право, принятое Церковью для своего внутреннего пользования и авторизованное ею независимо от источника происхождения права.

² *Афанасьев Н.Н.* Каноны и каноническое сознание // *Афанасьев Н.Н.* Церковь Божия во Христе. М.: ПСТГУ, 2015. С. 138.

³ Подробнее о таких сводах в Византии см. соответствующие главы у: *Τρωιάνος Σπύρος Ν.* Οι Πηγές του Βυζαντινού Δικαίου. 3 έκδ. Αθήνα: Σάκκουλα, 2011; у славян: *Alexandrov Victor.* The Syntagma of Matthew Blastares. Frankfurt a. M.: Löwenklau, 2012. S. 18–30.

⁴ Краткую сводку этого «топтанья на месте» см. в работе: *Γρηγορίου (Ματρουсов), ιεροδ.* Каноны: правила Церкви и правила жизни. М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2017. С. 19–22.

⁵ См. их пространный перечень: Там же. С. 314–362.

⁶ См. примеры: *Афанасьев Н.Н.* Каноны и каноническое сознание. С. 135–136.

⁷ *Афанасьев Н.Н.* Вселенские соборы // *Афанасьев Н.Н.* Церковь Божия во Христе. С. 47–58.

⁸ См.: *L'Huillier Peter, archbishop.* The Church of the Ancient Councils. Crestwood (NY): St. Vladimir's, 1996. P. 232–236.

⁹ *Гидулянов Павел.* Митрополиты в первые три века христианства. М.: Университетская типография, 1905. С. 31–107.

¹⁰ *L'Huillier Peter.* The Church of the Ancient Councils. P. 267.

¹¹ Обзор дискуссии: *Савва (Тутунов), игум.* Епархиальные реформы. Круглый стол по религиозному образованию. М., 2011. С. 117–124. Возможности толкования правила: *Александров Виктор.* Николай Афанасьев и его евхаристическая экклезиология. М.: СФИ, 2018. С. 169–171.

¹² Дневник А.А. Киреева. М.: Росспэн, 2010. С. 142 (запись от 4 мая 1906 г.).

¹³ *Шмеман Александр, прот.* Проблемы православия в Америке // *Шмеман Александр, прот.* Собрание статей. 1947–1983. М.: Русский путь, 2009. С. 475–476.

¹⁴ *Афанасьев Н.Н.* Каноны и каноническое сознание. С. 130.

¹⁵ *Шмеман А., прот.* Проблемы православия в Америке. С. 476.

¹⁶ См. развитие темы: *Афанасьев Н.Н.* Каноны и каноническое сознание. С. 140.

¹⁷ Обе недавно переизданы в: *Афанасьев Н.Н.* Церковь Божия во Христе. С. 129–145 и 161–178 соответственно.

¹⁸ Там же. С. 176–177.

¹⁹ Письма о. Александра Шмемана о. Игорю Вернику // *Вестник РХД.* 2015. № 203. С. 140.

²⁰ Вскользь замечу, что понятие «канонической территории», возникшее, по-видимому, в лоне русской официальной канонистики последних десятилетий, весьма сомнительно с точки зрения предшествующей канонической традиции. Православное церковное право традиционно говорит о праве поставления епископов определенных епархий или церковных округов (митрополий) первенствующими епископами данной Поместной церкви, но не о распространении власти синодов или предстоятелей Поместных церквей на территорию этих епархий и округов. Ни синоды, ни предстоятели не распоряжаются такими территориями, поскольку епархии являются, согласно древнейшей церковной традиции, самостоятельными местными церквями, а все епископы харизматически равны. Это понятие представляет Поместную церковь как некую централизованную организацию, которая обладает, по аналогии с государством, определенной территорией. В Русской церкви понимание епархии как местной церкви всегда было слабым, номинальным, поэтому неудивительно, что понятие «канонической территории» получило в современном русскоязычном богословии повсеместное распространение и до сих пор никем не было оспорено как неуместное.

²¹ *Афанасьев Н.Н.* Неизменное и временное в церковных канонах // *Афанасьев Н.Н.* Церковь Божия во Христе. С. 179; *Александров В.* Николай Афанасьев и его евхаристическая экклезиология. С. 198–199.

²² Самые общие данные о рецепции см. в: *Александров В.* Николай Афанасьев и его евхаристическая экклезиология. С. 64–66, 157–161, 177–183. На важность рецепции в истории Древней церкви указал еще Рудольф Зом (*Sohm Rudolph.* Kirchenrecht. Bd. 1. Leipzig: Duncker and Humblot, 1892. § 21–33), но у него она ограничивается деятельностью соборов. У о. Николая Афанасьева рецепция становится универсальным элементом общения местных церквей. Понимание им рецепции как *части самого решения*, а не как принятия уже готового решения впервые подчеркнуто в работе: *Wooden Anastacia.* The Limits of the Church: Ecclesiological Project of Nicholas Afanasiev. PhD Dissertation. Washington, DC: Catholic University of America, 2018. P. 450–451.

ЖИЗНЬ ЦЕРКВИ

ЕЛЕНА БЕЛЯКОВА

Экклезиологические постановления Поместного Собора Русской Православной Церкви 1917–1918 годов

1. Сегодня, спустя сто лет, очевидна уникальность Поместного Собора 1917–1918 гг. в истории России как акта церковного самоопределения.

2. Решения Собора не могли бы состояться, если бы не большая подготовительная работа общественной мысли. Отметим появление настоящих школ литургистов и канонистов. Кафедры канонического права, созданные в университетах, вывели канонику из семинарского предмета на новый уровень. На смену заучиванию определений из католических учебников пришла постановка вопроса об истории и сущности церковных институтов. При всем несходстве экклезиологических позиций русских канонистов их труды открыли возможности для обновления церкви. Так, уже в курсе церковного права А.С. Павлова говорилось о праве мирян избирать кандидатов на все церковные должности и участвовать в управлении церковным имуществом. Н.С. Суворов в свой учебник церковного права включил и главы об устройстве «западно-католической» и евангелической церквей, тем самым показывая бессмысленность ограничения понимания церкви только православной традицией. М.И. Горчаков еще в 1870 г. говорил об опасности иерократии в церкви, обозначив главную болезнь на столетие вперед. Именно он вдохнов-

для авторов «записки 32-х», ставшей толчком к началу церковных реформ.

Идея соборности была темой и славянофильского направления, заявившего о себе яркими выступлениями на Предсоборном Присутствии Николая Петровича Аксакова, борového против отрыва канонов от Предания.

3. В 1912 г., когда архиепископ Сергей (Страгородский) составлял по заданию Предсоборного Сопещения основные положения об управлении Российской Церковью (по сути, Устав), там уже содержалось положение о восстановлении патриарха как председателя Синода и о всероссийских соборах «как высшей церковной власти». При этом сохранялись законодательные права Императора в Церкви.

4. Эта модель не могла быть реализована. Только Временное правительство, несмотря на краткий срок своего существования, осуществило созыв Поместного Собора. Оно буквально подталкивало Синод к подготовке и проведению Собора. В 1917 г. уже не было дискуссий о праве участвовать мирянам в Соборе — Собор одних епископов был нерепрезентативным в глазах общества, его голос не был бы услышан даже клириками.

5. И это действительно чудо, что накануне гонений Церковь получила опыт соборности. Как говорил Ф.Д. Самарин на Предсоборном Присутствии, «главная цель Собора — утвердить любовь и оградить мир в Церкви... Утраченное сознание значения Собора еще не усвоено мирянами и даже не всем ведомо из духовенства»*. В условиях страшной озлобленности и разделений появилась возможность согласовывать позиции, возможность слушать другую сторону, вместе искать истину. Задачей было преодолеть ставшие очевидными в ходе событий 1917 г. противостояния (псаломщиков — священникам, священников — епископам) и ввести систему **выборности**. Противостояние продолжалось и на Соборе. Либеральное крыло, представленное «Церковно-общественным вестником», с его девизом «Свободная церковь свободного народа» было вытеснено. И тем не менее Собор пытался искать

* Журналы и протоколы высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. СПб., 1906. Т. 1. С. XII.

то, что объединяет. Подготовленные реформы обновления церковной жизни вызывали протест у консервативно настроенных соборян, многие не считали возможным производить какие-либо изменения в церковном строе, видя в этом посягательство на веру. Как заявил митрополит Сергей (Страгородский), «Нам указывают, что у нас нет веры в Бога, нет ревности по Боге. Но я думаю, что ревность состоит в том, чтобы, вопреки утверждениям толпы, называть черное черным. Ведь и против Господа кричали, что Он не чтит субботы. Я очень желал бы, чтобы этот прием у нас не повторялся. Мы призваны сюда, чтобы свободно высказывать свои мнения, из столкновения этих мнений мы надеемся достигнуть истины. Зачем прибегать к такому искусственному приему, чтобы заставить людей склониться не в ту сторону, куда влечет их совесть? Самая трудная борьба — это борьба с предубеждениями».

6. В отличие от живой речи Деяний, в Соборных определениях нас неприятно поражает их казенный язык («церковно-бюрократический»), а переводчику невозможно перевести такие слова, как «потребный», «надлежащий», «подлежащий», «печение», «охранение», «братское представление», «удовлетворение духовно-религиозных потребностей», «нарочитое благословение».

Причина в том, что многие решения готовились 12 лет (!), их писали чиновники Синода и юрисконсультанты, в совершенстве владевшие профессиональным языком, позволявшим точные формулировки. Опыт соборности и опыт гонений заставлял менять и стиль Определений. Проекту реформы прихода было предпослано послание, в котором говорилось о необходимости «Вложить дух жизни в сухие кости положения о православном приходе». В положении говорилось о «забвении истинной церковной жизни, об утрате нами чувства церковности, нас всех объединяющей и воодушевляющей на братское общение для вечного спасения», о том, что «вместо духа любви господствует такая злобная вражда между людьми». В нем появилось слово «ревнители» — термин совсем не юридический, но хорошо известный из церковной истории.

7. Собор пытался ввести принцип соборности на всех уровнях церковной жизни, сделать его основой церковного управ-

ления, отказаться от принципа деления церкви на учащих и учимых. Эта позиция разделялась далеко не всеми членами епископата. Необходимо отметить, что до нас дошли лишь очень краткие протоколы заседаний Епископского Сопещения, не все епископы стремились прояснить свою позицию и на Соборе.

Первое же определение Собора 4 ноября 1917 г. — «*Определение по Общим положениям о высшем управлении Православной Российской Церкви*» — говорило о том, что «высшая власть — законодательная, административная, судебная и контролирующая — принадлежит Поместному Собору, периодически, в определенные сроки созываемому, в составе епископов, клириков и мирян». Собор мыслился уже не как чрезвычайное собрание для решения особо важных вопросов, а как норма церковной жизни. Впрочем, постановления, регулирующие созыв Соборов, не было принято.

Соборность предполагалась и на уровне епархии: «Высшим органом, при содействии которого архиерей управляет епархией, является *епархиальное собрание*». Конечно, странно, что здесь не был применен термин «епархиальный собор», употреблявшийся в Московской Руси (*Определение Об епархиальном управлении*).

Помимо епархиального собрания были предусмотрены окружные и приходские собрания.

Восстанавливая институт патриаршества (*Определение от 8 декабря О правах и обязанностях Святейшего Патриарха Московского и всея России*), Собор предписывал подотчетность патриарха Собору, и не только патриарха, но и Священного Синода и Высшего Церковного Совета (*Определение от 7 декабря 1917 г. О Священном Синоде и Высшем Церковном Совете*). Таким образом, вся система высшего управления оказывалась подотчетна Собору. Это было новым для православной эклизиологии. Предусматривалась и возможность отстранения патриарха и суда над ним. Важно понять, что за восстановлением патриаршества в 1917 г., в отличие от учреждения патриаршества в 1589 г., стояли не вселенские или международные амбиции, а «возвращение к канонам», понимание необходимости личного начала в руководстве Православной Церковью (и в первую очередь личной, персональной ответственности). К этому добавлялось и представление о допетровской

эпохе как периоде, когда церковь не была полностью включена в государственную систему управления, и как эпохе более религиозной. Имели место и надежды на воссоединение со старообрядцами. Вопрос о взаимоотношениях с Вселенским патриархом и о месте Московского патриарха в ряду других Патриархатов на Соборе не ставился, упомянуты были лишь контакты с другими автокефальными церквями. Однако в постановлении «*О правовом положении Православной Церкви*» (2 декабря 1917 г.) церковь позиционировала себя как часть «единой Вселенской Христовой Церкви», что давало возможность заявить об особых правах по отношению к государству, о несводимости только к общественному союзу внутри государства.

В определении *О правах и обязанностях Святейшего Патриарха Московского и всея России* говорилось о равенстве патриарха с его епископами, то есть принцип соборности сохранялся, а не выстраивалась вертикаль власти.

Все современники единодушно отмечают, что появление патриарха вызвало в среде верующих необычайный подъем, на службы патриарха стекались тысячи человек со всей Москвы. Самое удивительное, что митрополиты Антоний (Храповицкий) и Арсений (Стадницкий), набравшие большее количество голосов, не создали своей оппозиции. Авторитет патриарха как избранника всего Собора был необычайно высок. Именно поэтому впоследствии делались попытки уничтожить как самого патриарха, так и институт патриаршества. Без соборного избрания попытки возглавить руководство Церкви оказались обречены на провал и стали предметом длительных расколов.

8. С понятием соборности неразрывно связано *введение мирян в церковное управление и создание последовательной системы выборности церковных должностей*. Сейчас появилась тенденция рассматривать это явление как дань революционным событиям («вся власть мирянам»). Но за этим изменением стояло обновление эkkлезиологии. Клирики в церкви давно перестали быть «избранными», их «избрание» определялось не их достоинством, а их происхождением, их образованностью, их включенностью в академическую систему (как в случае с епископами).

В Византии исполнение любой должности в церкви (не только иерархической) воспринималось уже как церковное служение; это было утрачено в России.

Вернуть мирян в управление церковное означало и вернуть мирян в церковь, преодолеть очевидную маргинальность духовенства для русского общества. Поворот части интеллигенции к Церкви был замечен. Но большинство мирян было представлено на Соборе не по их авторитетности, а «по принадлежности». Любой шаг в направлении введения мирян в систему управления встречал протест как «антиканоничный», как уменьшающий власть епископата. Но епископы в России давно превратились в высокооплачиваемых государственных чиновников, а их статус зависел от лояльности власти. Священники находились в полной зависимости от воли епископа. Как заявил на Соборе Сергей (Страгородский), «власть епископов развернулась теперь до огромных размеров», каждое слово их считается «чуть ли не изречением оракула», и «никто не имеет права ему противоречить». И совсем резко отзывалась пресса о епископах: «Говорить в наши дни о существовании живой органической связи между епископом и его паствой — это значило быть или слишком наивным, или слишком смелым. Если и существует у епископа “живая” связь, то разве с представителями губернской администрации, вроде губернатора или предводителя дворянства, кое с кем из купцов, кое с кем из “благочестивых барынь».

9. В качестве органа Высшего церковного управления помимо Синода, который так и остался чисто архиерейским (отметим, что расширение Синода В. Львовым за счет введения протопресвитеров было отвергнуто), был создан Высший Церковный Совет (*Определение о Священном Синоде и Высшем Церковном Совете, Определение о круге дел, подлежащих ведению органов Высшего Церковного управления*). Он состоял из 15 человек: председателя — патриарха, 3 епископов из Синода, 5 клириков, 6 мирян, 1 монаха. Высший Церковный Совет избирался на «междусоборный период» (3 года). Допускалось соединенное присутствие Совета и Синода. ВЦС должен был решать дела административные, хозяйственные, школьно-просветительные, ревизионные и др.

Миряне были включены и в состав епархиального управления: архиерей управляет при «соборном содействии клира и мирян» (*Определение Об епархиальном управлении*, февраль 1918).

Миряне, согласно постановлению Собора, участвуют, как клир и епископат, в выборе епископа (гл. II/16). Выбор епископата клиром и мирянами епархии — та практика, которая проводилась при Временном правительстве и должна была стать нормой для церкви. Путем выборов занял кафедру московского митрополита архиепископ Тихон (Беллавин), владимирского — Сергей (Страгородский), петроградского — Вениамин (Казанский) и др. Допускалась возможность и выбора кандидата из мирян: кандидатура Д. Самарина была выдвинута на выборах московского митрополита. Участие мирян в выборах имело огромное значение — тем самым епископ переставал быть «назначенцем», попадая на кафедру по расположению к нему императора или других лиц.

В епархиальное собрание включались и представители учебных заведений и монашествующих. Разумеется, каноны не знают никаких «представителей духовно-учебных заведений». В Византии «дидаскалы» — люди в церковном чине. В XIX в. среди профессоров высших духовных учебных заведений могли быть и миряне, но, как правило, из духовного сословия (как, например, Е.Е. Голубинский, А.С. Павлов).

Миряне могли быть членами Епархиального совета (*Определение Об епархиальном управлении*, глава IV «Об Епархиальном совете»): «Председатель и не менее двух членов Епархиального совета должны быть в пресвитерском сане... остальные же могут быть избираемы из клириков или мирян» (п. 53).

Помимо епархий Собор предусматривал создание благочиннических округов — округов, объединявших приходы. Создание этих промежуточных образований было связано с обширностью русских епархий. Конечно, Собор мог бы пойти по пути умножения числа епископов, и такой путь предполагался, правда, за счет викарных епископов, которые тоже неизвестны канонам. Как отмечал тот же Сергей (Страгородский) на Соборе, «если бы в каждом уездном городе, но и в каждом селе у нас был епископ», то тогда бы церковная ситуация была ближе к предусмотренной канонами.

Таким образом, получалась следующая структура: приход – приходское собрание, благочиние – благочинническое собрание, уезд – уездное собрание; епархия – епархиальное собрание. Далее должен был идти митрополичий округ, но решения о создании митрополичьих округов так и не были приняты Собором.

В уже упомянутом Предисловии к Приходскому уставу о приходе говорится как о «малой церкви», объединенной в богослужении и молитве. Церковь начинает определяться через совместное богослужение, что ведет уже к экклезиологии XX в., воспринимающей евхаристию как центр церковной жизни.

Включение мирян в систему управления придало Церкви новый статус, что было особенно важно при власти большевиков, преследовавшей по сословному признаку. Как писал митрополит Вениамин (Федченков), «Это [включение мирян] имело чрезвычайно благотворное значение: во время продолжающейся революции эти миряне не только спасли веру и церковь, но и беззащитное духовенство».

Миряне были допущены к проповеди, и даже с амвона. Был создан институт благовестников. «Для большего же усиления и развития православно-христианского благовестия весьма желательно привлекать к проповедничеству благочестивых мирян, причем участие тех и других в служении слову (Деян 6: 4)... может быть допускаемо и на церковной кафедре за Богослужением... Не принадлежащие к клиру проповедники... посвящаются в стихарь и именуются благовестниками» (*О церковном проповедничестве, 43*).

Среди мирян Собор вспомнил и о женщинах. Им было предоставлено право участвовать в приходских, благочиннических, епархиальных собраниях. Длительно готовившийся в Отделе о церковной дисциплине под председательством убитого во время Собора митрополита Владимира (Богоявленского) доклад о восстановлении чина диаконов так и не был заслушан, а подготовленное этим же Отделом определение «*О привлечении женщин к деятельному участию на разных поприщах церковного служения*» приняло очень урезанный вид. Женщин в клир не пустили, но разрешили стать псаломщицами «без включения в клир».

10. Несомненно, что для Церкви очень важной была тема преодоления раскола, вызванного реформами патриарха Никона. В отличие от сегодняшнего дня, эта тема стала на повестку дня всего российского общества, обсуждалась в Госдуме. От Собора ждали решения этого вопроса, был создан специальный Отдел *О единоверии и старообрядчестве*. 22 февраля (7 марта) 1918 г. было принято *Определение о единоверии*, согласно которому учреждались единоверческие епископы, «зависимые от епархиального архиерея»: Охтенская, Павловская (Н.-Новгородская епархия), Саткинская (Уфимская), Тюменская (Тобольская еп.). Значение этого явления трудно переоценить. То есть внутри уже существовавших епархий происходило объединение единоверческих приходов. Старые обряды и «уклад» признавались заслуживающими сохранения. Разрешался свободный переход в эти приходы и из них. Как известно, самостоятельного епископа единоверцы тщетно добивались с 1700 г. (нет его и сейчас). На мой взгляд, это какой-то прорыв в экклезиологии, разрешающий возможность отделения, различия внутри церкви без противостояния. Во многом это стало возможно благодаря прот. Симону Шлееву. В какой-то мере созданная модель могла использоваться и для выделения разных этносов. По этому пути пошли и униаты, добившиеся собственного епископа в Католической Церкви. Другое дело, что единоверческий епископ оказывался подчиненным другому епископу так же, как и викарные, то есть становился своеобразным «хорепископом», что не соответствовало принципу равенства епископата.

11. К экклезиологическим постановлениям относится и Определение «*О правовом положении Российской церкви*», принятое 2 декабря 1917 г. Этим положением Собор показывал, что Церковь не хочет отделяться от государства. Арест Временного правительства не был тревожным сигналом для Собора. Как написал Вениамин (Федченков), «при борьбе Советов против предшествующей власти Керенского Церковь не проявила ни малейшего движения в защиту последнего». Собор принял постановление, заготовленное еще в июне 1917 г. (автор П. Верховской), в котором диктовались определенные требования по отношению к государству («должны быть приняты государством»). Наиболее спорное из них:

«Постановления и узаконения, издаваемые Православной Церковью, признаются Государством имеющими юридическую силу и значение», «поскольку ими не нарушаются государственные законы». Собор считал, что государство должно финансировать Церковь «из средств Государственного казначейства по особой смете» (п. 24). Отсутствие опыта самостоятельного существования без опоры на государство стало, на наш взгляд, и одной из причин обновленческого раскола, вызванного в том числе и желанием получить поддержку власти независимо от цены поддержки.

12. Тем не менее даже краткий опыт свободного существования, а также начавшийся опыт гонений способствовали тому, что Церковь начинает выработать свою позицию по отношению к решениям властей. Как написал прот. Сергей Булгаков, «церковь оказалось свободна, из государственной она стала гонимой». Впервые собственная позиция по отношению к государственным постановлениям звучит в определении *По поводу закона Временного правительства от 23 октября 1917 г. о передаче в ведомство МНП церковно-приходских школ* (о нем сказано: «причиняет большой вред») и дальше усиливается в определениях *По поводу декретов о расторжении брака и о гражданском браке* от 19 февраля (4 марта) 1918 г. («Декреты, направленные на ниспровержение церковных законов, не могут быть приняты Церковью»). В Положении приходского устава появляется пункт: «В дни общественных бедствий прихожане соединяются для общественных богослужений, которые совершаются в храмах, а в потребных случаях – под открытым небом (на улицах, площадях, полях и т.п.).»

И уже новый опыт исповедничества и мученичества отразился в *Определении* от 5 (18) апреля – «*О меропрятиях, вызываемых происходящим гонением на Православную Церковь*», в котором предписывалось «установить ежегодное молитвенное поминовение» убиенных, чтобы «были делаемы непосредственные сношения об освобождении арестованных», «оповещать население о всех случаях гонения на Церковь и насилия над исповедниками православной веры», «образовывать братства из преданных Церкви людей», создать «Всероссийский Совет приходских общин», оказывать «материальную помощь пострадавшим от гонений».

В постановлении «*О мероприятиях к прекращению нестроений в церковной жизни*» от 6 (19) апреля была сделана попытка прекратить порочный опыт, идущий еще от имперских времен, «обращаться за содействием к власти гражданской» в борьбе с «высшей церковной властью, епископатом и клириками». Это особая тема — сотрудничество священников с новой властью, разработка при их участии антицерковного законодательства.

13. Определение «*О монастырях и о монашествующих*» предполагало введение монастырской автономии и общемонастырских съездов. Было принято решение о создании специальных школ для монашествующих, братства ученых монахов.

Однако надвигающаяся угроза закрытия монастырей в этом документе не отразилась. Более 20 подготовленных докладов не было рассмотрено Собором. Не были решены и вопросы об автокефалии Грузинской церкви. В отношении Украинской церкви, было введено понятие «автономия», что оставило вопрос нерешенным.

Собор был закрыт с надеждой на возобновление своей работы в 1921 г. (Определение от 5 (18) сентября 1918 г. «*О полномочиях членов Собора*»), но эта надежда не сбылась.

14. Решения Собора предусматривали расширение сферы церковной деятельности, что было зафиксировано в Приходском уставе. Область была определена предельно широко: школы (также в Определениях «*О преподавании Закона Божьего в школах*», «*О церковных школах*», «*По поводу правительственного определения о церковно-приходских школах*»), приюты для сирот, ясли, богадельни, больницы, библиотеки, сельскохозяйственные и ремесленные училища. В новых условиях это было неосуществимо; кроме того, усложнение этих институтов требовало для их функционирования огромных денежных средств.

Традиционно в России верующие жертвовали на строительство и украшение храмов, это отличительная черта русского синодального благочестия. Храм был признан отдельным юридическим лицом, община — другим юридическим лицом. Это делалось в первую очередь для того, чтобы не было расхищения церковного имущества прихожанами.

Однако уже 12 сентября 1918 г. Собор принимает определение «*Об охране церковных святынь от кощунственного захвата и поругания*», чтобы воспрепятствовать изъятию церковных ценностей и предупредить их расхищение. В случае отобрания имущества общине вместе с пастырем разрешалось с согласия епископа совершать литургию и другие службы «в частном доме или в ином приличествующем помещении». Определение позволяло употреблять для службы и сосуды без украшения, и облачения из простой ткани. В заключение этого Определения говорилось: «Да будет ведомо всем, что Церковь Православная дорожит своими святынями по их внутреннему значению, а не ради материальной ценности и что насилия и гонения бессильны отнять у нее главное сокровище — святую веру, залог ее вечного торжества».

Церковь вступила на путь исповедничества.

Несомненно, что значение Поместного Собора 1917–1918 годов выходит далеко за рамки русской истории. Идея церковного Собора как ответа на запросы времени, как способа преодоления противоположных течений внутри Церкви стала актуальной для христианского мира и нашла свое продолжение. Собор показал, что «каноническое обновление» Церкви оказалось очень сложной задачей. Определенные Собором пути обновления церкви: соборность, участие мирян в церковном управлении и выборы на церковные должности — не могли быть реализованы в условиях гонений. Были арестованы члены Высшего церковного управления, собор (даже «рассеянный») оказался неосуществим. Система работала на уничтожение Церкви, а взятый курс на «лояльность» власти не остановил гонений. Церковь приобрела «опыт выживания» в условиях тоталитаризма, тогда же появился и новый вид соборов с молчащими архиереями.

Тем не менее голос Собора 1917–1918 гг. продолжает звучать, а его постановления задают образец существования *соборной* Церкви.

Священник Илья Соловьев

Церковные нестроения в русской
эмиграции в 1965–1966 годах:
Парижский Экзархат между
Константинополем и Москвой
*(К публикации документов Чрезвычайного
епархиального собрания Архиепископии
православных русских церквей в Западной Европе,
февраль 1966 года)*

Не идти вперед означает для нас либо распад, либо исчезновение. Поэтому мы должны сделать этот шаг...

Из доклада протоиерея Алексия Князева на Чрезвычайном собрании Архиепископии православных русских церквей в Западной Европе в феврале 1966 г.

Зима 1965 года оказалась трудным временем для Экзархата православных русских церквей в Западной Европе в юрисдикции Вселенского патриаршего престола, во главе которой в то время стоял преосвященный архиепископ Георгий (Тарасов). По Парижу, да и по другим городам Западной Европы, ползли тенденциозные слухи о том, что Экзархат будто бы уже в самое ближайшее время собирается изменить свой юрисдикционный статус и перейти в подчинение Московской патриархии или иной юрисдикции русской диаспоры. Эти сообщения дополнялись по местам разного рода листовками и трактатами, что воспринималось руководством Экзархата как провокационные попытки «путем необоснованных и голословных сообщений» ослабить и разложить наш церковный удел. С целью хотя бы как-то противостоять подобного рода заявлениям и успокоить смущающихся 19 декабря 1965 года руководство Экзархата направило настоятелям ее приходов особый циркуляр с указанием на несостоятельность распространяющихся слухов относительно

выхода Русского экзархата из подчинения Константинопольской патриархии.

Однако разговоры о возможном изменении юрисдикционного статуса Экзархата православных русских церквей в Западной Европе имели под собой реальную почву. Известно, что по крайней мере с лета 1965 года Московский и Константинопольский патриархи обсуждали вопрос об упразднении Русской архиепископии. Именно в это время Московский патриарх Алексей (Симанский) с глубоким удовлетворением принял к сведению информацию патриарха Афинагора о том, что вопрос о Парижском экзархате «будет решен в ближайшее время». При этом патриарх Алексей «выражал надежду», что вопрос «решится на твердой канонической основе и любая юрисдикционная зависимость этого экзархата от Константинопольского Патриархата будет исключена»¹.

Еще одним тревожным сигналом для Экзархата стало то, что Константинопольский патриарх отказывал ему в хиротонии нового викарного епископа. Об этом 31 августа 1965 года сообщал в своем письме митрополиту Никодиму (Ротову) настоятель Брюссельского храма Московской патриархии архимандрит Корнилий (Фристетт). «Я хочу сейчас сообщить новость, весьма приятную для всех нас. Недавно известный нам архиепископ Георгий Тарасов, экзарх Константинопольского патриарха русских приходов в Западной Европе, командировал своего викария епископа Мефодия к патриарху Афинагору просить для своего экзархата второго викарного епископа. Патриарх Афинагор на эту просьбу ответил епископу Мефодию следующими словами: “Посвящать для вас новых епископов мы больше не будем. Вам пора теперь всем перейти к Патриарху Московскому”»². В декабре 1965 года во время своей поездки в Москву митрополит Сурожский Антоний (Блум) говорил сопровождавшему его протоиерею Анатолию Казновецкому о желании греков упразднить Русский экзархат, что стало известно соответствующим советским государственным органам.

Вечером 26 декабря 1965 года по инициативе руководства Константинопольского патриаршего престола состоялась встреча архиепископа Георгия (Тарасова) с греческим митрополитом Мелетием, в ходе которой главе Русского

экзархата было вручено послание патриарха Афинагора, датированное 22 ноября 1965 года. Согласно этому документу временный Экзархат Западно-Европейских православных русских церквей юрисдикции Вселенского престола, утвержденный в 1931 году по благословению патриарха Фотия II по просьбе митрополита Евлогия (Георгиевского), подлежал расформированию, а его епископату, клиру и мирянам предлагалось «с охотностью и в благовремении войти в сношение с Блаженнейшим Патриархом Московским и всея Руси... Алексием для устраивания ваших [церковных] дел». Этот свой шаг патриарх Афинагор в согласии с членами своего Синода объяснял тем, что Русская церковь в настоящее время вышла из трудных обстоятельств своего бытия, «избавившись от разделений и организовавшись теперь внутренно, приобрела и внешнюю свободу, активно сотрудничая со всеми Поместными Православными церквами в управлении и решении вопросов и проблем всякий раз, когда последние встают перед вниманием Православной церкви»³.

Получив на руки текст патриаршей грамоты от 22 ноября 1965 года, архиепископ Георгий предпринял все меры для оповещения подведомственного ему духовенства и мирян о состоявшемся решении Вселенского престола. Обсуждение сложившейся экстраординарной ситуации было решено провести соборно, в соответствии с духом Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 годов и многолетней традицией Экзархата с привлечением лучших научных сил Архиепископии, сосредоточенных в Свято-Сергиевском богословском институте.

Еще до получения известия из Константинополя архиепископ Георгий запланировал проведение собрания духовенства Экзархата, которое было намечено на 30 декабря 1965 года. В связи с изменившимися обстоятельствами пастырское собрание было решено посвятить рассмотрению текущего кризиса.

30 декабря 1965 года архиепископ Георгий обнародовал свое Архиепископское обращение к клиру и пастве бывшего Экзархата, в котором выразил благодарность Вселенскому патриарху за «покровительство и руководство, которые Вселенский Престол оказывал нам в течение 35 лет и которые не только позволили нашему Церковному делу получить

твердую и незыблемую каноническую основу, но и дали нам возрасти, окрепнуть и развиться». Преосвященный Георгий заявил также, что решение об упразднении Русского экзархата, образованного в 1931 году, не означает упразднения Церковного удела, созданного Всероссийской церковной властью в 1920 году. Самостоятельность бывшего Экзархата «не может быть упразднена», и «наша церковная жизнь на Западе продолжается»⁴.

Собравшиеся 30 декабря в Св.-Александр-Невском кафедральном соборе в Париже священнослужители Архиепископии рассмотрели вопрос о формах дальнейшего существования бывшего Экзархата. Результатом этого собрания стало провозглашение независимости Архиепископии православных русских церквей в Западной Европе, оформленное особым актом за подписью архиепископа Георгия (Тарасова). Указав, что Константинопольский патриарх своим решением от 22 ноября 1965 года предоставил бывшему Экзархату свободу в дальнейших действиях, архиепископ Георгий отметил невозможность присоединения Архиепископии ни к Московскому Патриархату, ни к другим церковным образованиям диаспоры, в частности Русской Зарубежной Церкви. В полном единодушии с клиром, собравшимся 30 декабря 1965 года в Св.-Александр-Невском соборе в Париже, архиепископ Георгий объявил бывший Временный Экзархат Вселенского престола православных русских церквей в Западной Европе независимой и самостоятельной Архиепископией Православной церкви Франции и Западной Европы. Для выработки надлежащего Устава и соответствующего утверждения принятого решения архиепископ объявил о созыве Чрезвычайного епархиального собрания⁵.

Чрезвычайное епархиальное собрание бывшего Русского экзархата в юрисдикции Вселенского патриарха состоялось в Париже 16–18 февраля 1966 года. В нем приняло участие 139 человек – представители клира и мирян приходов, сохранивших верность Архиепископии. 16 февраля собрание было открыто торжественным молебном в Св.-Александр-Невском кафедральном соборе в Париже, после чего состоялось первое заседание собрания. С докладом «Каноническая задача Чрезвычайного епархиального собрания» выступил

Председатель канонической комиссии бывшего Экзархата, ректор Свято-Сергиевского православного богословского института протоиерей Алексей Князев. Полный текст доклада был опубликован в печати.

В самом начале своего доклада отец Алексей отметил, что нет необходимости говорить о причинах принятого в Константинополе решения, которое прежде его принятия никак не согласовывалось с представителями Экзархата и было для него внезапным. Важнейшей задачей бывшего Экзархата отец Алексей Князев назвал сохранение Русского церковного удела. С этой точки зрения была рассмотрена рекомендация Вселенского патриарха перейти в ведение Московской Патриархии, которую докладчик назвал неприемлемой по целому ряду причин как психологического, так и канонического свойства. Невозможным путем для Архиепископии назвал отец Алексей и подчинение ее приходов местным греческим иерархам. В этом случае бывший

Первое Чрезвычайное епархиальное собрание, февраль 1966 г., Св.-Александро-Невский собор. Члены бюро собрания (сидят, слева направо): В.Н. Загоровский, архиеп. Георгий (Тарасов), еп. Мефодий (Кульман), прот. Алексей Князев, свящ. Петр Струве, кн. К.Я. Андроников; стоит прот. Борис Бобринский. Фото из личного архива А. Нивьера (Париж)

Экзархат вместе со своим историческим наследием должен будет разделиться на четыре части, так как в настоящее время Константинопольская патриархия имеет в Европе четырех своих иерархов. Канонически неприемлемым было бы присоединение Архиепископии к Архиерейскому Синоду Русской Зарубежной Церкви (карловчанам), так как «эта группировка канонически сомнительная по своему образованию за границей, является таковой же и по многим своим церковным действиям, и потому она не признана ни одним из Восточных патриархов, а также другими Православными церквями». Нельзя присоединиться и к Русской Американской митрополии, чьи клирики состоят под запрещением Московской патриархии и потому не признаются другими Поместными церквями. К тому же упомянутая митрополия также стремится к самоопределению и, по всей видимости, примет решение о провозглашении своей независимости.

Сохранение Русского церковного удела как самостоятельной и независимой церковной единицы отец Алексей Князев сопоставил с целым рядом исторических прецедентов, в частности с историей самой Русской церкви, «принужденной стать независимой в момент принятия Константинополем Флорентийской унии и получившей официальное признание этой независимости лишь при учреждении в ней патриаршества, т.е. более чем полтора века спустя. Приняв нашу независимость, мы сможем все остаться вместе... и совместно продолжать наше дело служения Богу... Тогда первая часть нашей задачи сможет считаться выполненной. Но остается ее вторая часть: не быть в отрыве от Православной церкви»⁶. Иными словами, необходимо признание независимой Архиепископии другими Поместными Православными церквями и сохранение с ними литургического общения. С просьбой об этом признании Архиепископия должна будет к ним обратиться. А до получения ответа Архиепископия не должна совершать ничего такого, что помешало бы этому признанию.

По мнению протоиерея Алексея Князева, Архиепископия может рассчитывать на признание другими Поместными церквями и, более того, может стать местной Православной церковью в Западной Европе. «Мы этой местной Церковью сможем стать если не сразу, не сейчас, то в будущем, а сейчас

мы сможем быть хотя бы тем центром, вокруг которого эта Церковь сможет образоваться»⁷.

От имени канонической комиссии Архиепископии и ее Совета отец Алексей Князев предложил собранию присоединиться к провозглашенной 30 декабря 1965 года независимости бывшего Экзархата, которая является единственным средством сохранения нашего Церковного удела и залогом его развития в будущем. Он предложил также оформить независимый Церковный удел как Архиепископию, торжественно подчеркнув непрерывность нашей связи с прошлым, «и особенно засвидетельствовать русское происхождение нашей Архиепископии, ее принадлежность к русской церковной традиции, ее духовную верность Русской церкви, России, ее культуре и русскому народу». От имени канонической комиссии и Совета Архиепископии докладчик также предложил усвоить новому церковному образованию наименование «Православная Архиепископия Франции и Русских Западно-Европейских церквей рассеяния», постараться сохранить самую тесную связь с Патриаршим Вселенским престолом, для чего провозглашать главою Архиепископии имени Константинопольского патриарха за богослужением и сохранить обращение к Константинополю за арбитражем. Отец Князев предложил также принять Устав Архиепископии, внести необходимые изменения в статуты, согласно которым она зарегистрирована применительно к требованию французского законодательства, и выразить верность церковному учению во всей его полноте.

16 февраля 1966 года участники епархиального собрания заслушали так называемый Исторический доклад о положении и нынешнем состоянии бывшего Русского экзархата в Западной Европе, прочитанный князем К.Я. Андрониковым. По своему содержанию доклад был разделен на три части и посвящен истории основания Экзархата, его прошлому (до декабря 1965 года) и настоящему положению Архиепископии, ее природе и призванию.

Очень кратко, но емко докладчик обрисовал перед своими слушателями историю возникновения Экзархата, начало которому было положено постановлением патриарха Тихона (Беллавина) от 8 апреля 1921 года за № 423 о назначении архиепископа Евлогия (Георгиевского) управляющим

Западно-Европейскими православными русскими церквями. Во внимание к новому положению в январе 1922 года патриарх Тихон возвел преосвященного Евлогия в сан митрополита.

Практически одновременно с этим — 5 мая 1922 года — патриарх Тихон, в согласии со Священным Синодом Православной Российской церкви и Высшим церковным советом, представлявшими собой канонически верную, то есть утвержденную Всероссийским Поместным Собором 1917–1918 годов, систему Высшего церковного управления в России, распустил возникшее во главе с бывшим Киевским митрополитом Антонием (Храповицким) Высшее церковное управление в Сремских Карловцах и передал митрополиту Евлогию всю полноту власти над зарубежными приходами. Поначалу подчинившись Указу патриарха Тихона, карловацкая группа архиереев вскоре возобновила свою деятельность под видом Временного архиерейского Синода за границей, в котором из уважения и любви к собратьям и к своему учителю по духовной академии — митрополиту Антонию — принимал участие и митрополит Евлогий. Однако после того, как карловацкое церковное собрание попыталось не только подчинить своей власти митрополита Евлогия, но и посягнуть на данные ему Всероссийской церковной властью полномочия, митрополит Евлогий прекратил какое-либо участие в заседаниях упомянутого Синода и лишил его тем самым сколько-нибудь определенного канонического основания.

Новый кризис в русском церковном зарубежье возник начиная с 1926 года, когда находившийся под властью большевиков Заместитель Местоблюстителя патриаршего престола митрополит Нижегородский Сергей (Страгородский) стал требовать от митрополита Евлогия исполнения ряда по сути политических условий, при которых митрополит Евлогий мог бы оставаться в каноническом ведении Московской Патриархии. Желая сохранить верность Матери-Церкви, митрополит Евлогий делал все возможное для поддержания своей связи с Москвой, пока деятельность митрополита Сергея не сделала эту связь невозможной. Не имея возможности подчиняться подневольным распоряжениям митрополита Сергея и вести по этому пути свою паству, митрополит Евлогий обратился за покровительством

к Вселенскому патриарху Фотию II, который утвердил своим постановлением и постановлением Константинопольского Синода от 17 февраля 1931 года Временный Экзархат Западно-Европейских православных русских церквей. В таком положении Экзархат пребывал вплоть до декабря 1965 года, когда патриарх Афинагор отменил решение своего предшественника.

35 лет исторического существования Экзархата Православных русских церквей в Западной Европе ознаменовалось не только укреплением церковной жизни этого удела, но и распространением православия в этом регионе. Клир и паства Экзархата все более проникались пониманием глубинного смысла слова святого апостола Павла в Послании к Колоссянам (Кол 3: 2) о том, что христианство состоит не из народов, не из этнических образований (эллинов или иудеев), а из церковного народа, не из национальностей, а из верующих воедино, не из разных частей этнических или социальных, а из членов Церкви. «...Не Церковь расчленяется на отдельные составные Церкви, — подчеркивал князь Андроников, — а Церкви являются соборными членами единого Божественного и человеческого, точнее — Богочеловеческого целого, которое есть Тело Христово»⁸. Среди русских беженцев «созрело чувство правильного своего состояния и назначения в Православной церкви». Положение русского беженца — это только быт, его подлинное и глубокое положение в православном рассеянии — это «здание и миссия христианского странника, т.е. свидетеля истины Христовой и Его Церкви». И осуществление этой миссии и этого церковного служения осуществляется только при применении величайшего дара Творца Его чадам, без которого свидетельство невозможно, то есть — дара свободы.

В то же время, как подчеркнул докладчик, самим своим существованием Архиепископия стала проповедовать «коренной принцип православия об организации его жизни в истории. Этот принцип — не национальный, как это сложилось во времена византийского и русского великодержавия, и не центрально-государственный, как это олицетворяет Рим, а принцип территориальный». Исходя из этого принципа, ища пути выхода из современного церковного кризиса, князь Андроников обратил внимание своих слушателей на то, что в составе Экзархата есть много приходов, «по природе мест-

ных», — западноевропейских, французских, немецких и т.д. «Экзархат все больше и больше, реально и сознательно, становится тем, чем и суждено ему быть Божиим Промыслом, а именно: Православной церковью во Франции и в Западной Европе». При этом Архиепископия не отрекается и не удаляется от русской традиции, «продолжая питаться ею и ее осмысливать», она приносит ее в Европу и приобщает к ней православный и инославный мир. Мы можем и должны стать творческими деятелями той новой эры в истории православия, «когда Церковь во всех странах уже не достояние отдельных народов, а воплощается и свидетельствуется церковным народом, в соборности православной веры и в сердцах православных христиан», — сказал в заключение своего доклада князь Андроников.

В дальнейшем на рабочих заседаниях епархиального собрания, как свидетельствуют публикуемые протоколы, развернулось обсуждение всех вопросов, поставленных на повестке дня. В итоговой резолюции Чрезвычайного собрания было заявлено, что оно принимает провозглашение архиепископом Георгием 30 декабря 1965 года независимости Архиепископии и утверждает ее. Собрание выразило «горячую надежду на то, что Всеправославный Собор, подлинно представляющий св. Церковь, сможет во благовремени рассмотреть и решить весь новый вопрос об устройстве православного рассеяния в целом», и такое решение отвечало бы чаяниям всех Православных Поместных церквей.

Чрезвычайное собрание приняло также особую декларацию о верности русской традиции, в которой, в частности, говорилось, что «преподавание русского языка, распространение русской культуры неизменно будет продолжать быть основной задачей зависящих от Архиепископии детских школ и юношеских организаций»⁹.

Завершая вступительные замечания к публикации документов епархиального собрания Экзархата 1966 года, которые являются важным и актуальным источником по истории Православной церкви в условиях диаспоры, нельзя не обратить внимание на вопрос о причинах, подтолкнувших патриарха Афинагора принять столь неожиданное и, надо признать, радикальное решение о расформировании Русского церковного удела юрисдикции Вселенской патриархии.

Публично члены Чрезвычайного собрания, а вслед за тем и журнал «Вестник РСХД» дипломатично обходили стороной этот вопрос. В редакционной статье «Вестника» за подписью «А. К.» указывалось, что русским верующим людям, состоящим в ведении Архиепископии, «остается только преклониться перед совершившимся фактом. Незачем говорить о причинах, продиктовавших патриарху его решение. Нужно только пожалеть, что сотрудничество между Православными церквями, о котором в своей грамоте говорит патриарх, потребовало для своего осуществления принесения в жертву Церковного удела, который не желал ничего другого, как только оставаться под омофором Вселенского патриарха. <...> Неужели дело объединения церковного ничем не отличается от сотрудничества между собой мирских сил и держав?»¹⁰

Московский исследователь А.А. Кострюков полагает, что патриарх Афинагор и члены его Синода руководствовались в своих действиях (среди прочего) представлениями о том, что «Русский Западноевропейский экзархат утратил свое значение и находится в состоянии “вымирания”»¹¹. К сожалению, А.А. Кострюков не приводит ссылки для подкрепления этого своего, на наш взгляд, глубоко ошибочного мнения. При этом он упоминает о том, что возникший из-за Кипра греко-турецкий конфликт 1965 года привел к тому, что отношения турецкого правительства и Фанара приобрели крайнюю напряженность, и все это не исключало возможности удаления Вселенского патриарха за пределы Стамбула.

Другой современный исследователь, А.Л. Гуревич, полагает, что наиболее вероятными причинами демарша Константинопольского патриарха являются дипломатические успехи тогдашнего председателя Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата митрополита Никодима (Ротова) в его сношениях с патриархом Афинагором. Указывая на крайне тяжелое положение Вселенской патриархии, А.Л. Гуревич приводит свидетельства советского консула в Стамбуле Б.А. Савинова, который в беседе с патриархом Афинагором услышал много жалоб и сетований со стороны последнего. Во время беседы, состоявшейся 5 февраля 1965 года, в частности, «патриарх рассказал о положении в Стамбуле возглавляемой им патриархии. Отметил, что ныне патриархия переживает самое тяжелое время, ее

материальное положение за истекший год резко ухудшилось. Достаточно сказать, что за истекший год турецкие власти выселили из Стамбула около 15 тысяч греческого населения»¹².

Помимо турецкого правительства серьезный кризис сложился в отношениях Вселенского престола и с правительством Греции, которое отказалось признать несколько недавно рукоположенных епископов. С другой стороны, епископат был недоволен подготовленным в греческих правящих кругах законом о реорганизации церкви. В довершение к этому далеко не все было благополучно и в среде клира и мирян Константинопольской патриархии, многие из которых были не согласны со снятием анафем между Римом и Константинополем, опасаясь, что это положит начало новой унии. Таким образом, можно сказать, что внешние условия существования Константинопольского Патриархата существенно ослабляли его позиции на международной арене и в межцерковных отношениях.

Можно предположить также, что определенное влияние на судьбу Архиепископии оказало подготавливаемое Константинополем Всеправославное совещание на острове Родос. Вполне возможно, что Русская церковь обуславливала свое участие в работе этого форума благоприятным для нее решением вопроса о дальнейшей судьбе Русского церковного удела в составе Константинопольской патриархии.

Для большего прояснения вопроса о мотивах действия Константинополя следует обратиться к архивным документам, которые указывают, что свое решение о ликвидации Русского экзархата патриарх Афинагор принимал под прямым давлением Москвы. Во всяком случае, именно этими причинами он объяснял свои действия особой делегации Экзархата, прибывшей к нему в Константинополь 28 января 1966 года по поручению архиепископа Георгия (Тарасова) для беседы. В состав этой делегации входили священник Борис Бобринский и член Совета Архиепископии князь К.Я. Андроников. Подробный доклад о своей встрече со Вселенским патриархом князь Андроников сделал на заседании Епархиального Совета 2 февраля 1966 года.

По словам князя, делегация бывшего Экзархата была принята патриархом «с торжественностью, сердечно, с участием, с теплотой и добротой». За четыре дня своего пребывания

в Стамбуле члены делегации беседовали с патриархом в общей сложности пять с половиной часов. Кроме этого, князь Андроников и о. Бобринский встречались и с другими иерархами Константинопольской патриархии, с членами Синода. Как следует из доклада, в ходе бесед обсуждался представленный членами бывшего Экзархата меморандум о положении русского церковного удела, а также ситуация с прекращением его подчинения Константинополю. По словам князя Андроникова, греческие иерархи, говоря о положении Архиепископии, иногда «изъяснялись намеками». Они указывали, что «жизнь оформляется потом канонами, что жизнь бывает без законов, но не вне законов». «Для Синода, — докладывал князь Андроников, — наша проблема чрезвычайно сложная и трудная, главный вопрос — это отношение к Москве. Было прямо сказано, что был ультиматум и пришлось выбирать между двух зол: или пожертвовать Экзархатом, или пожертвовать хотя бы внешним единением». При этом греческие иерархи уверяли, что в Константинополе «высоко ценят

Вторая встреча в Женеве. 8.11.1967. Стоят (слева направо): 1-й — архиеп. Георгий (Тарасов), 4-й — патриарх Афинагор, 5-й — еп. Мефодий (Кульман). Фото из личного архива А. Нивьера (Париж)

православную русскую церковную и богословскую традицию и наш Удел рассматривают как хранителя этой традиции»¹³.

Таким образом, члены Совета Архиепископии на своем заседании 2 февраля 1966 года получили крайне неблагоприятное впечатление от действий московской церковной власти. В ходе обсуждения доклада князя Андроникова доцент Свято-Сергиевского богословского института, директор издательства «УМСА-Press» И.В. Морозов заявил, что бывший Экзархат защищает имеющийся у него дар свободы, и потому «мы не можем идти под Москву – это закрытый путь». Сходное мнение было высказано и членом Совета Архиепископии старостой Св.-Алекса́ндро-Невского кафедрального собора в Париже В.Н. Загоровским, который заявил: «Москва для нас неприемлема. Мы это восприняли и этого держимся. Иерархи Московского Патриархата не переступят порог собора». Ясно, что эти и им подобные настроения проникали и далее в среду клира и мирян бывшего Экзархата. Поэтому решение о независимости Русского церковного удела в Западной Европе было практически единодушно поддержано большинством его клира и паствы.

Публикуемые документы хранятся в Фонде личных бумаг Архиепископа Георгия (Тарасова) в папке под названием «События 1965–1966 гг. Переписка и материалы Чрезвычайного Епархиального собрания 1966 г.» (Архив Епархиального Управления Архиепископии русских православных церквей в Западной Европе (Константинопольский Патриархат) в Париже). Фотографии, опубликованные в статье, любезно предоставлены проф. Антуаном Нивьером из его личного архива.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гуревич А. Опыт создания временной самостоятельной Архиепископии Православной Церкви Франции и Западной Европы: уроки истории // Проблемы истории Русского Зарубежья: Материалы и исследования. М., 2008. Вып. 2. С. 138.

² Там же. С. 138–139.

³ Вестник РСХД. 1965. № 79. С. 3–4.

⁴ Там же. С. 5–6.

⁵ Там же. С. 6–7.

⁶ Вестник РСХД. 1966. № 80. С. 20.

⁷ Там же. С. 22.

⁸ Там же. С. 12.

⁹ Там же. С. 29.

¹⁰ Вестник РСХД. № 79. С. 1.

¹¹ *Кострюков А.А.* Русское церковное зарубежье и Вселенский Престол // *Мазырин А., свящ., Кострюков А.А.* Из истории взаимоотношений Русской и Константинопольской Церквей в XX веке. М., 2017. С. 324.

¹² *Гуревич А.* Указ. соч. С. 138.

¹³ Протокол 5-го заседания Совета Архиепископии 2 февраля 1966 года // Архив Епархиального Управления Архиепископии русских православных церквей в Западной Европе (Константинопольский Патриархат) в Париже.

Протоколы заседаний
Чрезвычайного епархиального собрания
Архиепископии православных русских
церквей в Западной Европе*

Речь архиепископа Сиракузского Георгия
(Тарасова) при открытии епархиального собрания

ВО ИМЯ ОТЦА И СЫНА И СВ. ДУХА!

С любовью приветствую Вас, дорогие Владыка, Отцы и братья в сем Святом храме и отмечаю Ваш предстоящий труд во славу Св. Православной Церкви.

Недавно почтила и утешила нас Своим посещением Небесная Гостья — Матерь Божия в Своем Чудотворном Образе Курской-Коренной. Это было как бы подготовлением и укреплением ввиду грядущих для нас испытаний.

Они и не замедлили нагрянуть. В начале декабря, а м[ожет] б[ыть] и раньше, стали распространяться слухи об упразднении нашего временного Русского Экзархата Вселенского Патриарха. Это было не в первый раз, поэтому особого значения им не придавалось.

26 декабря минувшего года действительно Преосвященный Митрополит Мелетий вручил мне Грамоту Вселенского Патриарха, за ном[ером] 671 от 22 ноября 1965 г. об упразднении Экзархата. Я принял это с покорностью воле Божией и почувствовал серьезность и ответственность момента и необходимость и принятия спешных мер для сохранения порученного мне от Бога Церковного Удела.

К счастью, до получения Грамоты мной был намечен на конец декабря созыв Пастырского Собрания Парижского района.

Долг подсказал мне расширить созыв Пастырского Собрания на весь Экзархат. Спешно были разосланы приглашения всем священнослужителям Экзархата. К сожалению, часть добрых тружеников на Ниве Христовой из-за дальности

* Текст публикуется с сохранением характерных особенностей машинописного оригинала.

расстояний — дорогих Отцов — не смогло приехать. Прошу прощения. Медлить нельзя было, т.к. враг рода человеческого не дремал, и та пропаганда, свидетелями коей мы являемся, свидетельствует о правильности решения созыва на 30 декабря 1965 г. Пастырского Собрания Экзархата. Учеными Богословами нашего Богословского Института была изучена Грамота Вселенского Патриарха от 22/XI 1965 г.; принято во внимание указание опытных церковных людей: наш Церковный Удел был свободен от каких-либо ни было прещений, — а сознание ответственности пред Богом за порученные моему попечению души, которые через обольщения могли быть увлечены не только на путь неканоничности и [в] раскол, но и совершенного отпадения от Св. Православной Апостольской Церкви.

При собравшихся Пастырях, членах Епархиального Совета, Канонической Комиссии во главе с ее Представителем, объяснив, после молебствия с амвона, положение, создавшееся с упразднением опеки Вселенского Патриарха, по пространном толковании сего положения Ректором Богословского Института, о. Протоиереем Князевым, мною был констатирован факт — оставаясь в общении со Св. Православной Церковью (без всяких прещений) — свободы нашего Церковного Удела, автономного уже при существовании Экзархата.

Окруженный Епархиальным Советом, Канонической Комиссией Совета Профессоров Института и дорогими пастырями Экзархата, находясь в полном общении со Св. Православной Церковью, мною была объявлена Независимость нашей Архиепископии Православной Церкви Франции и Западной Европы.

Сейчас же мною было объявлено о созыве Чрезвычайного Собрания нашего Церковного Удела, дабы соборно выявить и ратифицировать создавшееся по упразднению временного Русского Экзархата Вселенского Патриарха положение.

Позволяю себе отметить отеческую любовь Святейшего Патриарха Вселенского Афинагора до и по [сле] упразднения Экзархата.

Вы, дорогие отцы и братие, приглашены для ответственного и чрезвычайно важного для Св. Русской Православной Церкви делания.

Господь да поможет нам с полным доверием и истинной братской, между нами, любовью провести это ответственное пред Богом послушание.

Господу поспешествуящу, приступим к общей молитве и делу. Аминь.

Архиепископ Георгий

Париж 3/16 февраля 1966

№ 1; 16-П-[19]66 г.

Протокол № 1

Заседания Чрезвычайного Епархиального Собрания
Представителей Приходов и церковных организаций
Православной Архиепископии
16 февраля 1966 года

После молебна, совершенного в св. Александро-Невском Соборе Высокопреосвященнейшим архиепископом Георгием, в сослужении Преосвященнейшего епископа Мефодия, трех о.о. Благочинных Архиепископии протопресвитера С. Тимченко, прот. Ал. Ребиндер и прот. Е. Попова и прот. Андрея Бредо и протодиакона В. Дехтярева, с провозглашением положенных многолетий Афинагору, патриарху Вселенскому, Архиепископу Георгию и епископу Мефодию с Богохранимыми их Паствами, Богохранимой Родине нашей Стране Российской и всем верным Чадам Ее, в отечестве и разсеянии сущим, Стране сей Франции и Области сей и живущим в них, Всем Участникам Собрания и всем Православным Христианам, и вечной памяти в Бозе блаженно Почившим Митрополитам Евлогию, Владимиру и Александру, архиепископу Сергию, епископам Иоанну, Иоанну и Кассиану, протопресвитеру Василию и всем Почившим Созидателям и Строителям Церковного Удела нашего и всем Послужившим и потрудившимся в нем, — Высокопреосвященнейший архиепископ ГЕОРГИЙ в слове к собравшимся Представителям Приходов и Церковных Организаций Архиепископии, приветствует их, излагает причины, побудившие его на созыв настоящего Собрания, — получение 26 декабря минувшего года Грамоты Святейшего Патриарха Вселенского Афинагора о закрытии Русского Западно-Европейского Экзархата, благодарит Святейшего Патриарха за окормление нашего церковного Удела в течение 35-ти лет, отмечает с благодарностью труды Членов канонической Комиссии и Совета Архиепископии по

разработке поставленных задач и подготовке настоящего Собрания, приглашает к ответственной работе всех участников Собрания и призывает Божие благословение на предстоящие труды. Заседания Чрезвычайного Епархиального Собрания происходят в св. Александро-Невском кафедральном Соборе.

ОТКРЫТИЕ Собрания

В 10 ч. 45 м. утра Председатель Мандатной Комиссии прот. Н. Жуков оглашает Акт Мандатной Комиссии, согласно коему в заседании принимают участие Высокопреосвящ. архиеп. Георгий, преосвящ. еп. Мефодий и клириков и мирян 124 (Акт при сем прилагается).

Высокопреосвященнейший архиепископ Георгий объявляет заседание открытым и предлагает избрать тов[арища] председателя от духовенства еп. Мефодия и поручает еп. Мефодию ведение Собрания.

Епископ Мефодий предлагает назвать еще кандидатуры в тов[арищи] председателя от духовенства; иных кандидатур названо не было; еп. Мефодий единогласно избирается тов[арищем] председателя от духовенства.

Вступая в исполнение возложенных на него обязанностей, еп. Мефодий предлагает избрать в тов[арищи] председателя от мирян, по предложению Совета Архиепископии, В.А. Нерослева и Вл.Н. Загоровского.

Прот. Е. ПОПОВ называет кандидатуру Н.В. Мишуточкина.

Пред баллотировкой избирается поднятием рук счетная комиссия в составе о. протопресвитера С. Тимченко, свящ. И. Янкина и В.Н. Тизенгаузена.

Еп. МЕФОДИЙ предлагает приступить к баллотировке названных кандидатов в тов[арищи] Председателя от мирян. Простым большинством голосов избранным оказался В.Н. Загоровский.

Еп. МЕФОДИЙ предлагает от имени Совета Архиепископии избрать в Секретари Собрания прот. Ал. Чекан и в помощники секретаря священников: Б. Бобринского, П. Струве, П. Чеснокова, диакона А. Нелидова и П.Е. Ковалевского.

Предложение об избрании указанных лиц единогласно принимается; избранные занимают места за столом Президиума и Секретариата.

Прот. Е. ПОПОВ указывает, что необходимо избрать в Секретариат кого-либо из мирян.

Еп. МЕФОДИЙ разъясняет, что избранный П.Е. Ковалевский и является мирянином, и прот. Е. Попов снимает свое предложение.

КАНОНИЧЕСКИЙ ДОКЛАД

В 11 ч. 15 м., ввиду неприбытия к началу заседания докладчика кн. К.Я. Андроникова по историческому вопросу нашей Архиепископии за 45 лет, слово для доклада о каноническом положении Архиепископии, от имени Совета Архиепископии предоставляется прот. А. КНЯЗЕВУ (ДОКЛАД К СЕМУ ПРИЛАГАЕТСЯ).

После доклада прот. А. Князева оглашается также текст ДЕКЛАРАЦИИ О ПРАВОСЛАВНОЙ АРХИЕПИСКОПИИ о верности русской традиции (ТЕКСТ К СЕМУ ПРИЛАГАЕТСЯ).

ВНЕОЧЕРЕДНОЕ СООБЩЕНИЕ свящ. Б. БОБРИНСКОГО о поездке к Святейшему Патриарху Вселенскому

В связи с каноническим докладом, по предложению еп. Мефодия, свящ. о. Б. БОБРИНСКИЙ докладывает о поездке его с кн. К.Я. Андрониковым в Константинополь к Святейшему Афинагору, Патриарху Вселенскому, по поручению Высокопреосвященнейшего архиепископа ГЕОРГИЯ.

Целью поездки было: — 1. выражение сыновнего отношения к Патриарху Вселенского Престола и благодарность за 35-летнее окормление нашего Удела с 1931 г. — 2. выражение надежды, что наш Удел не будет оставлен вниманием Вселенского Престола в дальнейшем, и — 3. доклад о принятии 30 декабря 1965 г. решения о провозглашении [самостоятельности] Архиепископии и о причинах, побудивших архиеп. Георгия, еп. Мефодия, Совет Архиепископии и Пастырское Собрание принять указанное решение, вопреки совету Его Святейшества войти в состав Русского Патриархата.

Святейшему патриарху Афинагору был вручен меморандум архиепископа Георгия.

Со стороны патриарха Афинагора в течение четырех дней с 29 янв[аря] по 1 февр[аля] о. Б. Бобринский и кн. К.Я. Андроников встретили необычайное внимание и любовь, и при прощании, со слезами на глазах, патриарх Афинагор свидетельствовал, что в Патриархии сердца всех исполнены грусти и скорби, ибо нелегко отсекают живую часть церковного тела, каким являлся Русский Экзархат, а последнее было особенно живым и плодотворным, и что мы остаемся в церковном общении с Православной Церковью — ЗДЕСЬ, т.е. с Патриархией Вселенского Патриарха; кроме того, Святейший Патриарх указал, что вопрос о нашем каноническом положении придет в свое время, а пока необходимо нашему Уделу яснее себя определить и выявить в своей церковной жизни и делании.

Святейший Патриарх свидетельствовал и о тех трудностях, в которых находится Патриархия в связи с политической обстановкой, но, исполненный внутренней свободы, Патриарх на все трудные условия жизни, изолированности, гонений на греков со стороны турок отвечал и отвечает любовью и молчанием.

О[тец] Б. Бобринский, в частном порядке, не имея никаких полномочий и поручений от Высокопреосвященнейшего архиепископа Георгия, посетил и Афины, где по окончании Богословского Института он провел два года для научных занятий, благодаря чему приобрел в церковных и профессорских кругах ряд знакомств и дружеских отношений. В общении с первоиерархом Церкви Элладской, архиепископом Афин Хризостомом, профессорами богословия и др. встретил полное понимание нашего положения.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДОКЛАД

Епископ МЕФОДИЙ благодарит о. Б. Бобринского за оч[ень] важное и интересное сообщение и предлагает заслушать второй доклад кн. К.Я. Андроникова ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ПУТЯХ НАШЕГО ЦЕРКОВОГО УДЕЛА — Западно-Европейских Православных Русских Церквей, а впоследствии Русского Экзархата Патриарха Вселенского, а после доклада приступить к обсуждению обоих докладов.

Предложение принимается.

Кн. К.Я. АНДРОНИКОВ в 12 ч. дня приступает к чтению доклада об исторических путях нашего церковного Удела (ДОКЛАД К СЕМУ ПРИЛАГАЕТСЯ).

В 12 ч. 50 м. дня объявляется перерыв для завтрака и заседание закрывается пением молитвы «Достойно есть».

Приложения: 1. Акт Мандатной Комиссии.
2. Канонический Доклад прот. А. Князева.
3. Декларация о верности русской традиции церковной.
4. Исторический доклад кн. К.Я. Андроникова.

Председатель

Товарищи Председателя

Секретарь

№ 2; 16-П-[19]66 г.

Протокол № 2

Заседания Чрезвычайного Епархиального Собрания
представителей Приходов и Церковных Организаций
Православной Архиепископии
16-го февраля 1966 года

В 3 ч. 40 м. дня, Председательствующий Высокопреосвященнейший архиепископ ГЕОРГИЙ объявляет заседание открытым и поручает ведение Собрания епископу МЕФОДИЮ. В Собрании участвуют: архиепископ Георгий, епископ Мефодий и 139 клириков и мирян. (Акт Мандатной Комиссии к сему прилагается).

ОБСУЖДЕНИЕ КАНОНИЧЕСКОГО
И ИСТОРИЧЕСКОГО ДОКЛАДОВ
Наименование «Архиепископии»

Епископ МЕФОДИЙ предлагает предварить обсуждение докладов сообщением о принятом Советом Архиепископии наименовании Архиепископии.

Прот. Ал. КНЯЗЕВ оглашает указанное наименование: «ПРАВОСЛАВНАЯ АРХИЕПИСКОПИЯ ФРАНЦИИ

И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И РУССКИХ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ЦЕРКВЕЙ РАССЕЯНИЯ»

Князь К.Я. АНДРОНИКОВ дополнительно читает ст[атью] 1-ю проекта «УСТАВА АРХИЕПИСКОПИИ», как разъясняющую и уточняющую вышеуказанное наименование (ст. 1-я проекта Устава Архиепископии к сему прилагается).

Протопресвитер В. ЮРЬЕВ, в связи с объявлением нами независимости, говорит о необходимости получения благословения на новое существование и иллюстрирует свое мнение сообщением из жизни Русской Церкви, когда после упразднения имп[ератором] Петром I Патриаршества и учреждения Святейшего Правительствующего Синода понадобилось согласие Восточных Патриархов и Глав Поместных Церквей.

О[тец] И. ЯНКИН сообщает, что мнение докладчика об упразднении нашего Экзархата было вызвано исключительно по мотивам, от нас не зависящим, не является преобладающим в среде наших церковных кругов, ибо многие склонны отнести этот отказ Вселенского Престола к внутренним нестроениям в жизни бывшего Экзархата и считают, что если нам удастся восстановить нормальное течение нашей церковной жизни, то выбранный архиепископом Георгием крайний путь независимости явится лишь временной мерой, способствующей восстановлению прерванной неблагоприятными стечениями обстоятельств каноническо-правильной нормы соборного единства с православным миром. Необходимо, чтобы нами обсуждаемый путь не был путем торжества и самонадеянности, а путем выбора из двух зол меньшего, а именно: всемерно искать возможности вернуться в каноническую норму возглавления Вселенским Патриархом. Вместе с тем обратиться с призывом к совместному церковному деланию с нами близкой Американской Митрополией, как и к другим Православным Церквам, и, спрашивая их помощи, что, м[ожет] б[ыть], поможет сгладить крайность объявленного нами пути и усилить наше желание пересмотреть нашу собственную церковную жизнь, согласно мнению лучших сил нашей Церкви. Если же мы свою независимость принимаем как своего рода рост и совершенство, в то время как церковное сознание видит в ней прискорбное явление, то нас ожидает не торжество, а еще большие трудности.

Прот. Ал. КНЯЗЕВ, отвечая о. И. Янкину, говорит, [что] он готов согласиться с тем, что нам надо каяться в грехах и стараться их исправить, но что мы ни в коем случае не повинны в лишении нас покровительства Вселенского Престола: причины иные, о которых ему пришлось слышать в г. Риме, на II Ватиканском Соборе, на котором он был наблюдателем по приглашению Секретариата Единства Церквей, именно: требование Московского Патриарха о закрытии Русского Экзархата, как условие участия Московского Патриарха в жизни Вселенской Церкви.

О[тец] Б. БОБРИНСКИЙ, отвечая о. И. Янкину, понимает сообщение и тревоги о. Иоанна, и ему самому и близким его трудно было поверить слухам о лишении нас покровительства Вселенского Престола, но, увы, — пришлось услышать эту горькую весть, изложенную в грамоте Вселенского Патриарха.

В.Е. ТИХОНИЦКИЙ (св. Ал[ександр]-Невский Собор) высказывает смущение и опасение, что в случае непризнания нашей независимости Восточные Церкви прервут с нами церковное общение, и готов видеть выход из такого затруднительного положения в подчинении митрополиту Мелетию, греческому митрополиту во Франции, в епархии которого имеются православные грузины, поляки и др., и просит разъяснения.

Кн. К.Я. АНДРОНИКОВ, разъясняя, говорит, что в данном случае перед нами стоит вопрос, что опаснее — 1, быть непризнанным или — 2, распасться, расплыться в какую-либо секту, что может с нами случиться, если части нашего Церковного Удела вышли бы в каждую из четырех греческих епархий; что второе — опаснее, как разрушение нашего единства.

Кап[итан] ГРИГУЛЬ (Галлиполийская церковь) просит разъяснения: почему слово русский («русских церквей») стоит на четвертом месте.

Н.И. МИШУТОЧКИН (Бельфор) присоединяется к вопросу кап[итана] Григуля.

О[тец] Георгий ТОПОЛЬЯНЦ (Пти-Кламар) считает необходимым оттенить русскость, каковому имени он служил и готов служить до гробовой доски.

О[тец] И. КРАСНОБАЕВ (Крезо) заявляет, что он готов подчиниться тому решению, каковое признает Епархиальное

Собрание, но, учитывая настроение его приходов и общин, просит о выработке и принятии таких решений, которые могли бы удовлетворить всех.

Прот. Ал. КНЯЗЕВ, отвечая на вопросы капит[ана] Григуля, Н.И. Мишуточкина, о. Г. Топольянц и о. И. Краснобаева, останавливается на детальном рассмотрении и разборе формулы в наименовании Архиепископии, а именно;

«ПРАВОСЛАВНАЯ АРХИЕПИСКОПИЯ»: что [это] является в понимании или понятиях Православных Церквей Востока выше наименования митрополией, так как митрополиты – только правящие архиереи епархий, а Архиепископия может включать в себя несколько епархий (В Русской Церкви сан митрополита, усваивавшийся трем епархиальным архиереям Санкт-Петербургскому, Московскому и Киевскому, а ныне и других городов, являлся награждением указанных архиереев). «ФРАНЦИИ И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ»: необходимо указание территории, «стольного града кафедры»; при известной нашей скромности, мы не именуем нашего Первосвятителя – архиепископом Парижским, что было бы претенциозным, а только указываем место его кафедры, во Франции; «И РУССКИХ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ЦЕРКВЕЙ» – это наименование входит и покрывается наименованием Православной Архиепископии Франции и Западной Европы, но оставляется и предлагается скорее по причинам эмоциональным, как указующее на наше происхождение, нашу родословную, церковное бытие и наше служение русской церковной исторической традиции во всех широких ее разветвлениях, во всей широте ее разветвлений. «РАССЕЯНИЯ» – термин, нам известный, часто употребляемый, мы молимся о братьях, в рассеянии сущих, и мы... в рассеянии – термин, который нас может предохранить от всех возможных огорчений, связанных с нашим положением... Даже наименование «Западноевропейских Церквей» является неточным, так как нас Вселенский Патриарх – как гласят все грамоты, нами полученные, как и основная грамота патриарха Фотия II от 1931 г., учредительная, – рассматривает только как русские в Зап. Европе приходы; это наименование употреблял и святейший патриарх Тихон...

С.М. ЗЕРНОВА (Детский Приют в Монжероне), выслушав доклады исторический и канонический, а также разъяс-

нения к ним кн. К. Андроникова и о. Ал. Князева, находит, что предлагаемая Советом Архиепископии формулировка так глубоко продумана, тщательно изучена, что лучшей формулировки и выработать нельзя, и нам остается ее принять, благодаря тем, кто над ее созданием потрудились.

Прот. А. ЦЫПУРДЕЕВ (Копенгаген) присоединяется к предлагаемой формулировке, видя в ней реальное отражение, увы... горькой действительности и подтверждая наблюдением из жизни прихода в Копенгагене, в котором о. Ал[ексий] Ц[ыпурдеев] священствует 21 год, а именно: 20 лет тому назад приход был чисто русским, ныне за 20 лет половина прихода отошла в лучший мир, а оставшаяся половина на 95 % старики; спросим себя – что будет чрез 10 лет: православными прихожанами будут православные датчане, как русского происхождения, так и присоединившиеся к Православной Церкви и дети их (пример: участник Собрания церковный Староста церкви в Копенгагене, сын которого уже в полном смысле слова датчанин, но православный).

НИКИТА Алексеевич СТРУВЕ (Св. Введенской церкви г. Парижа) считает, что, сохраняя своеобразие нашей церковной традиции, мы определяем т[аким] обр[азом] религиозным моментом Православную церковь, всецело разделяет общее направление докладов, но считает более правильным в наименовании определять область Архиепископии – не Франции и З[ападной] Европы (родит[ельный] падеж), а во Франции и в Западной Европе.

О[тец] Петр СТРУВЕ (французская Община при св. Ал[ександро]-Невском Соборе) полагает, что намеченный план нашего церковного устройства вполне способствует и содействует нашей миссии здесь, в З[ападной] Европе, явить и дать миру Свет Православия, разделяет каноничность нашего церковного образования и общее направление докладов, но вполне солидарен с предлагаемой поправкой брата, Никиты Ал. Струве, в наименовании Архиепископии применить не родит[ельный] падеж: Франции и Зап. Европы, а предложный – во Франции и в Зап[адной] Европе.

Ив[ан] В. МОРОЗОВ считает необходимым, во 1-х, осознать и, во 2-х, учредить Поместную Православную Церковь, приняв предлагаемую формулировку, чем мы несколько не умаляем наше достоинство, а, наоборот, раскрываем

и являем миру всю широту нашего Православия, как это нам позволяет и помогает осознать наш великий писатель христианин Ф. Мих. Достоевский, что только русский человек может всех обнять, все охватить...

Да, мы в трудном положении, как об этом говорит нам батюшка из Крезо¹, многих смущает, что мы как будто изменяем своей русскости... Велика заслуга наших мыслителей 18 – к[онца] 19 веков, провозглашавших вселенскость, и, учреждая Поместную Церковь, мы должны выявить любовь к братьям других наций, как это мы реально пережили при встрече с сирийской молодежью; «возлюби ближнего твоего» как брата во Христе; нас ожидают трудности, но надо их преодолеть, ибо несть эллин, ни иудей... и мы осуществим призвание русского человека, как об этом и говорил нам Ф.М. Достоевский.

Г.А. ДЕЙША (Рюэль) вполне разделяет и всецело согласен с оглашенной формулировкой и декларацией.

Прот. С. КНИЖНИКОВ, соглашаясь с определением цели нашей миссии – открыть Западу Православие, считает правильным и необходимым сохранение в формулировке – русскости.

О[тец] СВЕТОЗАР ШЕЧЕРОВ (Шелль) считает необходимым стремиться к достижению каноничности, что позволяет нам церковное общение с православными Церквями Востока, как, напр[имер], служение еп. Мефодия в Иерусалиме на Гробе Господнем.

К.А. ЕЛЬЧАНИНОВ (Св.-Введенская ц[ерковь] г. Парижа) присоединяется к предложенным докладам и декларации и всецело поддерживает их.

Н. ФЕДОРОВ (Собор г. Ниццы) указывает на часто допускаемую нами ошибку в наименовании Московского Патриарха русским; он не русский Патриарх, а советский.

О[тец] ПЕТР ЧЕСНОКОВ (Монруж), присоединяясь к общему смыслу и направлению докладов, считает, что в проведении таковых в жизнь можно видеть нашу заботу о будущем; об этом надо думать каждому из нас, православному христианину, и особенно тем, у кого есть дети, внуки...

О[тец] Михаил ФИРСОВСКИЙ (Гренобль), указывая на трудность стоящих перед Собором задач и их осуществления и на сложность обстановки в провинциальных приходах,

считает необходимым остановиться на такой формулировке, которая могла бы удовлетворить всех, с указанием русскости. Слава Богу за все. О[тец] М. Фирсовский приглашает строить новую жизнь на любви, ибо любовь превыше всего.

Прот. Е. ПОПОВ (Бельфор) считает предложенную формулировку удовлетворяющей общему, многими предъявляемому требованию, как, напр[имер], произносимое им прошение на ектениях — «о Многострадальной Родине нашей», под которой молящиеся разных стран могут разуместь свою Родину и молиться о ней...

Г[осподин] фон Буде (Льез), принося извинение за беспокойство своим словом, говорит, что, заслушав блестящие доклады и разъяснения о. Ректора прот. Ал. Князева, в которых о. Ректор указал нам на угрожающие нам опасности, не может согласиться, во-первых, с предлагаемой нам формой нашей церковной жизни т. наз. независимости, так как таковой формы не существует, есть форма автокефалии или форма автономии, как, напр[имер], в Финляндии, Церкви которой Патриарх дал Главу, и во-вторых, т. к. г. ф[он] Буде в рассуждениях о так называемой русскости видит противоречие — мы слушаем моление о Родине нашей, Земле Российской, но какие мы русские, если мы французы, или европейцы. Чтобы семя принесло плод, оно должно умереть, и нам, подобно семени, предлагается умереть, чтобы стать церковью Местной. В-третьих, докладчик не коснулся вопроса церковных имуществ, ведь в нашем распоряжении есть соборы и церкви, здесь, в Ницце, Эмсе и др., и если до сих пор не поднимался вопрос о владении этим имуществом со стороны Москвы, то только потому, что нас покрывал Константинопольский Патриарх: в случае, если под давлением Московского Патриарха нас не признают или откажутся от нас Восточные Патриархи, то Москва начнет судебные тяжбы, и мы можем лишиться владения этим имуществом, как, напр[имер], в Нью-Йорке, где был отнят от Американской митрополии собор св. Николая²; наоборот, в Лос-Анджелесе аналогичный процесс выиграла Р[усская] Зарубежная Церковь...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ АРХИЕПИСКОП ГЕОРГИЙ, прерывая оратора, спрашивает, к какой юрисдикции он принадлежит, и, получив ответ, что к Зарубежной

Церкви³, замечает, что здесь не место представителям других юрисдикций, и лишает его слова.

Г[осподин] ф[он] Буде просит прощения, «во еже жити, братие, вкупе», и покидает трибуну.

О[тец] Л. ХРОЛЬ (Монтабан) видит всю силу наших суждений не в многословных и многочисленных обсуждениях, а в горячей молитве о ниспослании действенной и действительной благодати Св. Духа, соединяющей нас в Единой Св. Соборной и Апостольской Церкви. Только при этом условии мы можем преобразиться и строить новую жизнь, а не в спорах о канонах, которыми мы, словно камнями, швыряемся...

Прот. Ал. КНЯЗЕВ, отвечая ф[он] Буде, соглашается, что вопрос об имуществах является важным, и заявляет, что Совет Архиепископии не остается бездейственным, и в настоящие часы готовится текст Французского Устава, согласно указаниям и советам консультанта или юрисконсульта по указанным делам при Протестантской Федерации во Франции; указанный Устав (т. наз. Французский) будет предложен Собранию в ближайший день по рассмотрении проекта Устава Архиепископии. Далее, прот. Ал. Князев возражает против поправки к формулировке «во Франции и в З[ападной] Европе», оставаясь при предложенной Советом «Франции и З[ападной] Европы» (родит[ельный] падеж), и на это мы можем претендовать. Есть здесь епархия митр[ополита] Мелетия, который накануне совершал литургию в храме препод[обного] Сергия Радонежского, и мы причащались из рук его Св. Тела Христова, но епархия эта только во Франции; так они, греки, мыслят свое церковное бытие; мы достаточно трудились здесь, чтобы быть гражданами Франции и в духовном смысле, желая иметь право независимости и всего того, что связано с ней, зарекомендовав себя, чтобы быть подлинной церковной единицей, а не единицей, раздробленной на четыре части, по числу четырех греческих епархий в З[ападно] Европе. Вселенский Патриарх и Восточная Церковь поймут нас, но при условии... если мы будем ходить достойны звания, упования нашего.

Прот. Ал. КНЯЗЕВ благодарит всех выступавших по столь важному и жизненному для нас вопросу, как оформление нашего церковного бытия, за то, что они поняли выработанное канонической Комиссией и Советом Архиепископии

определение нами канонического отпуска, каковое могло бы быть принято Восточной Православной Церковью. Как вы видели, продолжает о. Ал. Князев, из принятой декларации о верности русской церковной традиции, мы всецело поддерживаем и «русскость», и ту миссию, которая на нас лежит, но не будем мы мешать созиданию этого нашего будущего, во имя которого мы учитываем и прошедшее, и настоящее...

Кн. К. АНДРОНИКОВ, сожалея, что ему приходится выступать после таких все исчерпывающих докладов и разъяснений, каковые были предложены о. Ректором, но все же он считает необходимым ответить еще на некоторые вопросы, предварив свои разъяснения следующим, к докладу отношения не имеющим, заявлением, а именно: кн. Андроников считает своим долгом принести извинение в том, что в своем докладе, перечисляя профессоров и др. представителей церковной науки и церковных деятелей и деятелей, не упомянул имени проф. Л.А. Зандера; отдавая Л.А. Зандеру должное, он и приносит свое извинение, выражая таковое с удовлетворением, в присутствии его вдовы, В.А. Зандер.

В связи с поставленными вопросами по поводу докладов, кн. Андроников останавливается на трех моментах:

А) О «русскости»... Как понимать «русскость»; м.б., она является категорией духовной, св[ятой] Руси? О[тец] Г. Топольянец заявил, что в случае возможности возвращения в Россию все русские или французы русск[ого] происхождения немедленно уедут в Россию. Сейчас беженцев русских 15 %; кн. Андроников спрашивает о судьбе тех, кот[орые] здесь останутся, духовной, — что уезжающие им оставят. Не будет ли такой акт в отношении остающихся предательством. Б) О наименовании Архиепископии — Франции (род[ительный] падеж) или во Франции (предл[ожный] падеж). «Сражаться мы не будем», а если необходимо, то таковую поправку можно обсудить в Канонической комиссии и предать по обсуждению на утверждение Собрания — таковое соображение кн. Андроников высказывает от своего имени. И В) Патриарх Московский является представителем Русской Церкви, что более чем очевидно.

ЕПИСКОП МЕФОДИЙ, в заключение, указывает на трудность, с которой рассматривалась и обсуждалась предложенная формулировка наименования Архиепископии, —

можно сказать, выстраданная, — и, ввиду истекающего времени заседания, объявляет, что на второй день Собрании, после Божественной литургии, состоится обсуждение предлагаемого проекта «Устава Архиепископии», и Собранию придется вернуться к указанной формулировке. Владыка Мефодий напоминает, что после окончания текущего заседания в Соборе будет отслужена утренняя и будет исповедь для желающих причаститься Св[ятых] Таин, объединившись духовно у Св. Чаши, и после вечернего богослужения состоится ужин.

Заседание закрывается в 6 ч. В[ечера] пением молитвы «Достойно есть».

Приложения: 1), акт Мандатной Комиссии дневного заседания 16 февр. 1966 г.
2) статья 1-я проекта «Устава Архиепископии».

Председатель

Товарищи Председателя

Секретарь

№ 3 ; 17-П-[19]66 г.

Протокол № 3

Заседания Чрезвычайного Епархиального Собрания
представителей Приходов и церковных организаций
Православной Архиепископии
17-го февраля 1966 года

В 11 ч. у[тра], после Божественной литургии, совершенной архиепископом Георгием соборне, в сослужении епископа Мефодия и значительного числа прибывших делегатов в священном сани, Председательствующий Высокопреосвященнейший архиепископ Георгий объявляет заседание открытым и поручает ведение Собрания епископу Мефодию. В заседании участвуют архиепископ Георгий, епископ Мефодий и 124 клирика и мирянина... (Акт Мандатной Комиссии с приложением списка участников Собрания к сему прилагаются).

УТВЕРЖДЕНИЕ ПРОТОКОЛОВ
заседаний 16 февр. №№ 1 и 2

Прот. Ал. Чекан, секретарь Собрания, оглашает протокол заседания 16 февр. № 1.

Никаких замечаний и поправок к протоколу не поступило.

Протокол утверждается единогласно.

Прот. Ал. Чекан оглашает значительную часть протокола № 2 за исключением конца протокола с указанием мнений двух ораторов: гг. ф[он] Буде и о. Л. Хроль; и ответов прот. Ал. Князева и кн. К. Андроникова, каковая часть протокола будет оглашена в следующем заседании по прослушании ленты магнитофона для более точного изложения указанных выступлений.

Никаких замечаний и поправок к оглашенной части протокола не поступило. Оглашенная часть протокола утверждается единогласно.

ПРИВЕТСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА ВСЕЛЕНСКОМУ
ПАТРИАРХУ АФИНАГОРУ

Кн. К. Андроников оглашает проект текста приветственной от имени Собрания телеграммы Святейшему Патриарху Вселенскому Афинагору (проект текста к сему прилагается).

Предложение принимается единогласно; Собрание исполняет «ис полла эти деспота».

ЗАЯВЛЕНИЯ представителей РУМЫНСКОЙ ГРУППЫ
из Германии и Австрии

Г. ДЕМОСФЕН НАКУ оглашает свои заявления на французском языке с переводом о. Бориса Бобринского (Слово г. Д. Наку к СЕМУ ПРИЛАГАЕТСЯ).

Представитель Румынской Группы из г. Дюссельдорфа — прот. ЕМИЛИАН выражает полное удовлетворение тем, что Румынская церковь в Германии может состоять в такой церковной организации, как Архиепископия, и видит в этом счастье для Румынской Церкви в Германии, о чем он, о. Емилиан, от своего имени и имени Прихода торжественно свидетельствует и заявляет и обещает работать на ниве

церковной, чтоб и Архиепископия стала крепостью Православия. Выражая благодаренье Господу Богу, что Румынская Церковь в Германии может существовать в составе Архиепископии и жить по своим румынским обычаям, о. Емилиан провозглашает многолетие главе сей Архиепископии Высокопреосвященнейшему Георгию со всею Богохранимой Паствой многолетие, исполняемое всем Собранием.

О[тец] Емилиан говорил на немецком языке, при переводе о. Георгии Вагнере.

Епископ МЕФОДИЙ благодарит Братьев Румын и просит передать от Собрания Румынам благопожелания здравия и спасения.

О[тец] Георгий ВАГНЕР, священник германского происхождения, приветствуя выступление представителей Румынской Группы, видит в нашем деянии раскрытие дела Божия в нашей немощи, и мы не должны смущаться, так как за нами стоят отцы Церкви, каноны, история Церкви; ведь Третий Вселенский Собор защитил малую Кипрскую Церковь — это первое положение, и второе, вторая аксиома, что ни в единой области Церкви не ослабевает благодать Божия, что повторно выражается в литургии св. Иоанна Злат[оуста], что мы можем призывать Бога на всяком месте владычества Его и свидетельствовать веру в спасение пред лицом всех людей.

Прот. А. КНЯЗЕВ, приветствуя заявления представителей Румынской Группы и о. Г. Вагнера, свящ[енника] немецкого происхождения, из Германии, видит в нашем образовании картину подлинного народа Божия, объединившегося во Христе, в Св. Церкви, русских, французов, немцев, румын и других.

ПРИНЯТИЕ НАИМЕНОВАНИЯ И СОСТАВА АРХИЕПИСКОПИИ

Епископ МЕФОДИЙ, считая обсуждение докладов КАННИЧЕСКОГО и ИСТОРИЧЕСКОГО в значительной мере исчерпывающим, предлагает голосовать формулировку наименования и состава Архиепископии так, как предлагает нам параграф 1 подлежащего рассмотрению «Устава».

В голосовании принимают участие 124 делегата, участника Собрания.

«За» принятие предложенной формулировки параграфа 1 «Устава»	130
«против» (г. ф[он] Буде)	1
«воздержавшихся»	3

Внеочередное заявление г. ф[он] Буде

О[тец] Б. БОБРИНСКИЙ задает вопрос об участии в голосовании г. ф. Буде, голосовавшего «против», — является ли он, г. ф[он] Буде, членом настоящего Собрания?

Г[осподин] ф[он] Буде, по благословению еп. Мефодия, отвечает на поставленный вопрос и указывает, что он, ф[он] Буде, голосовавший «против», является представителем Льежского Прихода из Бельгии, как избранный на Общем Приходском Собрании 42 голосами из 64 участников Собрания, и его мнение о соединении с Зарубежной Церковью было известно всем участникам Собрания.

Внеочередное заявление старосты Пти-Клямарского Прихода В.Я. КРИВОШЕЙНА

По благословению епископа Мефодия г. В.Я. КРИВОШЕЙН выражает сожаление, что не был своевременно разослан проект «Устава», с которым можно было бы познакомиться и рассмотреть и тем подготовиться к настоящему Собранию, и читает «с болью в сердце» полученный «Наказ» от Общего Собрания Прихожан Пти-Клямарской церкви в честь Рождества Пресвятыя Богородицы от 6 февр[аля], в котором он, В.Л. Кривошейн, был избран делегатом на Епархиальное Собрание; в «Наказе» отмечаются два момента —

1, чтобы не было изъято наименование «русский» в определении нашей Церкви,
и 2, что в Приходе имеется тяготение к Зарубежной Церкви.

Указывая далее на экономическую независимость Прихода, В.Я. Кривошейн говорит, что все трения, происходящие в Приходе, улягутся при условии назначения постоянного священника.

О[тец] А. КНЯЗЕВ разъясняет, что принимаемый в настоящем Собрании «Устав» по окончательной редакции будет разослан по приходам; что же касается того, что не был разослан

проект «Устава» по приходам пред Собранием, то указанное, м[ожет] б[ыть] и печальное, явление было вызвано тем, что проект «Устава» много раз перерабатывался согласно высказываемым в заседаниях канонической комиссии и Архиепископского Совета, и только этой ночью смогли закончить печатание проекта «Устава», подлежащего рассмотрению.

Еп. МЕФОДИЙ — благодарит за сообщения и говорит о предстоящей передаче указанных заявлений в подлежащий избранию Архиепископский Совет.

В. Ив. ТИЗЕНГАУЗЕН вносит предложение о голосовании поправки к наименованию входящих в Архиепископию Церквей «во Франции» или «Франции»... О[тец] А. КНЯЗЕВ разъясняет, что указанный вопрос был рассмотрен, голосован и, как видно из итогов голосования, принят.

«ДЕКЛАРАЦИЯ» О РУССКОСТИ (прения и голосование)

О[тец] А. КНЯЗЕВ, от имени Архиепископского Совета, предлагает к заслушанию и обсуждению проект ДЕКЛАРАЦИИ о моменте русскости в жизни нашей Архиепископии. (Проект декларации к сему прилагается).

О[тец] П. СТРУВЕ, указывая на поминовение и почитание в нашей Архиепископии РУССКИХ святых, считает необходимым указать на включение и ЗАПАДНЫХ Святых, до разделения Церквей, а также и на пользование сокровищами западной церковной культуры.

Кн. К. АНДРОНИКОВ, не возражая о. Петру Струве по существу, считает более правильным по указанному вопросу предложить отдельную декларацию, так как декларация о русскости оттеняет всецело момент русскости как таковой. Прот. В. ГОЛУНСКИЙ, приветствуя указанную декларацию, как отвечающую чаяниям сердец прихожан и вносящую успокоение в некоторых приходах, предлагает размножить декларацию и разослать по приходам для оглашения таковой в неделю Православия.

Никаких других заявлений по вопросу декларации не поступило.

По произведенной баллотировке оказалось, что ДЕКЛАРАЦИЯ принимается ЕДИНОГЛАСНО; «Против» ни одного голоса; не было и воздержавшихся.

РЕЗОЛЮЦИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО СОБРАНИЯ

Прот. А. КНЯЗЕВ оглашает проект резолюции Чрезвычайного Собрания (Проект к сему прилагается).

Прот Ал. РЕБИНДЕР (Аньер) указывает на вызываемое при толковании текста резолюции недоразумение, а именно: как понимать указываемую в резолюции Церковь — всемирной или западноевропейской.

Кн. К.Я. Андроников, как содокладчик, повторяет предлагаемую резолюцию отдельно по пунктам,

1. о независимости, уже принятой во втором заседании Собрания,

2. об обращении ко всем Православным Патриархам и к главам Православных Автокефальных Церквей, БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ, с надлежащим ходатайством о признании независимости Архиепископии,

и 3. о готовности войти в состав Единого Церковного образования, каковое будет установлено Всеправославным Собором для всего Рассеяния.

И разъясняет, что подобное обращение к Главам Автокефальных Церквей является требованием каноничности — может ли быть, чтобы Архиепископия не осведомила бы о своем существовании, — и актом моральной вежливости — обратиться к тем из Церквей, которые уже существуют.

Епископ МЕФОДИЙ предлагает голосовать пункт 11 данной резолюции.

При подсчете голосов оказалось за	96
воздержавшихся	8
против	5

В.Н. ЗАГОРОВСКИЙ просит слова по мотивам голосования и объясняет причины воздержания от голосования. Такие слова, как диаспора или рассеяние, В.Н. Загоровский не мог продумать до конца и принять их, чтобы тем самым ни себя, ни Приход, который он представляет, не обязывать, и что он, В.Н. Загоровский, от голосования воздерживается и остается при особом мнении.

О[тец] А. КНЯЗЕВ, отвечая В.Н. Загоровскому, указывает, что в заседании Совета Архиепископии, при обсуждении указанного пункта 11 резолюции, В.Н. Загоровский принял указанный текст и с ним соглашался.

В.Н. ЗАГОРОВСКИЙ заявляет, что он, В.Н. Загоровский, в заседании Совета Архиепископии предлагал ЯСНО и ОПРЕДЕЛЕННО обращаться ТОЛЬКО к НАШЕМУ ВСЕЛЕНСКОМУ ПАТРИАРХУ.

К.А. ЕЛЬЧАНИНОВ высказывает сожаление, что придется обсуждать тексты резолюций, которых нет на руках, что вызывает ряд трудностей.

О[тец] Ал. СЕМЕНОВ-ТЯНЬ-ШАНСКИЙ считает необходимым уточнить указание на Всеправославный Собор и оговорить о нашем участии в разрешении на Соборе вопроса о нашей Архиепископии, так как возможно, что на Указанном Соборе может быть большинство Церквей из-за железного занавеса⁴, и $\frac{3}{4}$ представителей будут решать вопрос по указанию Москвы; из Истории Церкви известно, что бывали разные Соборы (...Голос участника Соборания: напр[имер], разбойничьи...).

О[тец] ГЕОРГИЙ ВАГНЕР (Германия) сожалеет, что наша Архиепископия получает жизнь... чрез скорбь, и узы... Эта скорбь может усилиться, и поэтому надо быть особенно осторожным при принятии столь ответственной резолюции.

Ввиду высказанных недоумений и заявлений ЕПИСКОП МЕФОДИЙ передает в Совет Архиепископии текст указанной резолюции параграф 2 и 3 для проредактирования и рассмотреть их в одном из последующих заседаний.

ОБРАЩЕНИЕ КО ВСЕМ РУССКИМ ЛЮДЯМ

О[тец] А. КНЯЗЕВ оглашает проект обращения ко всем Русским людям с выражением желания пребывать с ними в молитвенном общении, вне зависимости от юрисдикций (Проект обращения к сему прилагается).

О[тец] Б. БОБРИНСКИЙ считает более правильным в указанном обращении не только передавать <нрзб> разделениях, но и оттенить всю нашу <нрзб>⁵ русским людям с призывом к единению, указав, что мы стоим на таких основаниях, на которых строится церковная жизнь, и предлагает проработать указанный текст и обсудить в следующем заседании.

Предложение принимается.

В 1 ч. 15 м. пением молитвы «Достойно есть» заседание закрывается.

Приложения: 1. акт Мандатной Комиссии со списком участников заседания.
2. Слово г. Демосфена НАКУ.
3. Декларация о Русскости (принятый текст)
4. Проект резолюции Чрезвычайного Собрания, предложенный на рассмотрение.
5. Проект обращения ко всем Православным Русским Людям.

Председатель

Товарищи Председателя

Секретарь

№ 4; 17-П-[19]66 г.

Протокол № 4

Заседания Чрезвычайного Епархиального Собрания
представителей Приходов и церковных организаций
Православной Архиепископии.

17-го февраля 1966 года

В 3 ч. дня, Председательствующий Высокопреосвященнейший архиепископ Георгий объявляет заседание открытым, и поручает ведение Собрания епископу Мефодию. В заседании участвуют: архиеп. Георгий, еп. Мефодий и 120 клириков и мирян (Акт Мандатной Комиссии к сему прилагается).

Доклад об «УСТАВЕ» с вводным объяснением
«НЕЗАВИСИМОСТИ АРХИЕПИСКОПИИ»

Председатель Канонической Комиссии проф. прот. Н.А. АФАНАСЬЕВ, докладчик по вопросу об «Уставе», во вступительном слове отмечает встреченную при составлении проекта «Устава» трудность — в недостатке времени, — что не позволило в достаточной мере точнее формулировать некоторые параграфы «Устава», охватывающего в полной

мере строение административной жизни нашей Церковной единицы «Православной Архиепископии». Проект «Устава» соответствует другим подобным Уставам или Положениям, но с внесением главного и основного изменения, в связи с провозглашением нашего церковного Удела НЕЗАВИСИМЫМ, т[аким] обр[азом] ставится задача разъяснения этого нового фактора церковной жизни, определяемого термином НЕЗАВИСИМОСТЬ, имеющего большое значение, которое нельзя ни переоценивать, [ни] недооценивать.

НЕЗАВИСИМОСТЬ — понятие, термин — не входит в природу Церкви, а является актом административным — вся же Церковь остается Церковью Божией во Христе.

Указанная независимость в Церкви, как фактор церковной жизни, имеет длительную историю, и следы ее находим во время IV Халкидонского Собора (451 г.), определившего пределы нового Патриархата Константинопольского и присоединившего к нему некоторые области, и т[аким] обр[азом] в св[ятой] Церкви были в то время Патриархаты: Римский, Константинопольский, Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский, как церкви автокефальные, независимые одна от другой, в полном смысле слова. Впоследствии образовывались Церкви с независимостью относительной, ограниченной для таких Церквей. Константинопольский Патриарх поставлял только митрополитов, но не других, напр[имер], епархиальных епископов, которые поставлялись уже самим митрополитом; право поставления митрополитов было определяющим степени независимости той или другой церковной единицы. Это явление было новым фактором в церковной жизни, который должен был иметь и свои последствия, а именно: указанные с относительной независимостью Церкви стремились к независимости полной, объявляли себя таковыми и ожидали от Константинопольского Патриарха получения этой независимости. Константинопольский Патриарх, иногда по прошествии известного срока, и удовлетворял стремления этих Церквей, т.е. признавал эту полную независимость. Таков, напр[имер], путь образования или получения автокефалии Русской Церковью, объявившей себя независимой; независимость эта ее долгое время не признавалась Константинополем, а потом была дарована Ей. В новую эпоху таким же путем возник ряд

автокефальных Церквей (с полной независимостью), как, напр[имер], Болгарская, Сербская, Румынская. Таким образом, НЕЗАВИСИМОСТЬ была чисто административным явлением в жизни Церкви, касавшимся устройства Ее, а не Ее природы; сама же Церковь была Церковью Божией во Христе.

Указав общие положения о церковной независимости как таковой, докладчик, проф.-прот. Н. Афанасьев, переходит к рассмотрению вопроса в дальнейшем применительно к нашему церковному положению.

Положение нашего Церковного Удела — особое, необычайное, небывалое в истории Церкви, непредвиденное в церковном праве, — Константинопольский Патриарх и Синод при нем упраздняют Русский Экзархат Вселенского Престола — ту церковную единицу, которая, будучи автономной, в течение 35 лет состояла в составе Константинопольского Патриархата; это новый факт, которого не знала ни древняя Церковь, ни каноны церковные. Будучи упраздненным, бывший Русский Экзархат, как церковная единица, имеет основания претендовать на независимость; мы стали независимыми, коль скоро нас освободил Вселенский Патриарх, и мы должны были, воленс-ноленс, такую независимость объявить; путь этот вполне естественный и де юре вполне законный.

В Патриаршей Грамоте, упраздняющей Экзархат, есть, правда, рекомендация вернуться в лоно Матери-Церкви, для нас, по известным причинам, неисполнимая, и самый термин Матери-Церкви в данном случае, в строго и чисто каноническом понимании, не является применимым, так как приходы нашего Удела не были организованы, устроены путем миссии, миссионерским, проповеди и т.п., ни Русской Церковью, ни Константинопольской [Церковью], в ведении которой они были тридцать пять лет.

Но есть еще и иной момент в определении нашего церковного положения, а именно и — ДВА ФАКТОРА в жизни Церкви являются ОПРЕДЕЛЯЮЩИМИ: 1) независимость каждой местной Церкви (еглиз локаль)⁶ и 2) необходимость быть в литургическом общении с другими Церквями, и т[аким] обр[азом] пред нами, после провозглашения независимости, вопрос общения литургического с другими

Церквами, т.е. вопрос признания нас такой церковной независимой единицей. Наш случай, узус, не обоснован ни на одном каноне, до VII Всел. Собора (767 г.) этот вопрос в каноническом сознании никогда не возникал, и это, естественно, должно составлять нашу задачу, и даже некоторую тревогу.

Первый ответ на провозглашение нами независимости и просьбу о признании ее должен идти от Константинопольского Патриарха, с которым мы должны находиться в литургическом общении, и у нас есть все основания, что ответ со стороны К[онстантинопо]льского Патриарха будет положительным; Вселенский Патриарх, в области которого мы были Экзархатом, может рекомендовать признание нас и другим Церквам; другие ответы от автокефальных Церквей могут последовать в ближайшее время или впоследствии, по прошествии многих лет (пример Церкви Болгарской, ожидавшей признания своей независимости около 70-и лет); или вообще не последовать.

Надо помнить также, что признание нас, может, и будет зависеть и от нас — как мы устроим нашу церковную жизнь...

Заканчивая вступительный доклад о нашей НЕЗАВИСИМОСТИ, проф. прот. Н. АФАНАСЬЕВ особо обращает наше внимание на один важный церковно-жизненный момент, который необходимо иметь в своем церковном сознании, а именно: так как вопрос провозглашения независимости является вопросом административным, касающимся управления Церковью, то наша независимость остается постоянной, наш церковный Удел продолжает существовать таким, каким он был, — т.е. он остается в полной мере действительной и действенной св. Церковью, и нашей независимостью, т[аким] обр[азом], не нарушается полнота Св. Церкви.

Введение в проект «Устава»

Предпослав проекту «Устава» объяснение термина «независимость», докладчик указывает, что применительно к нашей независимости, как к новому фактору нашей церковной жизни, провозглашенному и ныне принятому нашим Общим Собранием, и составлен предлагаемый проект «Устава»:

Схема «Устава» —

не сложная: 1. Архиепископия,

2. Архиепископ,
 3. О Соборе — для нас некоторое новшество, но новшество естественное, а по существу — это то же Собрание; а далее:
 4. Синод — Собор представляет собой клир и народ, и т[аким] обр[азом] должно быть при Архиепископе некоторое образование для обсуждения рода дел, в «Уставе» указываемых, таким органом является Синод, состоящий из Архиепископа и всех епископов, правящих и викарных, Архиепископии. В Константинополе, напр[имер], Синод при Патриархе состоит из 12 митрополитов.
 5. Епархиальные архиереи Епархии — проект Устава предусматривает построение всей организации Архиепископии — В ПРИНЦИПЕ — хотя мы и не располагаем в данное время таким составом, и применение такой организации потребует некоторое время, м[ожет] б[ыть], и длительный организационный период.
 6. Совет Архиепископии — тот же Епархиальный Совет, у нас действующий.
 7. Духовное Судебное Присутствие, учрежденное у нас еще 29 марта 1957 г.
 9. Ревизионная Комиссия.
 10. Богословский Институт.
 12. Кафедральный Собор.
 13. Изменение «Устава» — все четыре отдела, не требующие особого разъяснения.
- [раздел] 8. Управление Архиепископии — Синод, Совет, Судебное Присутствие
- и [раздел] 11. Совещание о положении Православия на Западе, вполне естественное, вытекающее из самого факта нашего пребывания на Западе, так как здесь происходит встреча с инославием; указанное Совещание, как показывает и само наименование, является только совещанием, т.е. не имеет

в своих постановлениях решающего значения, каковое, напр[имер], имеют Синод, Совет.

Внеочередное заявление старосты
Пти-Клармарской церкви В.Я. Кривошеина

В.Я. КРИВОШЕИН, церковный Староста церкви Пти-Клармара, оглашает полученный от Общего Собрания Прихожан Пти-Клармарской церкви НАКАЗ, в котором Общее Собрание поручает своему делегату, т.е. В.Я. Кривошеину, заявить об их настойчивом желании: 1) «дабы не было изъято наименование “Русских Православных Церквей в З[ападно]-европейской Архиепископии”» и 2) отметить и выразить тяготение Приходского Собрания к воссоединению с Русской Синодальной Церковью за границей⁷.

Указанное заявление принимается к сведению и заносится в протокол.

Проект «Устава»

Епископ МЕФОДИЙ предлагает при обсуждении проекта «Устава» применить ПОСТАТЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ с принятием тех или иных поправок, если не будет против таковых возражений гл[авным] обр[азом] со стороны канонической Комиссии и голосовать о принятии отделов и в заключение всего Устава в целом. Предложение еп. Мефодия принимается единогласно.

Свящ Б. БОБРИНСКИЙ от имени Канонической Комиссии выступает докладчиком и читает постатейно проект «Устава».

I отдел: Архиепископия

§ 1. [Решение] о наименовании и составе Архиепископии уже был[о] принят[о] в третьем заседании Собрания (17 февр.) 120 голосами, при 1 против и 3 воздержавшихся.

Принимается стилистическая поправка в § 1 «...коего Экзархата эта Архиепископия является преемницей и непосредственной продолжательницей»...

§ 2. Протод. М. СТОРОЖЕНКО считает необходимым внести в «Устав» указание о богослужебном языке.

Архим. ИОВ, соглашаясь с о. М. Стороженко, полагает также необходимым внесение в «Устав» вопроса о стиле, как, напр[имер], у румын.

§ 3. Н.А. СТРУВЕ⁸ предлагает поправку-дополнение — после слов: «Приходы... руководствуются»... вставить: «С ОДОБРЕНИЯ ЦЕРКОВНЫХ ВЛАСТЕЙ»... в своей внутренней жизни...

О[тец] Б. БОБРИНСКИЙ и по вопросам протод. Стороженко и архим. Иова разъясняет, что ответы на них содержатся в § 3 сего 1 отдела в благоприятном смысле; против поправки-дополнения Н.А. Струве⁹ — комиссия не возражает. ПОПРАВКА ПРИНИМАЕТСЯ.

ПЕРВЫЙ ОТДЕЛ ПРИНИМАЕТСЯ без возражений при 8 воздержавшихся.

В.Н. ЗАГОРОВСКИЙ, как воздержавшийся при голосовании, считает необходимым объяснить причины такового «воздержания», а именно: В.Н. Загоровский считает более правильным в наименовании Архиепископии указать: «Архиепископия во Франции и в З[ападной] Европе». Мнение В.И. Загоровского к сему прилагается

II отдел: Архиепископ

При оглашении §§ Отдела поступили следующие вопросы: по § 10 прот. Ал. РЕБИНДЕР — есть ли согласие Святейшего Патриарха Вселенского на возношение его имени Архиепископом в священных чинопоследованиях? О[тец] Б. БОБРИНСКИЙ отвечает, что такое согласие от Вселенского Патриарха было дано Святейшим Патриархом. Прот. Н. АФАНАСЬЕВ дополняет ответ о. Бобринского, а именно: что Архиепископ возносит имя Патриарха, а священнослужители поминают Архиепископа.

§ 12 И.В. МОРОЗОВ в связи с указанием, что Архиепископ принимает жалобы на архиереев, спрашивает: кто подает жалобы на епископов? прот. Н. АФАНАСЬЕВ разъясняет, что жалобы может подавать каждый, кто считает это нужным.

§ 19 Н.А. СТРУВЕ считает указание на созыв Чрезвычайного Собора для выборов нового Архиепископа в СОСТАВЕ ПОСЛЕДНЕГО СОБОРА едва ли реальным, если Соборы

созываются редко, — раз в три-четыре года. Прот. Н. АФАНАСЬЕВ разъясняет, что Чрезвычайный Собор может быть через год-два после очередного, и кроме того, если бы делегаты предшествующего Очередного Собора от того или другого прихода или отошли ко Господу, или почему-либо не состояли в составе прихода, то дополнительные делегаты или вообще делегаты в подобном случае бы (могли) быть избранными на законном основании Приходским Собранием.

§ 21 Свящ. И. ЯНКИН просит разъяснения по вопросу «об аналогичных причинах», соответствующих военным действиям, мешающим или препятствующим созыву Чрезвычайного Собора для выбора Архиепископа. Прот. Н. АФАНАСЬЕВ отвечает, что жизнь может поставить нас и перед разными непредвиденными в таких случаях фактами, как, напр[имер], карантин ввиду эпидемических болезней, запрет гражданских властей созвать Собор и т.п.

§ 14 Свящ. СВЕТОЗАР СЕЧЕРОВ по вопросу о праве Архиепископа награждать священнослужителей «ПО ОБСУЖДЕНИИ В СИНОДЕ» предлагает означенные слова в § 14 опустить.

Голосованием поправка о С. СЕЧЕРОВА была непринятой подавляющим большинством голосов при 22-х «за».

ВТОРОЙ ОТДЕЛ принимается при 1 воздержавшемся.

III отдел: Собор Архиепископии

§ 24-а о времени созыва Собора — Н.А. СТРУВЕ срок в 4 года считает слишком длительным и предлагает определить этот срок в «раз в 2 года».

Н. ГЕЙТ (Антиб), считая, что наша церковная жизнь требует большей спайки, полагает, что Соборы необходимо собирать чаще, чем предлагает проект «Устава».

Епископ МЕФОДИЙ указанный вопрос ставит на голосование.

За срок созыва «раз в 4 года» — 10. За срок созыва «раз в 2 года» — 26.

Ставится на голосование предложение «раз в три года».

За поправку «раз в 3 года» — 65; против 26.

Поправка к § 24 о созыве Собора раз в три года ПРИНИМАЕТСЯ.

§ 25 возражений не встречает.

§ 26-1 П.В. СПАССКИЙ (св. Ал[ександр]-Невский Собор) предлагает включить в состав Собора и штатных псаломщиков; предлагается также опустить заключит[ельные] слова § 26-1 «состоящих в Архиепископии не менее года»; т[аким] обр[азом] параграф этот, раздел 1, читается в следующей формулировке:

«Священнослужителей (епархиальных и викарных епископов, пресвитеров и диаконов) и штатных псаломщиков».

[§ 26]-2 Предлагается заменить срок на «четыре года» «сроком на три года», и, т[аким] обр[азом], параграф 26 раздел 3 читается «3. Представителей мирян от приходов, избираемых на три года».

Возражений против указанных поправок не поступило.

§ 27 принимается.

§ 26 О.о. иеромонах ИАКОВ (Монмаранси) и Светозар СЕЧЕРОВ (ШЕЛЛЬ) высказываются за участие в Соборах представителей от Старческих Домов, а В.А. ЗАНДЕР (Бианкур) за участие представителей от Братств.

Прот. А. КНЯЗЕВ разъясняет, что представительство от Старческих Домов предусматривается след[ующим] параграфом «Устава» § 29-м: «что же касается церковных Братств, то таковые могут быть причислены к “церковным учреждениям”» и в связи с этим § 33 может быть формулирован так: «В Собор входят представители от монастырей (монашествующие), представители Богословского Института и ДРУГИХ ЦЕРКОВНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ; число этих представителей устанавливается Советом Архиепископии».

§ 28 Принимается подавляющим большинством голосов, при 2-х «против» в формулировке прот. А. Князева.

§ 29 Прот. С. КНИЖНИКОВ и И.В. МОРОЗОВ обращают внимание на отсутствие указаний относительно участия в Соборах представителей от приходов, не имеющих постоянных священников. Предлагается поправка в § 29 после слов «Старческие Дома» вставить «И ПРИХОДЫ» и читать в след. редакции: «Старческие дома и приходы, не имеющие постоянного священника, могут иметь своего представителя от мирян на Соборе, если они имеют Церковный Совет, утвержденный Церковной Властью».

§ 30 Андрей Конст. ЛАВРОВ, псаломщик церкви из Нильванж, предлагает опустить слово «Выборные» и читать «Представители от приписных церквей входят в число представителей от прихода, к которому они приписаны». Поправка возражений не встречает.

§ [с]31 – по 40 включительно возражений не встречают.

§ 41 Свящ. И. ЯНКИН (Св. Никол. Собор г. Ниццы) считает необходимым внести в «Устав» поправку, что в случае неутверждения Архиепископом решений Собора последнее, т.е. неутверждение, должно быть мотивировано.

А. ФИСОЧЕНКО (регент хора Ниццкого Собора) полагает, что, коль скоро у нас нет согласия Святейшего Патриарха Вселенского на предусматриваемый данным параграфом арбитраж, слова об арбитраже следует опустить.

Прот. Ал. СЕМЕНОВ-ТЯНЬ-ШАНСКИЙ (Св. Знаменская церковь г. Парижа) отмечает, что поправка, предлагаемая свящ. И. Янкиным, является повторением того, что в § 41 имеется, а именно: «41. В случае несогласия Архиепископа с решением Собора, он передает дело на вторичное рассмотрение того же Собора под председательством тов[арища] Председателя в духовном звании С УКАЗАНИЕМ причин своего НЕСОГЛАСИЯ»; что же касается предложения А. Фисоченко об аннулировании указания на арбитраж Вселенского Патриарха, то такое о. Ал. Семенов-Тянь-Шанский не считает правильным отвергать, так как, [во-первых,] указание на арбитраж Вселенского Патриарха указывает на некоторую нашу связь с Вселенским Патриархом, и во-вторых, обращение к Вселенскому Патриарху является обычным явлением, когда является необходимым рассмотрение дела или вопроса, в котором одной из сторон является епископ. Прот. Ал. Семенов-Тянь-Шанский поддерживает формулировку, предложенную Канонической Комиссией и Епархиальным Советом, и параграф 41 остается в редакции проекта «Устава».

Предложенная поправка А. Фисоченко не принимается.

§ 42 возражений не встречает.

§ 43 Поступили заявления: во 2-м разделе во фразе «Резолюции при обсуждении докладов должны быть также переведены на другой официальный язык» слово «официальный» заменить «европейский».

В 3-м разделе в фразе «На заседаниях допускаются такие заявления и доклады на других западноевропейских языках» слово «западно» — опустить. Предложения возражений не встречаются.

III отдел о Соборе Архиепископии (§§ 23–42) при голосовании принимается при 2-х воздержавшихся, с вышеуказанными принятыми поправ¹⁰

Заявление о. Л. ХРОЛЬ о предложении посредничества для переговоров с еп. Иоанном (Ковалевским) о возможном соединении¹¹

Свящ. Л. ХРОЛЬ (Монтабан) говорит о необходимости в нашей Архиепископии иметь подлинных, коренных французов, находящихся в ведении еп. Иоанна (Ковалевского); указанные французы вошли давно в орбиту прихода православного по западному обряду, еще при о. архим. Винарте; последний обращался с просьбой об открытии такого православного прихода по западному обряду к Вселенскому Патриарху и, не получая в течение двух лет ответа, обратился к Местоблюстителю Московского Патриарха митрополиту Сергию благословить ему такое начинание. По заявлению о Л. Хроль, еп. Иоанн (Ковалевский) является его близким другом, и на основании этой дружбы о. Л. Хроль предлагает свое посредничество.

Внеочередное заявление г-жи Е. БЕР-СИЖЕЛЬ

Е. БЕР-СИЖЕЛЬ (от прихода в Нанси, приписного к Бельфору) считает, что перемена нашего наименования и принятие нового «Православная Архиепископия Франции и Западной Европы» не означает нашего отказа от русской духовной культуры и не является разрывом нашей солидарности, но, тем не менее, считает необходимым подчеркнуть, что изменения, принимаемые нами, имеют положительное и реальное значение, а именно: мы можем свидетельствовать о православии, его вселенскости, как и о ценностях других культур, имея в виду, что приходы тех или других наций сохраняют свои предания, и мы сможем ознакомиться и с их духовным опытом.

Свое заявление г-жа Е. Бер-Сижель высказывает только как ее размышления по поводу слышанного в заседаниях Собрании, но по затронутому ею вопросу готовится проект обращения от православных нерусского происхождения о желательности и желании творческой работы для нашего церковного единства.

Заявление г-жи Е. Бер-Сижель принимается к сведению.
Пением молитвы «Достойно есть» заседание закрывается.

Приложения: 1, акт Мандатной Комиссии со списком участников заседания;
2, особое мнение В.К. Загоровского по мотивам воздержания при принятии 1 отдела проекта «Устава» (к стр. № 6);
3, одиннадцать (11) страниц проекта «Устава» с принятыми изменениями, поправками, дополнениями.

Председатель

Товарищи Председателя

Секретарь

№ 5; 18-II-[19]66 г.

Протокол № 5

заседания Чрезвычайного Епархиального Собрании
Представителей Приходов и Церковных Организаций
Православной Архиепископии
18 февраля 1966 г.

В 9 ч. у[тра] Председательствующий Высокопреосвященнейший Георгий, архиепископ Православной Архиепископии Франции и Западной Европы и Русских Западно-Европейских Церквей Рассеяния, объявляет заседание открытым и поручает ведение Собрании епископу Мефодию. В заседании участвуют архиепископ Георгий, епископ Мефодий и 125 клириков и мирян. (Акт Мандатной Комиссии с поименным указателем участников Собрании к сему прилагается.)

Слово Высокопреосвященнейшего
Архиепископа ГЕОРГИЯ

Открывая заседание, архиепископ Георгий обращается ко всем участникам Собрания с соответствующим словом, призывая к сознанию ответственности и сохранению единства, заповеданного нам Господом Иисусом Христом.

Архиепископ Георгий указывает на возлагаемую на нас большую ответственность в нашей работе на ниве Христовой — пасти стадо, памятуя, что, мы дадим ответ пред Богом, как предупреждает нас Христос в словах Своих о Страшном Суде, ибо все дадут ответ, а пастыри в особенности. Касаясь вопроса о своем личном участии в указанной работе, архиеп. Георгий говорит, что руководящим началом является стремление к гармонии и любви, которая все покрывает, и этой любовью должно быть спасено все стадо... «Да не подумает кто либо, — говорит архиепископ Георгий, — что я веду какую-то интригу, или кого-либо обхожу, для меня нет дробления, деления; православные люди есть православные люди; и если я принимаю те или иные решения, то только в силу полученных полномочий, которые я также должен охранять, сознавая свою ответственность». Далее архиеп. Георгий с благодарностью отмечает труды епископа Мефодия, являющегося пример послушания, пунктуально выполняющего все даваемые ему поручения; трогательные труды всех, пришедших на настоящее Собрание, и наипаче тружеников — членов Канонической Комиссии, которые понесли много трудов по подготовке Собрания. В предстоящем решении вопроса о нашей структуре, полномочиях и т.д. необходимо обратить внимание на положение правящего Архиерея, дабы не было тех огорчений, о которых сообщает архиеп. Иоанн (Шаховской), когда архиереи обращались к светскому суду с жалобой на архиереев или когда в Афинах были привлечены к ответственности православные архиереи; с уважением относясь к гражданским законам, все же надо защитить имя Правящего Архиерея, чтобы оно не трепалось в судах. Равным образом, следует избегать тенденции контроля действий архиерея, и как поэтому было трогательно заявление о. Светозара о предоставлении награждений духовенства компетенции всецело Правящего Архиерея. Великий пример

единства в структуре дает Вселенская Патриархия, где нет дробления, где много архиереев в лице митрополитов являются помощниками Патриарха, связуя себя с центром, ибо это положение церковное, нельзя дробить то, что не должно быть дробимо, но общими усилиями должны парировать козни врага рода человеческого.

Архиепископ Георгий с радостью приветствует прибывших и из отдаленных стран: о. архим. Ферапонта из Осло, о. протопресвитера С. Тимченко из Швеции и других, чем [они] засвидетельствовали наше единство; надо, чтобы никто не ушел из Собрании неудовлетворенным, а, наоборот, в сознании единства, которым мы горим чрез Вашего архипастыря¹², мы пришли бы к Великому Архипастырю и Отцу — Господу Иисусу Христу. «Нет пасынков, а все едины...»

УТВЕРЖДЕНИЕ ПРОТОКОЛОВ ЗАСЕДАНИЙ СОБРАНИЯ

В 9 ч. 30 м. утра, по предложению епископа Мефодия, прот. Ал. ЧЕКАН оглашает вторую часть протокола № 2, не заслушанную в предшествующем заседании, начиная со слова делегата из Льежа ф[он] Буде.

Никаких заявлений по поводу записи ведения Собрании к протоколу не поступило.

Протокол утверждается единогласно.

Епископ МЕФОДИЙ предлагает заслушание дальнейших протоколов заседаний поручить, по примеру прошлых епархиальных Собраний, Совету Архиепископии, чтобы выиграть время, столь необходимое для выполнения повестки Собрании. Предложение принимается.

ЧТЕНИЕ ПРОЕКТА «УСТАВА» АРХИЕПИСКОПИИ отдел IV, § 44, о СИНОДЕ

О[тец] Борис БОБРИНСКИЙ читает постатейно проект «Устава» Архиепископии отд. IV, § 44 о СИНОДЕ.

Возбуждают прения в § 44 лит[ера] «И» о назначении на должности священнослужителей и последующего их рукоположения, и лит[ера] «М» — рассмотрение наград духовен-

ству, предлагаемых Архиепископом и епархиальными архиереями.

О[тец] Ал. РЕБИНДЕР (Аньер) спрашивает: имеет ли право епарх. архиерей рукополагать в свящ[енный] сан, кого он считает нужным, без рассмотрения кандидатуры рукополагаемого в св. Синоде? О. Ал. Ребиндер полагает, что лит[ера] «И» ограничивает власть правящего епископа, и как таковую предлагает опустить.

О[тец] Вл. ГОЛУНСКИЙ (Коломбель) спрашивает — как принимать иноверных клириков, присоединяющихся к св. Правосл[авной] Церкви и входящих в Архиепископию?

О[тец] А. КНЯЗЕВ разъясняет, что не состоящие в сани инославные принимаются как миряне, а состоящие в сани принимаются в сущем сани из церквей, имеющих апостольское преемство.

О[тец] Ал. СЕМЕНОВ-ТЯНЬ-ШАНСКИЙ — считает, что св. Синод и Архиепископ определяют кандидатуры в свящ[енный] сан, а правящий архиерей рукополагает; обсуждение в Синоде необходимо; это является самым простым выражением соборного начала — совещание епископов.

О[тец] Б. БОБРИНСКИЙ полагает, что, давая много мнимой свободы на местах, как предоставление в данном случае обсуждения кандидатуры правящим архиереем, мы тем самым ослабляем церковную дисциплину, — и всецело поддерживает лит[еру] «И» о рассмотрении кандидатур в Синоде.

Архиепископ ГЕОРГИЙ считает, что в св. Церкви должно быть послушание, и никакие отклонения от традиций Константинопольской кафедры не допускаются. Владыка Георгий всецело согласен с мнением о. Бориса Бобринского о необходимости обсуждения кандидатур в Синоде.

О[тец] Г. ТОПОЛЬЯНЦ (Пти-Кламар) считает, что епарх[иальный] архиерей самостоятельно определяет достоинство того или др[угого] кандидата и об этом доводит до сведения св. Синод[а].

Еп. МЕФОДИЙ полагает, что обсуждение кандидатур в Синоде, заседания которого могут быть раз-два в году, практически ограничивает возможности поставления кандидатов и сдерживает хиротонии таковых.

О[тец] Георгий ВАГНЕР (Германия) предъявляет к кандидатам требование богословского образования и тщательной проверки их соответствующей комиссией...

О[тец] СВЕТОЗАР (Шель) считает, что для правильности необходимо рассматривать кандидатуры в Синоде, а назначение священнослужителей — это область правящего архиерея.

О[тец] Ал. СЕМЕНОВ-ТЯНЬ-ШАНСКИЙ — Епарх[иальный] Архиерей рукополагает и т[аким] обр[азом] имеет все преимущества в поставлении кандидатов в священнослужители, и поэтому нет оснований видеть в обсуждении в Синоде той или иной кандидатуры умаление власти епархиального архиерея. «АКСИОС»¹³ есть то же согласие народа, несколько не умаляющее власть епископа.

Проф. — прот. Н. АФАНАСЬЕВ, от имени Канонической Комиссии, заявляет, что власть рукоположения принадлежит епископу, и при выработке лит[еры] «И» Каноническая Комиссия имела в виду 6-е правило Халкидонского Собора.

Еп. МЕФОДИЙ ставит на голосование предложение о. Ал. Ребиндер — опустить лит[еру] «И» в § 44.

За предложение о. Ал. Р[ебиндера]	20 голосов
Воздержавшихся	нет

Против предложения о. Ал. Р[ебиндера]	все остальные.
---------------------------------------	----------------

Предложение о. Ал. Р[ебиндера] «опустить в § 44 лит. «И»» отвергнуто.

Еп. МЕФОДИЙ предлагает голосовать отдел IV в целом.	
против	нет
воздержавшихся	10

ОТДЕЛ IV принимается	за — все остальные.
----------------------	---------------------

ОТДЕЛ V — Епархии и архиереи — §§ 45–53

О[тец] Б. БОБРИНСКИЙ продолжает чтение постатейное отдела V Об Епархиях и Архиереях.

К § 40 о. Ал. РЕБИНДНЕР предлагает добавить слово «Архиепископии» в заключит[ельных] словах «Советом Архиепископии». Добавление ПРИНИМАЕТСЯ.

К § 33а о. Вл. ГОЛУНСКИЙ предлагает поправку вставкой слова ГРАНИЦЫ, а именно: Епарх[иальный] Архиерей ут-

верждает границы и изменения границ приходов. Поправка ПРИНИМАЕТСЯ.

§ 53б о. ГЕОРГИЙ ВАГНЕР предлагает добавить, что епархиальный архиерей «...и с согласия Архиепископа и Синода рукополагает их в священный сан». Предложение принимается.

Еп. МЕФОДИЙ предлагает голосовать V отдел в целом.

против	нет
воздержавшихся	нет
принимается единогласно.	

ОТДЕЛ VI о СОВЕТЕ АРХИЕПИСКОПИИ §§ 54–72

§ 58 г. ДЕЙША считает, что церковный народ представлен пятью членами, что, по его мнению, является недостаточным для представления национальностей, входящих в Архиепископию. —

О[тец] А. КНЯЗЕВ разъясняет, что мы связаны Уставом Моск[овского] Собора [19]17–18 гг., в силу которого число мирян не превышает число священнослужителей, во 2-х, конечно, мы были бы и счастливы, если бы могли приезжать на заседания датчане, и в 3-х, учитывая это обстоятельство, мы имеем в виду право кооптации, см. § 59.

В § 58 поправка: 5 членов в сане пресвитера и 5 мирян.

§ 59, 60 и 61 поправок нет.

§ 62 поправка: ...члены Совета избираются на ТРИ года.

§ 63–65 поправок нет.

§ 66 г. ДЕЙША предлагает внести добавление: «Совет заботится о проведении в жизнь постановлений Собора» и ПРИНЯТОЙ НА СОБОРЕ ДЕКЛАРАЦИИ. Поправка принимается.

§ 66-а... прот. В. ГОЛУНСКИЙ просит Собрание обратить особое внимание на наши эмигрантские трущобы, на упадок Веры, и обратиться с особым воззванием и обращением к русским людям с призывом о сохранении Православной Веры.

Епископ МЕФОДИЙ заявляет, что указанное предложение о. Вл. ГОЛУНСКОГО будет принято во внимание Епархиальным Советом.

§ 66-д... предлагается добавить — чтобы решения по вопросам приобретения движимого и недвижимого имущества

принимались большинством двух третей голосов и утверждались Синодом «...и СОБОРОМ, по крайней мере, для главных храмов-соборов; как, напр[имер], в Париже, Ницце...»

О[тец] Ал. КНЯЗЕВ разъясняет, что в данном вопросе Комиссия имеет в виду не храмы, имущество, как, напр[имер], пожертвованные дома, земли и т.п.

§ 67 НИКИТА СТРУВЕ вносит поправку о том, чтобы хиротонии и назначения пресвитеров и диаконов подлежали бы ведению не только Архиепископа и Синода, но и епархиальных архиереев, каковая поправка принимается в след[ующей] редакции: «Хиротонии и назначения пресвитеров и диаконов подлежат ведению Архиепископа, Епархиальных Архиереев по принадлежности хиротонисуемых и назначаемых к их епархиям лиц и Синода. Архиепископ до совершения рукоположения извещает об этом Совет Архиепископии».

§ 72 свящ. И. ЯНКИН (Ницца) предлагает поправку в заключит[ельной] части параграфа, а именно: «Архиепископ по этим спорным вопросам в случае их срочности принимает временное решение, ПО РАССМОТРЕНИЮ ИХ В СИНОДЕ».

Кн. К.Я. АНДРОНИКОВ разъясняет, что в случае, если Архиепископ не утверждает постановление Совета, то он, Архиепископ, и объясняет, почему то или иное постановление Совета не утверждается, и к тому же у нас – соборность и должно быть известное доверие к Архиепископу.

Г. проф. ФИРИЛЛАС – тревога напрасна, если обратить внимание на § 54...

Поправка свящ. И. ЯНКИНА... «по рассмотрении их в Синоде» принимается.

Епископ МЕФОДИЙ ставит на голосование весь VI отдел в целом (с принятыми поправками).

ПРОТИВ НЕТ

ВОЗДЕРЖАВШИХСЯ 3

VI ОТДЕЛ ПРИНИМАЕТСЯ, при трех воздержавшихся, подавляющим большинством голосов.

ОТДЕЛ VII-й. ДУХОВНОЕ СУДЕБНОЕ ПРИСУТСТВИЕ

§§ 73, 74, 75 принимаются.

§ 76... поправка:... Члены Судебного Присутствия избираются на «ТРЕХЛЕТНИЙ СРОК».

Поправка принимается.

§ 77. о. В. ГОЛУНСКИЙ обращает внимание на необходимость изготовления б[л]анков на русск. и франц. языках (для Франции) для выдачи метрических выписей.

Епископ Мефодий заявляет, что указанное предложение о прот. В. Голунского будет принято во внимание Епархиальным Советом.

Диакон Ал. НЕЛИДОВ указывает на необходимость перевода на иностр. языки выдаваемых документов.

О[тец] А. КНЯЗЕВ отвечает, что перевод документов — не дело Духовн[ого] Присутствия, а подлежит ведению Епархиального Совета.

§ 77-е ВОПРОС: какие проступки могут быть квалифицированы как проступки духовные?

Проф.-прот. Н. АФАНАСЬЕВ: нарушение церковной дисциплины и вероучения.

М[онахиня] ЕВСЕВИЯ отмечает, что в Отделе о СУДЕ не указаны сроки заседаний Суда, а у нас дела задерживаются...

Кн. К. АНДРОНИКОВ считает указанное замечание справедливым, что у нас в последние десять лет дела задерживаются в своем производстве, и спрашивает: как определить срок; надо в данном случае руководиться принципом срочности, и можно определить этот вопрос следующей формулировкой: по мере поступления.

§ 74 г. ЛАВРОВ (Восток Франции) спрашивает: почему секретарем Присутствия является секретарь Архиепископии.

О[тец] А. КНЯЗЕВ разъясняет, что надо записывать протоколы и централизовать в каком-то отделе или учреждении или канцелярии, как, напр[имер], в данном случае.

О[тец] СВЕТОЗАР (Шель) спрашивает — как быть в случае подсудности епарх[иального] епископа?

О[тец] А. КНЯЗЕВ разъясняет, что м[ожет] быть выход в обращении к Синоду и Собору.

Еп. МЕФОДИЙ предлагает голосовать отдел VII
в ЦЕЛОМ ПРОТИВ 1
воздержавшихся —

Отдел VII принимается подавляющим большинством голосов при одном голосе против.

ОТДЕЛ VIII (УПРАВЛЕНИЕ АРХИЕПИСКОПИИ)

Вносится наименование ОТДЕЛА: Управление Архиепископии.

§ 79 Слово «Архиепископией» заменить родит[ельным] падежом «Архиепископии»

§ 30 И.В. МОРОЗОВ спрашивает о сроке, на который приглашается секретарь.

О[тец] А. КНЯЗЕВ разъясняет, что если Совет приглашает или избирает секретаря Архиепископии, то он может и определять сроки.

В.Н. ЗАГОРОВСКИЙ — Секретарь должен быть приглашаем на постоянное место, т.к. должна быть известная преемственность; «правительства меняются, а министры, чиновники, министерства остаются».

О[тец] Г. ТОПОЛЬЯНЦ (Пти-Клямар) полагает, что секретарь д[олжен] б[ыть] в духовном сане, и предлагает внести соответствующую поправку в параграф 80.

Еп. МЕФОДИЙ предлагает о. Г. Топольянцу формулировать предлагаемую поправку в письменном виде.

§ 81–86 принимаются без поправок. — в § 86 слово «французских» заменяется словом «французском» языках.

Еп. МЕФОДИЙ заявляет, что поправка от о. Г. ТОПОЛЬЯНЦ не получена и не оглашена, и предлагает голосовать отдел VIII в целом

Против —
Воздержавшихся —

Отдел VIII принимается единогласно.

ОТДЕЛ IX (РЕВИЗИОННАЯ КОМИССИЯ)

§ 89... Члены Ревизионной Комиссии избираются на... ТРИ ГОДА §§ 87, 88 и 90 принимаются.

Еп. МЕФОДИЙ ставит на голосование ОТДЕЛ IX в целом.

ОТДЕЛ принимается единогласно.

ОТДЕЛ X
(ПРАВОСЛАВНЫЙ БОГОСЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ)

При постатейном чтении §§ 91–102 никаких поправок предложено не было за исключением § 94, к каковому была внесена поправка о сроке, на который избирается о. Ректор Института. О[тец] Ст. КНИЖНИКОВ (Покровская церковь) предлагает трехлетний срок заменить четырехлетним.

О[тец] А. КНЯЗЕВ разъясняет, что срок трехлетний является общепринятым и поэтому внесен в «Устав» Канонической Комиссией.

О[тец] Вл. ГОЛУНСКИЙ (Коломбель) считает необходимым обратить внимание на настоятельную нужду в псаломщиках и высказывает пожелание об образовании специальных курсов для псаломщиков.

О[тец] Ст. КНИЖНИКОВ полагает, что вопросом организации курсов для псаломщиков надлежит заниматься епархиальным архиереям.

О[тец] А. КНЯЗЕВ приводит справку, что при Богословском Институте в разное время устраивались пастырские курсы, благодаря которым пополнились, хотя и частично, ряды наших пастырей; неуспевавшие все же получили некоторую подготовку для исполнения обязанностей псаломщиков.

Еп. МЕФОДИЙ предлагает предложение о. Вл. Голунского принять к сведению и передать в Епархиальный Совет, а отдел X голосовать в целом.

ПРОТИВ —

воздержавшихся —

Отдел X принят единогласно.

Еп. МЕФОДИЙ приветствует Богословский Институт, выражает пожелание помощи Божией в их труде на благо Св. Церкви Христовой.

Проф.-прот. Ал. КНЯЗЕВ, о. Ректор Института, благодарит еп. МЕФОДИЯ за благопожелания и любовь, которая особенно ценна в наши дни.

ОТДЕЛ XI (СОВЕЩАНИЕ О ПОЛОЖЕНИИ
ПРАВОСЛАВИЯ на ЗАПАДЕ)

Докладчиком является о. Б. Бобринский, оглашающий § 103–105 и разъясняющий, что указанное СовеЩание о положении Православия на Западе не является учреждением, имеющим каноническое значение.

Возражений и замечаний по поводу оглашенных статей о СовеЩании не поступило, и при голосовании принимается ЕДИНОГЛАСНО, при 2-х воздержавшихся.

ОТДЕЛ XII – О КАФЕДРАЛЬНОМ СОБОРЕ

О[тец] Б. БОБРИНСКИЙ читает §§ 106 и 107 «Устава».

§ 106 – поправка «Собор является кафедрой правящего не епископа, а АРХИЕПИСКОПА».

К § 107 дает объяснения проф.-прот. Н. АФАНАСЬЕВ: указывая, что, создавая при Соборе ПРЕСВИТЕРИУМ, Каноническая Комиссия имела в виду восстановить то учреждение, которое существовало с первых дней образования св. Церкви (II–IV вв.) и которое ныне в Римско-Католической Церкви соответствует «шапитр»¹⁴. Цель Пресвитериума – руководить духовной жизнью Пастырей, собирая пастырские собрания для общей молитвы, духовных бесед и обсуждения духовных нужд пастырей и пасомых.

О[тец] А. КНЯЗЕВ дополняет, что указанный Пресвитериум будет состоять не из Причта Собора, но будут приглашаться и др[угие] священники.

О[тец] Петр СТРУВЕ считает более целесообразным учреждение такого Пресвитериума не при Соборе, а при Совете Архиепископии.

ПРИ ГОЛОСОВАНИИ XII ОТДЕЛ принимается подавляющим числом голосов, при 1 голосе против и при 1 воздержавшемся.

Епископ МЕФОДИЙ, оглашая результаты голосования, благодарит Членов Канонической Комиссии, Совет Архиепископии за представленный и так всеобъемлюще разработанный проект «Устава», ставший отныне «Уставом» нашей Архиепископии.

Пением молитвы «Достойно есть» заседание закрывается.

- Приложения: 1, Акт Мандатной Комиссии со списком участников заседания.
2, 14 страниц текста проекта «Устава» с принятыми поправками.
3, проект изменения «Устава» на французском языке (1924 г.) с принятыми поправками (экземпляр г. Ж. Паскаль).
4, обращение к Собранию Группы Русской Молодежи.

Председатель

Товарищи Председателя

Секретарь

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Речь идет об о. Иоанне Краснобаеве, настоятеле прихода в Крезе, представителе данного прихода на епархиальном собрании.

² Речь идет о решении суда Соединенных Штатов Америки о передаче собора Св. Николая в Нью-Йорке «обновленческому» митрополиту Иоанну (Кедровскому).

³ Речь идет о Русской Зарубежной (карловацкой) Церкви, с которой Западно-Европейский Экзархат, как часть Вселенской Патриархии, не имел евхаристического и канонического общения.

⁴ «Церквей из-за железного занавеса» — речь идет о церквях, находившихся на подконтрольной СССР территории, о т.н. «странах народной демократии».

⁵ Здесь две строки протокола напечатаны одна поверх другой.

⁶ *Église locale (фр.)* — местная церковь.

⁷ Имеется в виду Русская зарубежная (карловацкая) Церковь.

⁸ Слова «Н.А. Струве» вписаны от руки. В машинописном тексте значится «Свящ. СВЕТОЗАР СЕЧЕРОВ».

⁹ То же, что и в предыдущем примечании.

¹⁰ Так в рукописи.

¹¹ Речь идет о французских православных приходах, созданных о. Евграфом Ковалевским, с французским богослужебным языком и возможностью совершать литургию по западному обряду. После выхода в 1953 г. из юрисдикции Московской патриархии отец Евграф примкнул в 1960 г. к РПЦЗ и был в 1964 г. хиротонисан архиепископом Иоанном (Максимовичем) во епископа Иоанна Сен-Денийского. После смерти святителя Иоанна (Максимовича)

епископ Иоанн (Ковалевский) в октябре 1966 г. самовольно вышел из юрисдикции РПЦЗ. О переговорах с ним по урегулированию юрисдикционных вопросов и о возможности его общинам примкнуть к Архиепископии и идет речь. Переговоры успехом не увенчались, и церковь еп. Иоанна (Ковалевского) стала впоследствии самостоятельной «Французской Кафолической Православной церковью». — *Примеч. редакции.*

¹² Так в тексте.

¹³ Аксиос (*греч.*) — «достойн»; возгласы, подаваемые народом и клиром в знак одобрения при рукоположении того или иного кандидата в сан диакона или священника, а также при награждении клириков теми или иными наградами.

¹⁴ Chapitre (*фр.*) — капитул.

*Публикация
священника Ильи Соловьева
и проф. Антуана Нивьефа*

Протоиерей Владимир Зелинский

Никто не хотел выбирать

27 ноября 2018 года Синод Константинопольского Патриархата принял решение упразднить Архиепископию русских православных церквей в Западной Европе (также известную как Русский экзархат Константинопольского Патриархата) и переподчинить приходы Архиепископии митрополиям Константинопольского Патриархата, существующим в разных европейских странах. Решение Синода стало полной неожиданностью для Архиепископии. Среди ее клира и мирян, а также среди внешних наблюдателей развернулась полемика о канонических аспектах решения Константинопольского Синода, о нынешнем статусе Архиепископии и, что важнее всего, о ее будущем. Состоявшееся 23 февраля 2019 года Общее собрание Архиепископии высказалось за ее сохранение и за поиск приходами, ее составляющими, совместного выхода. В публицистических статьях, появившихся после 27 ноября, упоминалось несколько вариантов дальнейшего существования Архиепископии. В частности, назывались возможности присоединения Архиепископии к Московскому Патриархату, Русской Зарубежной церкви, Румынскому Патриархату или даже существования ее как самостоятельной, фактически автокефальной церкви. Единственное на данный момент конкретное предложение — о присоединении в качестве автономной Архиепископии с сохранением ее собственного Устава — было сделано Русскому экзархату Московской Патриархией, однако в силу сложной истории отношений Экзархата и Патриархии реакция на предложение была смешанной. Поиск решения, устраивающего большинство приходов Архиепископии и позволяющего сохранить ее как церковь, до сих пор продолжается. 7 сентября очередному, уже третьему за последний год, епархиальному собранию (второе состоялось 11 мая 2019 года)

предстоит вернуться к вопросу о будущем Архиепископии и попытаться принять решение, которого нельзя избежать и которое рано или поздно должно быть. Сейчас от всех участников дискуссии требуется ответственность в том смысле, что время перебора возможных решений уже, по-видимому, прошло и наступило время ясных и детальных предложений.

В этом номере «Вестник» публикует отклик на ситуацию, принадлежащий перу отца Владимира Зелинского, члена редколлегии журнала и настоятеля прихода Архиепископии в итальянском городе Брешия. Редакция хотела бы продолжить публикацию материалов, связанных с нынешним кризисом в Архиепископии и, мы надеемся, способствующих разрешению этого кризиса, в следующих номерах журнала.

От редакции

Однако ж заставили. Существовали мы мирно, были со всеми в дружбе и общении, жили небогато, на службах работая, но вольно и независимо. Но Господь выгоняет из уютных гнезд. И ставит перед решением, которое не хочется принимать.

Вселенский Патриарх учреждает Православную Церковь Украины, что в принципе было ожидаемо. Патриарх Московский, в ответ на вторжение на каноническую территорию, которая уже более трех веков считается российской, порывает евхаристическое общение со всеми чадами Вселенского Патриархата. Тем самым и с нашим Экзархатом, с 1931 года принадлежащим Константинополю, но всегда ощущавшим себя прежде всего Русской Церковью. Это был серьезный удар, хотя в разных странах, разных приходах и пережитый по-разному.

Но и его наш Экзархат мог бы выдержать. В конце концов, случился подобный кризис более 20 лет назад в Эстонии и худо-бедно разрешился. С Украиной – все понимали – он будет длиться дольше, болезненнее, но разрешится когда-нибудь и он. Однако Константинополь сделал его принципиально неразрешимым для нас. 27 ноября 2018 года патриарх Варфоломей вызывает в Стамбул нашего предстоятеля архи-

епископа Иоанна Хариупольского и заявляет без обиняков: «У меня недобрая весть для вас. Русский Экзархат распущен. Вы становитесь викарием греческого митрополита во Франции Эммануила. Ваши приходы переходят в ведение греческих митрополий, они есть в каждой европейской стране. У нас для них нет больше места». И в каждой стране, где вежливым приглашением, где приказом явиться, греки не замедлили о том напомнить: отныне мы — их.

Но здесь обнаружилась существенная деталь, которую они не заметили или не учли. Вселенский Патриарх был вправе распустить учрежденный им Экзархат, но не мог распустить Архиепископию, созданную не им и способную прожить без него. Архиепископия — это собрание приходов, живущих общей традицией, следующих решениям Московского Собора 1917–1918 годов (избрание Архиепископа общим собранием клириков и мирян, особая роль епархиального и приходских советов и т.п.). Теперь этим приходам предстояло решить: «разойтись по грекам» или остаться единым церковным телом. На общем собрании 23 февраля 2019 года 193 голосами против 16 было выбрано единство.

Но вот остаться — как? В каком качестве? На этот счет как не было, так и нет никакого единомыслия. Варианты были и остаются такие: войти в Русскую Зарубежную Церковь, в Московский Патриархат, но с сохранением автономии, присоединиться к Румынской Митрополии в Западной Европе, которая в лице митрополита Иосифа готова как будто Архиепископию принять. Или наконец остаться самим по себе, без всякого Патриархата над нами.

И Зарубежная Церковь готова принять нас, но на своих условиях. Никаких разных календарей, голосований и прочего модернизма. Однако для Архиепископии возможность выбора — знак ее свободы и идентичности, от них она не может отказаться. С Румынской Митрополией пока неясно и так неясным и остается; приглашать нас к себе может благословить только патриарх Даниил и его Синод в Бухаресте. А они молчат. Наконец, можно присоединиться к Москве или же повиснуть в некоем канонически неопределенном пространстве, которое едва ли устроит другие Православные Церкви. К грекам идти никому особенно не хочется. Но кому-то придется.

Остается Москва. Она внушает страх. Но предлагает Архиепископии полную автономию, принимая все «странные» наши традиции, введенные Московским Собором, практически ничего не требуя взамен. Такой выбор имеет многих сторонников, но и вызывает наибольшее сопротивление. Об этом идет дискуссия. К собранию клириков, состоявшемуся в Париже 11 мая 2019 года, я написал письмо, в котором утверждал, что нам, Русской Церкви в Европе, невозможно оставаться в разрыве с Московским Патриархатом.

Письмо было адресовано клирикам Архиепископии и написано по-французски (благословение матери, французский язык!), очень скоро кем-то не без мелких неточностей переведено и опубликовано на сайте Credo-Press. Никакой сайт, конечно, не обязан представлять авторам переводы его текстов или предупреждать о публикациях, но добрые нравы журналистики это вполне допускают. Что касается самого письма, то на собрании 11 мая в Свято-Сергиевском институте человек 10 или около того подходили ко мне и благодарили. Причем как-то келейно, негромко, сугубо приватно, так что даже подкралась мысль: «А не совершил ли я невзначай нечто отважное?»

На собрании 11 мая определенно, *avec la clarté française* (с французской ясностью), прозвучала только точка зрения архиепископа Иоанна: он за Москву. В феврале он рассказывал, насколько трудным было для него такое решение; в течение более 40 лет он поминает Вселенского Патриарха. Остальные, в том числе французское большинство, не были столь конкретны в своем выборе. Неконкретность означала «скорее нет» (впрочем, у двух ораторов — «скорее да»). Английское благочиние было настроено решительней всех: нет и ни в каком случае. В частном разговоре мне сказали: знаете, когда к нам приехал ваш епископ из Москвы и стал вершить дела, мы сразу почувствовали себя сотрудниками московского Министерства иностранных дел. Во время своего выступления я обратился к ним по-английски (перевод часто не успевал за речами): «Прекрасно понимаю вас, англичан, но вы должны понять и нас, итальянцев. По крайней мере, хотя бы учесть, что есть и такая реальность».

Реальность, как я ее вижу, сводится к следующему. Мы все привыкли к независимости, никто не хочет ее терять. Здесь

нет разногласий. Но в человеческом, социальном плане церковные наши ситуации совершенно разные. Во всех странах, в столицах особенно, существуют уже состоявшиеся общины, чьи прихожане давно выбрали церковный свой путь. Они — либо эмигранты в третьем-четвертом поколении, либо природные европейцы, кровно с Россией никак не связанные. Конечно, в каждый из таких приходов новая волна забросила десяток-другой российских прихожан, но не они определяют его уже сложившийся облик. Кому не нравится юрисдикция Константинополя, переходит в московский приход, который, как правило, неподалеку. Старый приход от таких переходов не разрушается.

В Италии ситуация совершенно иная. Здесь нет первой эмиграции, как не осталось и их потомков. За исключением детей, коих уже немало, и обращенных в православие священников-итальянцев, я вообще не знаю никого из православных, кто бы родился в этой стране. Они в огромном большинстве своем прибыли сюда как экономические беженцы, помыкались там и сям, в сараях спали, за еду и койку работали, потом нашли работу получше, с трудом оформили документы, остались если не навсегда, то надолго, некоторые замуж повыходили, и вот неожиданно (ибо ехали не за этим) нашли православный приход. Почти все они, как и их родители, как и деды их, были прихожанами Московской Патриархии. Никто из них и слыхом не слыхивал о какой-то там Архиепископии православных русских (или русской традиции) церквей в Западной Европе. Ну, храм как храм, служба идет по-нашему, московская Церковь их признает, все вроде бы нормально. И все нормально и шло до того момента, когда словно топор ударил по бревнышкам, по выстроенному нашему дому, расколов его пополам. Человек под сорок, добрая половина прихода, внезапно исчезла, не сказав, за двумя случаями, ни слова. Остались самые верные или те, кому до церковных бурь вообще дела нет.

Когда случается выступать, я неизменно изумляю итальянцев вопросом: знаете ли вы, что Италия — самая православная в Западной Европе страна? Одних румын здесь не меньше миллиона, их приходы повсюду. Другой миллион составляют украинцы и молдаване. Ну а затем идут русские, сербы, грузины, греки (у них приходов немало, прихожан

единицы), албанцы, болгары, всех вместе их тоже немало набирается. Восемь канонических Православных Церквей существует на территории Италии, включая Польскую Митрополию с ее церковной вотчиной на Сардинии. Не считая неканонических, созданных, как правило, итальянцами, отколовшимися от Рима.

Те на собрании, кто был не согласен с выбором «в Москву», как правило, не предлагали ничего своего. Они говорили: существует иное решение. Но это решение как-то уклонялось от вербализации, оно подразумевалось. Ясно было, что Константинополь свое решение о роспуске Экзархата может как-то смягчить, но назад не возьмет. Иное решение означало: останемся такими, как есть, вне Москвы, вне Константинополя, вне Зарубежной Церкви, сами по себе. В пример ставилась Американская Митрополия, она существовала на весьма смутных канонических правах, пока в 1970 году Москва не даровала ей полновесную автокефалию. Но и по сей день ПЦА не признается Константинополем, что не мешает ей находиться в полном каноническом общении со всеми Православными Церквями. Итак, выберем свободу, а там посмотрим. Так уже было в 1965 году, когда Вселенский Патриарх Афинагор лишил Архиепископию своего омофора, посоветовав ей вернуться в Москву. Архиепископия совету не последовала и пребывала независимой до 1971 года, когда тот же Афинагор принял ее обратно. Возврат к такому статусу означает пребывание в канонической невесомости сколь угодно долго. Пока кто-нибудь не дарует нам автокефалию. Если вообще вспомнит о нас.

Практически же Архиепископия должна выбрать между двумя путями: идти в Москву или не в Москву. «Не в Москву» значит к грекам или вообще в никуда. Странники «не в Москву» всячески стараются смягчить жесткость этого выбора. Но он таков, каков есть, и невозможно его избежать.

Об этом и было мое письмо клирикам Архиепископии. В оригинале в нем более 8 тысяч знаков. Но российские мои друзья-читатели, прочитав перевод, усмотрели в нем только один знак — указующий на Москву. Они спонтанно полагали, что приход — это одна пастырская голова с кнутом, а прочие — овцы бессловесные, которых можно гонять туда-сюда. Но именно они-то, в силу нашей «демократии», заложенной

Московским Собором, имеют право голоса. В письме своем я подчеркиваю: нужно четко оговорить все условия нашей автономии. И предлагаю Генеральной Ассамблее до перехода в Москву (или «под Москву», как любят говорить) найти еще двух кандидатов для избрания в викарные епископы, чтобы вписаться в московскую структуру с уже готовым корпусом из трех архиереев. Но «за Москву» россияне, по крайней мере те, кто мне писал и звонил, сурово меня осудили. Даже Гапоном назвал старый друг.

И первым делом, конечно, захотели открыть мне глаза. Но глаза мои давно и безнадежно открыты. Разбуди меня среди ночи, я тотчас смогу воспроизвести все слежавшиеся в памяти слова про сергианство, пресмыкательство, сотрудничество, требоисполнительство, «структуру, созданную Сталиным в 1943 году» и т.п. Но во всем этом привычном дискурсе две вещи всегда смущали меня. Во-первых, говорится все это (о сергианстве особенно), как правило, наследниками тех, кто сам, решив избежать мученичества, оставил волкам свои приходы и епархии, вопреки словам Христа («А наемник не пастырь...» — Ин 10: 12). Не касаюсь непоминающих и катакомб; их право на суд куплено дорогой ценой. Во-вторых, никак не могу найти в истории Православной Церкви — а весь ее досергианский путь постоянно и резко противопоставляется сергианскому — длительный период, когда дела обстояли бы радикально иначе. Если в 1857 году в Российской империи было нормально, богоустановлено и потому благословенно владеть и торговать людьми (никого не сужу, мир был таков), то почему через 70 лет, когда мир стал другим, стало кощунственно говорить богоборческой, бесчеловечной системе «ваши радости — наши радости»?

Один эпизод из прошлого:

«Священник рассматривался властью как должностное лицо, которое служит прежде всего государству, а потом уже Богу и наряду с другими чиновниками обязан принимать изветы и писать доносы. В практику Тайной канцелярии Петра входит особый, невиданный термин — “исповедальный допрос”. Он применялся к умирающему от пыток узнику, которого исповедует священник, а рядом сидит секретарь с бумагой и пером. “Исповедальный допрос” считался сыском абсолютно достоверным, ибо на смертном одре человек не может

лгать» (Анисимов Е.В. Миссия Русской православной церкви в петровское время // Церковь и время. 2006. № 4 (37)).

Представим: палач пытается, духовный исповедует, секретарь-грамотей бойко скрипит пером. (Тут как не радоваться? Такая беда, да не со мной!) Не могу вообразить себе большего поношения таинства покаяния, но ведь и он был вписан когда-то в «порядок вещей». Какие там исторгнутые моральной пыткой «наши радости» рядом со злым восторгом «исповедального допроса»! Но это тоже была наша Церковь. И в той же Церкви всегда были, есть, будут знаемые и незнаемые нами люди света Христова, святые и мученики, да хотя бы тот умирающий под пытками во время допроса. Богочеловеческое тело Церкви состоит из пшеницы и плевел, их не различишь до жатвы. И потому я не могу взирать на советский период нашей церковной истории как особо, непростительно греховный, отделяя его от остальных. История единая, мы либо принимаем ее такой, какая она есть, либо уходим на поиски идеальной Церкви. Которая конкретно для меня лежит на другой стороне от моего идеала.

К тому же все эти справедливые (да, да, часто весьма справедливые!) речи о сергианстве произносятся с таким чувством самоуважения, с такой уверенностью стояния на праведной стороне истории, с таким ощущением близкого соседства себя и истины, что я уже перестаю воспринимать то, о чем они, эти речи, а слышу только человеческую природу, которая за ними стоит.

В письме своем я не скрывал, что хочу спасти общину, которая не может бесконечно пребывать в неопределенности. В нашем городе неподалеку есть большой молдавский, то есть московский, приход, куда, не зная молдавского, и сбежали мои бывшие прихожане, и огромный (огромный воистину) украинский греко-католический – в 80 метрах от моего храма. Кстати, многие православные, прибывающие с Западной Украины (а эмиграция идет в основном оттуда), оказываются у греко-католиков, там «ридна мова» и все свое, национальное. (Хотя и у нас Апостол – и по-украински тоже, и рушники повсюду.) Друзья, меня попрекавшие в «москвитстве», сами, разумеется, были и остаются прихожанами московских храмов, и мне в голову не придет попрекать их несоответствием принципам. Здоровое чувство христиан-

ского реализма, лишённое фанатизма, не гонит их на поиски утопий «чистых» церквей, придумавших сами себя.

Когда я начинал свое служение в Брешии, то, как я писал, у меня не было ничего. Ни прихода, ни храма, ни лжицы для причастия. И потом всё это (не без благословения Божия?) довольно быстро возникло, собралось, обрело почву под ногами; теперь уже и иконостас в храме стоит. Вступал ли кто на священнический путь на голом месте и при светской работе (даже двух)? Начав его к тому же с жестоко ранившего меня конфликта с приходским советом первого моего прихода сразу же после рукоположения, от чего я и оказался в пустоте. И за все эти годы, странствуя из одного гостеприимного католического храма в другой, я не переходил в иную юрисдикцию. И сейчас не перехожу, остаюсь в Архиепископии, которая есть моя Русская Церковь. Но пришло время выбирать. Мой выбор прост: община, где практически все прихожане и сегодня чувствуют себя чадами Московского Патриархата, не может и не должна находиться с ним в состоянии «евхаристической войны». Но и жертвовать обретенной свободой и сложившейся традицией тоже не должна.

Анкета «Вестника» об украинской автокефалии

1. Как Вы относитесь к украинским церковным событиям конца 2018 – начала 2019 года? Что, по-Вашему, произошло в Киеве? Какими причинами это было вызвано и какие последствия для мирового православия может иметь?

2. Какие Вы видите (и видите ли) пути преодоления церковного конфликта между Москвой и Константинополем в ближайшем будущем?

3. В свете последних событий, какие главные задачи или вызовы стоят, по-Вашему, сегодня перед Православной церковью в России и в мире?

Антуан Нивьер (Париж), историк церкви и русской религиозной мысли, доктор филологических наук, профессор Университета Нанси II, заведующий кафедрой русского языка и литературы.

1. Общее впечатление довольно тягостное. Образ Православия получается тут весьма жалким: война колоколен, как говорят по-французски, ссора эго и старшинства, борьба влияний и юрисдикций на так называемой «исторической территории», которую ведут патриархи во имя великих канонических и еклезиологических «принципов» («наша историческая справедливость»), так что невольно возникает вопрос: а где же во всем этом послание Христа или апостольские заповеди о любви и милосердии в отношениях между церквями, о пастырском попечении местных церковных общин?

Причины этого глубокого церковного кризиса многочисленны, неправыми тут оказываются обе стороны: со стороны Московского Патриархата это сначала неспособность, а затем и отказ принять во внимание вполне законные чаяния многих православных на Украине получить самостоятельную Церковь; со стороны Константинополя это удивительная способность одним росчерком пера перечеркнуть принятые в прошлом официальные документы (переход Киевской митрополии в юрисдикцию патриарха в 1686 году, акт, который

не оспаривался ни разу, разве что в Томосе об автокефалии Польской церкви в 1924 году) и отказ сдержать свое собственное слово, потому что за последние двадцать лет патриарх Варфоломей не раз публично заявлял, что он признает только автономную Церковь Украины и ее главу, митрополита Владимира (Сабодана) и его преемника, митрополита Онуфрия, а теперь он противоречит собственным словам.

Но в действительности главная причина всего этого лежит в неспособности Православных церквей найти общую и единую руководящую инстанцию, чтобы суметь сообща обсудить и найти решения на общие вызовы, стоящие перед ними; предложение об этом уже поступало от Константинопольского Патриархата в 1903 году, и Русская церковь отнеслась к нему тогда скорее благосклонно, хотя конкретно так ничего и не было предпринято, а потом Первая мировая война, русская революция и трагедия греков в Малой Азии быстро отправили все эти проекты на задворки истории. Всеправославный собор, созванный по инициативе Вселенского патриарха на Крите в 2016 году, стал новой попыткой возродить соборность в православии, но и эта попытка провалилась, потому что, нужно признать, Московский Патриархат сделал все возможное, чтобы сорвать это событие, что, возможно, впоследствии и оказалось еще одним фактором, повлиявшим на решение Константинополя вмешаться в украинские события в одностороннем порядке.

При таких условиях последствия этой жалкой украинской авантюры в перспективе межправославных отношений в ближайшем будущем могут быть только негативными, и напряжение тут не спадет, на это потребуется как минимум время.

2. При сегодняшней напряженности из конфликта Москвы с Константинополем в ближайшее время не так уж много возможных выходов, даже если местные политические факторы и играют в этом деле ощутимую роль. Например, поражение президента Порошенко, решившего этой весной поиграть в свои пере выборы, может поставить под вопрос все уже достигнутые соглашения об автокефалии Украинской церкви. Все будет также зависеть от способности

автономной Церкви Украины (Московского Патриархата) поддержать свои структуры на местах (епархии, приходы, монастыри) так, чтобы не слишком многое из этого отошло к автокефальной церкви.

Во время последней серьезной ссоры между Московской и Константинопольской юрисдикциями это стало камнем преткновения для приходов в Эстонии в 1996 году; тогда решение удалось найти только спустя шесть месяцев, чуть больше того, и это предполагало раздел между двумя параллельными церковными единицами. Но, конечно, на Украине совсем другая история, тут совсем другой масштаб и другие ставки. Поэтому и консенсус тут будет найти гораздо труднее.

И все-таки, в более или менее отдаленной перспективе, модус вивенди и даже полное урегулирование конфликта должно иметь место, потому что история автокефалий Православных церквей в современную эпоху (XIX и XX века) показывает, что, с одной стороны, провозглашение церковной независимости часто происходит под давлением заинтересованной в этом государственной власти, а с другой стороны, не без сопротивления со стороны «Церкви-матери», идет ли тут речь о Константинополе (в случаях автокефалий Греческой, Сербской, Румынской, Болгарской и Албанской церквей) или о Москве (в случаях с Грузинской, Польской, Финской церквями), но через некоторое время церковный и пасторский прагматизм берет свое, различия преодолеваются, иногда даже сходят на нет, и статус автокефалии или автономии новых Поместных Церквей в конечном итоге бывает принят и признан всеми.

3. Православная церковь, если она действительно хочет быть тем, чем должна быть, то есть Церковью Христовой, Церковью веры апостолов и святых отцов, имеет одну миссию и задачу в мире: свидетельствовать о евангельском благовестии в обществе, которое все больше и больше секуляризуется, все больше и больше дехристианизируется, и это справедливо и в отношении России.

И, чтобы это свидетельство могло быть услышано и воспринято, Православная церковь должна быть единой, без межюрисдикционных ссор, ей нужно единство в многообразии, то есть без притязаний на власть и авторитаризм ни со

стороны Нового Рима, ни со стороны Третьего Рима. Только через такую обновленную соборность она сможет быть действительно православной и вселенской. А без этого мы будем иметь дело всего лишь с национальными церквями, занятыми лишь своим уделом, которые получают осуждение, как некоторые из церквей Апокалипсиса, за недостаток любви и теплохладность (см. Откр 2: 1–7, 3: 1–6). Обо всем этом уже говорили русские религиозные мыслители и богословы XX века, отцы Сергей Булгаков, Александр Шмеман, Иоанн Мейендорф, и еще Владимир Лосский. Их слова, к сожалению, современная Россия не готова услышать.

Наталья Василевич (Минск, Беларусь; Бонн, Германия), докторант Рейнского университета Фридриха Вильгельма (Бонн, Германия), директор культурно-образовательного центра «Экумена» (Минск, Беларусь), основанного в 2009 году совместно с гражданской инициативой «За свободу вероисповедания».

1. Украинский раскол долгое время оставался довольно болезненным как для украинского православия, так и для православия мирового: миллионы верующих находились вне общения со Вселенской церковью, что главным образом было обусловлено политическими причинами. Несмотря на ряд негативных тенденций в Украинской Православной Церкви (Московского Патриархата), ей долгое время все же удавалось и удается сохранять подлинную церковность – развивалась приходская жизнь, богословская наука, церковное искусство, монашество. На этом фоне Киевский Патриархат выглядел значительно хуже – здесь ставка была сделана скорее на массовую, трепническую религиозность и определенную политическую – антироссийскую – позицию, ситуация усугублялась еще и изолированностью от всемирного православия, поэтому ни количественно, ни качественно Киевский Патриархат значительно не отставал от УПЦ (МП).

Ситуация резко начала меняться в 2014 году – Майдан, захват Крыма и начало военных действий на территории Украины, кончина лидера УПЦ (МП) митрополита Владимира и довольно невнятная политическая позиция УПЦ (МП) и представителей Русской Православной Церкви

во время этих событий подорвали в значительной части общества авторитет находящейся в общении с всемирным православием церкви, сформировался устойчивый социальный заказ на автокефалию. Для новой украинской власти создание полностью независимой от Москвы Православной церкви стало одним из главных политических приоритетов.

Вселенский Патриархат, который претендовал на свое единоличное и исключительное каноническое право решать вопросы о предоставлении автокефалии, долгое время был связан определенными договоренностями с Московским Патриархатом, учитывал политическую ситуацию в Украине и мнение признаваемой им в качестве канонической церкви УПЦ (МП). Именно с этим церковным субъектом и велись переговоры о возможных моделях урегулирования украинской ситуации, и Вселенский Патриархат воздерживался от активного участия в разрешении проблемы украинского раскола.

Итак, по моему мнению, в церковном измерении: давно необходимо было урегулировать канонический статус верующих, находящихся в расколе. В политическом измерении: Украина — это страна с огромным количеством православных верующих, приходов, священников и епископов, по этому параметру одна из крупнейших в мире; зависимость Поместной церкви от Москвы влияла на доверие к ней в обществе негативно, поэтому автокефалия Украинской церкви была нужна. В каноническом измерении я не оспариваю, а скорее считаю оправданной привилегию Вселенского Патриархата в вопросе предоставления автокефалии.

Однако, на мой взгляд, следовало бы учитывать духовное и каноническое состояние находящихся в расколе групп, а также позицию УПЦ (МП) — которая фактически была проигнорирована; процедура предоставления автокефалии должна была быть более прозрачной и предсказуемой для всех участников, чтобы исключить или по крайней мере свести к минимуму манипуляции и злоупотребления как со стороны государственной власти, так и со стороны церковных участников переговорного процесса. Необходимо было более серьезно относиться и к возможным последствиям для всей структуры мирового православия, его единства, гарантом которого в православном мире в некотором смысле и являлся до сентября 2018 года Вселенский Патриарх.

В сентябре 2018 года, отменив решение 1686 года о передаче Киевской митрополии Московскому Патриархату, Вселенский Патриархат перевел УПЦ (МП) из субъекта в объект своей политической воли. Предложенный, а точнее, навязанный сценарий совершенно не соответствовал ожиданиям даже проавтокефально и проконстантинопольски настроенной части УПЦ (МП). Это показывают дальнейшие события — чрезвычайно низкая активность участия епископов УПЦ (МП) в так называемом «Объединительном соборе», низкая интенсивность переходов в новообразованную структуру уже после получения томоса. Объединительный собор стал объединительным только для ранее не признаваемых УПЦ (КП) и УАПЦ, в результате бывшие «раскольники» и стали считаться пятнадцатой по счету Поместной Православной церковью — Православной Церковью Украины.

Эти события имели несколько последствий. Во-первых, в Украине по-прежнему существует две крупные церковные организации, которые не находятся в общении друг с другом, но находятся в некоторой степени общения с вселенским православием. Для бывших прихожан, священников и епископов УПЦ (КП) это открыло путь к преодолению изоляции, однако вряд ли само по себе приведет к качественному изменению церковной жизни. Более того, пытаясь отгородиться от Москвы, парадоксальным образом ПЦУ в некотором смысле стало даже ближе к Москве — следуя за Константинополем, предстоятель ПЦУ обязан помянуть имя Патриарха Московского в числе других Предстоятелей.

Во-вторых, украинское православие все еще продолжает находиться в ситуации конфликта: в Православной Церкви Украины нарастают внутренние противоречия, связанные с нежеланием значительной части бывшего Киевского Патриархата распускаться, структура церковного управления находится в процессе формирования, что тоже потенциально конфликтогенно, в том числе и в отношениях с Константинополем; это касается зарубежных приходов и епархий бывшего Киевского Патриархата. Между разными церковными общинами — с высшего до низшего приходского уровня — существует конфликт, связанный с переходами приходов из одной юрисдикции в другую, с имуществом, с попытками

ограничивать деятельность; чрезмерной является и роль государственных властей в этом процессе.

В-третьих, произошло значительное отчуждение между Московским Патриархатом и Константинопольским. Прерывание евхаристического общения и межправославного сотрудничества со стороны Московского Патриархата особенно болезненно отражается на жизни в диаспоре, способствует формированию конфронтационного сознания у верующих. Также постепенно вышли из употребления те выработанные механизмы соборности, которые с 2009 по 2016 годы работали в православном мире и которые давали надежду на высокую степень его консолидации, несмотря на существующие противоречия. Это все создает дополнительные риски для устойчивости знакомой нам системы Поместных Православных церквей.

2. Любой конфликт преодолевается тремя способами. Во-первых, это способ переговоров — когда есть добрая воля обеих сторон на примирение и решение проблемы, когда обе стороны страдают от ситуации конфликта, тогда у обеих сторон также должна быть и готовность отказываться, хотя бы частично, от своих притязаний. При переговорах также необходим достаточно авторитетный посредник, способный обеспечить исполнение обязательств, — иначе на переговоры идти нет смысла. Иногда кажется, что две стороны чувствуют себя в этом состоянии конфликта довольно комфортно, поэтому маловероятно, что у них возникнет мотивация на его преодоление.

Второй способ — это насилие, принуждение, когда у одного субъекта есть способ и достаточно ресурсов навязать свою волю другому субъекту. Пока также не видно, чтобы у сторон были эффективные рычаги, позволяющие навязать «примирение» на своих условиях.

Конфликт может решиться, точнее «рассосаться», и сам в случае, если оба субъекта просто перестанут существовать, или со временем — просто уменьшится интенсивность, появятся какие-то более глобальные общие вызовы, перед лицом которых конфликт потеряет свою актуальность и больше не будет восприниматься как проблема. Этот третий путь, при современном состоянии всемирного православия, наиболее вероятен.

3. Главная задача, на мой взгляд, — это быть церковью для мира. В этом смысле я вдохновляюсь Святым и Великим Собором Православной Церкви (Крит, 2016), о котором пишу свою диссертацию. Я бы хотела привести в отношении церкви тот образ действенной любви, который приводит Сам Христос и который повторяется в Преамбуле документа «Миссия Православной Церкви в современном мире»: образ доброго самаритянина, который не остается безучастным (индифферентным — такое слово в английском тексте), но принимает на себя «боль и раны» этого мира и «действенной любовью возливает на раны его елей и вино». При этом в другом документе Собора — Окружном послании — отмечается, что это «церковное человеколюбие» никогда не должно ограничиваться «лишь совершаемыми время от времени актами благотворительности по отношению к нуждающимся и страждущим», она должна стать и системной деятельностью — «устранением причин, повлекших за собой социальные проблемы» (VI.19).

На место принципа «симфонии» церкви и государства Собор предлагает другой принцип — «конструктивной синергии» (VI.16. § 1), сотрудничества церкви и светского государства «на благо защиты уникального достоинства и, следовательно, прав человека, гарантируя социальную справедливость» (Там же).

У нас вдохновляющее богословие, удивительная литургия, богатая традиция, глубокая аскетика и духовность, но в современном обществе мы вторичны, провинциальны, ставим себе в заслугу достижения предыдущих поколений, при этом превозносимся перед другими, ведь мы — держатели «лицензионной» программы. Мы предпочитаем не замечать, что в программном обеспечении накопились «баги», «глюки» и «критические ошибки», что мир постоянно меняется, и вот-вот уже наша прекрасная компьютерная лицензионная программа перестанет вообще запускаться, поэтому с обновлением тянуть больше нельзя. И особенно это касается способов жизни церкви в мире, в обществе.

Поэтому насущной задачей я считаю развитие политической теологии, диалога православного богословия с современной наукой и философией, повышение компетентности во всех сферах жизни, чтобы понимать, что «фарш

невозможно повернуть назад», — нельзя вернуться в теплое, ламповое домодерное общество с его моделями и социальными институтами. Сколько ни озирайся назад с ностальгией либо о потерянном рае, либо о догорающем под огнем серы родном городе Содоме, кому какой образ ближе, — они в прошлом. Нужно жить здесь и сейчас, учиться на своих ошибках, учиться не только видеть лежащие на поверхности проблемы современного общества, но смотреть вглубь — и учиться различать неуловимые, постоянно маскирующиеся структуры насилия, греха, манипуляций и искать против них вакцины и противоводия, чтобы оценивать и прогнозировать последствия своих действий. Важной задачей является и развитие самокритики — вместо постоянного, столь характерного для православия дискурса самооправдания. Церковь должна судить себя — не столько по мотивам «хотелось как лучше», сколько по результатам, по плодам, чтобы не получилось «как всегда».

Мы должны развивать трезвость, нравственное чутье, не искать своей выгоды. Мы должны развивать свой язык, делать его более евангельским, а это значит благовестническим, ведь наше послание миру — это послание о любви Божьей, это послание надежды, и если оно не мотивирует человека «встать и идти», не освобождает, если оно релевантно для человека, живущего в этом мире, если оно бьет мимо цели, то нам, наверное, следует откалибровать свой язык.

Антуан Аржаковский (Париж), французский историк русского происхождения, доктор исторических наук, директор по научным исследованиям Колледжа бернардинцев в Париже; с 1998 по 2002 год работал атташе по культуре и образованию Посольства Франции на Украине и содиректором Французского центра в Киеве.

Как выйти из нынешнего кризиса Православной церкви?

Для начала, кажется мне, нам стоит признать, что Православная церковь вот уже несколько лет, как сама осознает, что переживает кризис, и что это одновременно и призыв Божий. Чтобы в этом убедиться, стоит вспомнить десятки поводов для конфликтов, вынесенных на повестку дня меж-

православного собора еще в начале 1970-х. Четырнадцать Православных церквей признали необходимость реформ. И тем самым вошли в благодатный период оттепели. Созыв межправославного собора в 2016 году на Крите, после столетней подготовки, и стал знаком этой оттепели. В частности, признание отцами собора в Колимбари, что границы Церкви Христовой шире, чем границы Православной церкви, а значит экуменическое движение правомерно, было первостепенным. Но неучастие в этом соборе четырех церквей показывает, что обиды и недоверие укоренились глубоко.

Осознать кризис Православной церкви

Конечно, решение Патриарха Московского Кирилла от 15 октября 2018 года запретить своим верным чадам причащаться за литургией, совершаемой представителями Константинополя, вызывает растерянность и свидетельствует о такой форме клерикализма, которая уже принадлежит прошлому. Верно и то, что решение от 27 ноября 2018 года упразднить Западноевропейский экзархат русских приходов, принятое патриархом Константинопольским Варфоломеем без малейшего согласования с архиепископом Хариопольским Иоанном, и уж тем более с представителями архиепископии, было жестоким и безответственным. Верно и то, что непримиримое отношение митрополита Киевского Филарета не только к Москве, но и к Константинополю создает впечатление, что он считает киевскую церковь своей собственностью. И все же, мне кажется, не нужно фокусироваться на этих слишком человеческих позициях.

Самый очевидный признак кризиса Православной церкви усматривается в том, что страны, граждане которых в большинстве своем считают себя православными христианами, вот уже больше четырех лет находятся в состоянии жестокой войны, в которой уже более 10 000 убитых (и это только с украинской стороны, мы не знаем количества русских солдат и наемников, убитых в боях), сотни тысяч раненых, миллионы беженцев. Даже если на Западе эта русско-украинская война кажется нам чем-то далеким, стоит признать, что у нее есть и религиозная составляющая, за которую частично несут ответственность Православные церкви.

Признать обоснованность решения об автокефалии Киевской Православной церкви

Раскол между тремя православными церквями на Украине стал одной из причин непризнания Кремлем украинской идентичности. Такая ситуация, болезненно задевающая многие семьи, сложилась не так давно. Украинская Православная церковь, насчитывающая более 25 миллионов верующих, уже не меньше века просит себе автокефалию и, если сложить все ее три юрисдикции вместе, образует крупнейшую церковь в Западной Европе. Стоит поблагодарить патриарха Варфоломея за то, что он, несмотря на свой возраст, решился взять этого быка раскола за рога. Он действовал мудро, в течение 27 лет терпеливо выслушивая все стороны конфликта, церкви, но также недавних президентов Украинской республики, украинский парламент, два раза большинством голосов проголосовавший за его вмешательство, в 2016-м и 2018-м.

Он вспомнил также, предложив очевидный аргумент, о законности своей власти, попытавшись уврачевать рану, открывшуюся в сердце Европы. Константинопольский патриарх обладает старшинством в церкви после римского престола с IV Вселенского Собора, старшинством, принявшим форму ответственности, восходящей к апостолу Петру (право созыва соборов, обжалования, признания статуса автокефалии), после раскола с Римской церковью. Епископ Христовский Макарий внятно объяснил в Брюсселе 4 декабря 2018 года европейским парламентариям, что именно Вселенский Патриархат даровал автокефалию Московской (1589), Греческой (1850), Сербской (1879), Румынской (1885), Польской (1924), Албанской (1937), Болгарской (1945), Грузинской (1990) и Чешской (1998) церквям. Кроме того, Константинопольская церковь была у истоков основания Киевской церкви в 988-м и сопровождала ее до XVII века. Несмотря на заявления митрополита Каллиста (Уэра), она дала Московской церкви в 1686 году полномочия временно назначать киевского митрополита лишь при условии его признания Константинопольским Патриархатом, по старшинству. И Украинская церковь в эмиграции испрашивала признания у Константинополя, а не у Москвы. Именно поэтому она и вошла в 1994 году во Вселенский Патриархат.

После трех Майданов, в 1991, 2004 и 2014-м, патриарх Варфоломей признал, что украинская нация не хочет больше разделения между христианами. Зная, что с 1991 года большинство украинских православных епископов просят признать автокефалию, осознавая ответственность церквей за поддержание этого разделения в русско-украинском конфликте, патриарх Варфоломей мудро решил даровать украинским православным христианам возможность образовать свою собственную церковь. Как показывает опрос общественного мнения, значительная часть православных христиан Украины сегодня признательна патриарху Варфоломею за автокефалию Украинской Православной церкви, которая должна быть утверждена 6 января 2019 года в Стамбуле.

Кроме того, украинское правительство пообещало тем православным, кто хочет остаться в Московском Патриархате, что они свободны там оставаться. Единственная перемена будет в названии, вместо Украинской Православной церкви она будет называться экзархатом Московского Патриархата на Украине. Епископы, принявшие участие в соборе примирения 15 декабря, призвали со своей стороны всех верных чад отказаться от любой формы насилия в тот момент, когда приходам придется сделать выбор, войти им или нет в эту Киевскую церковь.

Найти путь смирения и смысл служения, чтобы победить двойное искушение квиетизмом и клерикализмом

Конечно, ответственность за сегодняшний кризис, вылившийся, в частности, в разрыв между Москвой и Константинополем и войну между Москвой и Киевом, несут все православные христиане.

Но и церковным иерархам Киева, Москвы и Константинополя, если они хотят церковно воплотить православную веру в Церкви Христовой, также надлежит смиренно признать собственные страхи, немощи и границы.

Решение патриарха Варфоломея принять участие в судьбах Киевской церкви вызвало гнев Москвы, считающей Украину частью своей «канонической территории».

Московская церковь оспаривает руководящую роль Константинопольской церкви, опираясь на ультраавтокефалистскую эkkлезиологию. А та, в свою очередь, широко опирается

на политическую власть и отказывает в поддержке любому внешнему для нее церковному авторитету. Ибо, как заметил Джон Эриксон, православная экклезиология основывается на межцерковном общении, что одновременно предполагает и принцип первенства, то есть реального личного авторитета, синодальной жизни, участия каждого, получившего крещение. Сегодня богословы, пытающиеся оспорить первенство Константинопольского патриарха в церквях, называющих себя православными, одновременно ставят под вопрос и историю Православной церкви в том виде, в каком она признана лучшими историками, от Антона Карташёва до Иоанна Мейендорфа, а заодно и авторитет Вселенских Соборов.

Мне кажется, что русским иерархам, богословам и простым мирянам сегодня тоже нужно взять на себя труд различения. Мне кажется, в интересах Русской церкви сегодня предложить путь обновления и верности живой традиции как для Православной церкви, так и для русской нации. Московской церкви, в частности, стоит порвать с мифологией Третьего Рима и признать, что не она одна оказалась наследницей Киевской Руси.

Безответственным и болезненным шагом стало и то, что 27 ноября 2018 года Константинопольский Патриархат решил поставить этот экзархат, и в первую очередь его экзарха, перед фактом о его роспуске. Не таким способом строятся отношения доверия между христианами в Христовой церкви.

Заключение

Мне кажется, что, несмотря на раны, полученные каждой церковью, и несмотря на беды каждого православного христианина в этот период потрясений, сегодня в первую очередь необходимо поддержать Константинопольский Патриархат в его намерении установить не только орган межправославной координации, но и собственный авторитет. Мы понимаем, конечно, что речь идет об условной поддержке, соотносимой со способностью апостола Андрея откликнуться на призыв Христа следовать за Ним. Принимая дерзновенные решения, являющие его особой ответственностью, Константинопольский патриарх должен следовать 34-му правилу Апостольского собора: «Епископам всякого народа подобает знать первого в них, и признавать его как главу,

и ничего превышающего их власть не творить без его рассуждения; творить же каждому только то, что касается до его епархии и до мест, к ней принадлежащих. Но и первый ничего да не творит без рассуждения всех. Ибо так будет единомыслие, и прославится Бог о Господе во Святом Духе, Отец, Сын и Святой Дух». Канон этот, однако, означает лишь то, что во время кризиса (а это, по определению, время человеческой истории) *протос*, первый, может в любой момент получить поддержку всех. Такого никогда не было в истории церкви. Все четырнадцать Православных церквей должны признать этот пункт и согласиться с тем, что в исторической динамике соборов, в придачу к позиции *протоса*, первого, авторитетное большинство часто признается всеми как знак действия Духа, что и позволяет широкую рецепцию принятых решений всею церковью. *Протосу* тогда нужно проявить дерзновение, чтобы применить это правило к церковной жизни. А патриарх Варфоломей в настоящее время как раз и выделяется дерзновенностью решений.

Но, как я уже сказал, его воля к действию, после веков паралича, применяется все-таки слишком жестко. Поэтому его дерзновение будет признано и оценено, если к нему прибавить проявления смирения и способности слышать другого. Православная церковь в своей целокупности должна явным образом исповедовать свои грехи, как это сделала Католическая церковь в 2000 году, и осознать насущную необходимость реформ. Православные епископы, в частности, должны извлечь уроки из прошлого, как из своей слабости в отношении светских властей, так и из перегибов собственного управления, из-за чего периоды имперского манипулирования церковью сменяются периодами клерикализма. Мирянам тоже стоит признать, что сегодня мы пожинаем плоды целых веков нашего бездействия.

Молитва и аскеза, подлинно самокритичное смирение по завету святого Ефрема Сирина, — вот необходимые условия выхода из нынешнего кризиса. Но помимо этого сегодня нужно, в духе мира, лично и общинно, совершить труд творческой мысли. Сердцевиной необходимой для Православной церкви реформы должна для всех православных христиан стать попытка освободиться от жизненных и догматических ересей.

Священник Георгий Кочетков (Москва), профессор, основатель и ректор Свято-Филаретовского православного христианского института в Москве, основатель и духовный попечитель Преображенского содружества малых православных братств.

1. В том, что произошло и происходит, есть несколько аспектов, и самый важный — церковный. Он более глубокий и не лежит на поверхности. Этот аспект связан с общим кризисом форм церковного устройства. Сто лет назад закончился константиновский период, показавший, что союз с государством оборачивается для церкви все большей потерей свободы, но тяга к государственной опеке настолько вошла в плоть церкви, что не пропала ни во время советских гонений, ни после, ни когда СССР развалился. Последние события показывают, что внутри церкви нет адекватного понимания того, что значит для нас наследие доконстантиновской, константиновской и послеконстантиновской церковных эпох.

Из-за церковного кризиса трещит по швам вся иерархическая и каноническая структура. Люди стали понимать, что и система иерархии, и модель поместного церковного устройства «автокефальная церковь — епархия — приход», разработанные в константиновский период, сейчас работают чрезвычайно плохо, а иногда разрушительны для церкви. Это мы и видим в поведении Константинопольского патриарха, а иногда и других предстоятелей Православных церквей и просто архиереев.

Разрыв общения между Патриархатами, усугубившиеся на этой почве конфликты и разделения между верующими внутри одной юрисдикции обнаруживают в церкви действие идеологических и политических сил. Это дискредитирует церковь. Всем понятно, что и раньше была огромная зависимость церкви от государства, его внутри- и внешнеполитических интересов, часто совсем не близких церкви. Но сегодня, когда большинство стран утратили свои христианские корни и живут, не оглядываясь на церковь, сама церковь по-прежнему держится за государственную власть и, сохраняя прежний порядок своего устройства, попадает в еще большую зависимость от политики.

Политические пружины в этом церковном расколе — самые сильные, им подчинено церковное, каноническое,

историческое толкование событий во всех странах и всех Православных церквях. Есть и националистическое, и внутривосточное, но еще и внешнеполитическое влияние на церковь. Украина стала камнем преткновения и главным политическим субъектом для США и Европы в их борьбе против существующего порядка в России. Политические причины нынешнего кризиса слишком очевидны. Силы, которые приводят его в движение, не волнуют расколы в православии или внутренние проблемы Украины. Все видят, каково влияние, скажем, Америки и отчасти Европы на решение Константинополя. Это такое устройство «майдана» на церковной почве.

Церковный «майдан» — это попытка отвлечь Украину от нашей страны, такой, какой на сегодняшний день она является. С одной стороны, РФ продолжает нести в себе политические и идеологические реалии советского времени, а с другой — есть немало того, что мы приобрели в постсоветский период, который имеет свои плюсы и ярко выраженные минусы.

Украинская православная церковь до последнего времени ощущала себя прежде всего частью РПЦ, при всех ее недостатках. Сейчас это изнутри и извне подвергается искушению: мол, если хотите полной самостоятельности, надо уйти от язв, которые существуют в РПЦ. Но люди не думают, что многие из этих проблем существуют и в Константинопольском Патриархате, как и в самой Украинской церкви, они не думают о том, кем они будут по отношению к греческой традиции. История показывает, что Константинополь слишком часто бывает непредсказуем, этнофилетичен и при этом заражен папизмом.

В данной автокефалии в принципе нет никакого церковного содержания. Никто церковно не обосновал, зачем Украинской церкви нужна автокефалия, кроме одного: хотим быть сами по себе. Если у нас независимое государство — значит, должна быть независимая автокефальная церковь. Но такого принципа в церкви нет. То есть здесь в основу кладется принцип националистический. Плюс церковные вопросы оказываются подчинены интересам государственной власти, а это такая же ересь, как и филетизм, хоть она пока и не имеет названия.

Но кроме политики, существуют взаимоотношения народов, духовные, культурные, деловые и просто родственные связи, которые не могут быть принесены в жертву только политическим целям и средствам.

Проблема еще и в том, что причины кризиса не сводятся полностью ни к политике, ни к вопросу об автокефалии. Народ, живущий на Украине, и Украинская церковь несут на себе те же язвы советского времени, что и современная РФ. И они так же не освободились, не покаяться и не возродились после советского времени. Это возрождение и не может произойти, если люди все время хотят видеть причины страшного XX века вовне, а себя считать лишь жертвами.

Пока этой перемены не случится, неизбежно будут противоречия вплоть до разрывов, а значит и войн. Война может быть духовной, но она же может перерасти и в горячую войну — история знает немало таких примеров.

В общем шуме не сразу и разберешь, что все оказались в дураках: и Москва, и Константинополь, и Киев, и Париж. Грустнее всего, что этими скандалами только заглушаются настоящие церковные проблемы, породившие и питающие данную ситуацию.

Эти же проблемы касаются и всего мирового православия, пусть и в разной степени. Именно поэтому всем сейчас трудно помочь. И православие, невероятно ослабевшее буквально во всех важнейших сферах своей жизни — миссии, духовном образовании, богословии, богослужении, церковном устройстве и управлении, вытесняется все дальше на периферию христианской и общественной жизни.

2. Было бы весьма желательно и важно созвать по этому поводу Всеправославный собор или какое-то совещание, потому что вопрос касается всех Православных церквей, а не только Константинополя или Москвы. Это был бы очень непростой собор, но он мог бы стать реальным проявлением соборности и возможностью избежать раскола, который теперь фактически происходит. Но созыв такого собора в данной ситуации маловероятен. По правилам, его должен собрать Константинопольский патриарх, а с его стороны такого желания нет.

Но даже если и соберется Всеправославный собор, там, скорее всего, не решатся никакие вопросы. Чтобы их решить, надо не только собраться, надо иметь соборность в церкви и глубокое единство православного народа. Если все это и существует, то очень локально и непродолжительно.

Православные церкви — небольшие и слабые, они плохо организованы внутренне и мало связаны друг с другом. Многие из них, особенно Русская церковь, совсем недавно пережили страшные годы. Их возрождение еще впереди, если оно вообще случится.

Нужно видеть, в чем воля Божья сейчас, когда кончился константиновский период, то есть как теперь устраивать церковь. В доконстантиновский период, в апостольское время, во II веке христиане церковь ощущали братством и общиной, что совершенно не равнозначно современному приходу, епархии, монастырю. Надо вернуться к евангельским основам нашей жизни, к опыту созданных апостолами и первыми поколениями христиан общин и братств, от которых церковь ушла под влиянием тех самых политических причин из-за разных исторических перипетий и трудностей.

3. Нужны совершенно другие отношения церкви с обществом и с государством — абсолютно всем церквям, потому что везде это проблематично. Если Православная церковь хочет иметь будущее, ей нужно как можно быстрее избавляться от всякого политического упования. Соблазн опереться на власть имущих очень велик, но ради заботы о церкви делать этого нельзя. Сейчас всем церквям нужно освободиться от дорогостоящих обязательств перед государством, экономикой, политикой, национальными и тем более националистическими силами. На Украине одна ситуация — национальное уже зашкалило до шовинизма, и христиане не должны идти у этого на поводу. В Русской церкви национальный мотив как раз можно было бы и усилить — у нас выбито большевиками и не восстановлено до сих пор бережное отношение к судьбе русского народа, ее дарам и урокам. В результате Русская церковь в РФ просто не имеет народ в виду, не может о нем заботиться. Отсюда и небрежение к введению русского языка в богослужение, и угасание церковной молитвы. Надо скорее переходить на национальные языки, на все языки народов,

где есть церковь. В России – в первую очередь на русский. На каком языке человек говорит, мыслит, молится сам, на том он и должен молиться в храме.

Во-вторых, надо возыметь смелость дать в церкви свободу, в том числе свободу слова и мысли, и не карать за разногласия. Не нужно бояться, что появится много разных пониманий устройства церковной жизни и много непохожих, а может, в чем-то и разногласных форм. Формальное единообразие молитвенных чинов, епархий и приходов не мешает там пышно цвести ветхому законничеству, магии и язычеству. Надо дать возможность церкви развиваться, а не просто повторять буквально во всем практику XVIII–XIX веков: в молитве, устройстве прихода, этикете. Это часто приводит только к имитации духовной жизни и угасанию у людей веры, в том числе у священнослужителей.

Кроме того, для церкви важно усвоить опыт новомучеников, их умение отбирать только подлинное, самое важное, без чего жить со Христом и во Христе нельзя. Обращение к их опыту неизбежно заставит отказаться от всего, что способствует клерикальной экклезиологии, которую надо осудить как ересь. Также как ересь нужно осудить церковный фундаментализм и модернизм, то есть секуляризм. Под фундаментализмом я понимаю современное фарисейство, бездвижничество, попытку строить церковную жизнь, жестко опираясь только на какие-то устаревшие, якобы традиционные формы благочестия, догматизируя не имеющие никакого отношения к церковной жизни слишком частные и частичные толкования канонов, писаний и даже таинств и догматов. Под модернизмом понимается мной нынешнее саддукейство – отрицание церковной традиции, подлаживание ее под дух мира сего, неумение определить, оценить и унаследовать святость евангельского опыта жизни прежних поколений христиан. Хотя модернизмом иногда совершенно ошибочно называют всякое обновление церкви, включая обновление Духом Святым.

Фундаментализм и модернизм – два проявления секуляризма, и они, как вы понимаете, легко перетекают друг в друга и цветут как среди мирян, так и в клире и в иерархических кругах.

Представления об иерархии надо менять принципиально, потому что именно нынешние представления и привели

к клерикализму — эклизиологической ереси, которая фактически выдавливает из церкви мирян. Вместе с этим надо менять неевангельское представление о послушании и о смирении в церкви как рабской покорности, пассивности, отказе мыслить, рассуждать, проявлять личную ответственность и инициативу.

Миряне могут и должны сделать многое. Даже если ты не разбираешься в богословии, в канонике, в эклизиологии и прочих церковных учениях, но ты живешь внутри церкви, переживаешь за нее, у тебя что-то болит. Даже если ты не знаешь выхода и не понимаешь, почему так, а не иначе, и как надо, все равно надо об этом говорить. Надо без критиканства ставить и решать проблемы, а не делать вид, что коли это церковь, которая призвана быть мистическим Телом Христовым, значит все проблемы как бы уже и решены. Или что они не должны быть видимы внешнему обществу и миру. Однако ясно, что они все всем видны.

Нынешний кризис принес проблемы, но он чреват и вещами хорошими. Но хорошее само собой никогда не является. Если мы хотим хорошей жизни, исправления ошибок, грехов — нужно покаяние и совместные творческие, духовные, соборные усилия. Нужно создавать то, что Бог от нас хочет, на что мы поставлены. Хотите жить в духе любви и свободы во Христе? Хотите жить в духе братства, общения и служения? Действуйте, начиная с себя. Вот что главное.

Нужно понять, что у церкви задача номер один — восстановление человеческих душ. Во все времена и на всяком месте. Нужно заниматься людьми. Это важнее того, что сейчас происходит в Киеве, или в Константинополе, или в Москве.

Борис Херсонский (Одесса), поэт, публицист, клинический психолог и психиатр, кандидат медицинских наук.

Отвечаю на Ваши вопросы прямо сейчас, накануне 6 января, когда Предстоятель Православной Церкви Украины получит томос из рук Вселенского Патриарха. Велик соблазн назвать это днем рождения новой Православной церкви, но, честно говоря, это не более чем вручение свидетельства о рождении или орденской книжки ветерану — «награда нашла героя». Бумага есть бумага, кто бы ее ни подписал.

Итак:

1. Я отношусь к событиям 2018 года позитивно. Украина ничем не хуже Румынии или Польши и имеет, по сложившейся в православии традиции, право на свою Поместную церковь, принятую в мировом сообществе церквей-сестер. Верующие Киевского Патриархата вот уже двадцать пять лет посещают свои церкви и молятся в них и приобщаются Таин Христовых, не слишком заботясь тем, что находятся под «Московской анафемой». Под ней мы и будем находиться и после признания этой церкви Вселенским Патриархом. И, надеюсь, избавимся от остатков «комплекса неканоничности», церковного варианта комплекса неполноценности. К сожалению, нельзя не признать, что в развитии ситуации сыграла роль политическая составляющая, говоря прямо, катализатором перемен послужила избирательная кампания действующего Президента Украины. Но связь церкви и государства — не только наша, но и не столько наша проблема. Как человек, воцерковившийся в бывшем СССР, я прекрасно понимаю, о чем идет речь.

Последствия в основном определяются неконструктивной, жесткой позицией Московского Патриархата. Стремление осознавать себя единственной подлинно Православной Церковью несмотря ни на что определило и продолжает определять эту позицию. Прерывание канонического общения с ВП и угрожающее письмо святейшему Варфоломею — лишь звенья этой цепи. Еще много лет назад мне приходилось слышать от священников РПЦ, что Вселенская патриархия — сборище ересиархов; кажется, началось это после отмены анафем между Римской и Константинопольской церквями «как не бывших». Сейчас, я думаю, что часть Православных церквей поддержит Украинской церковь и, следовательно, также временно прервет канонические отношения с Москвой. Другая часть де факто признает Москву лидером мирового православия. То есть речь идет об очередном расколе.

2. Я не думаю, что патриарх Кирилл вместе со Священным Синодом РПЦ прервал отношения с Константинополем для того, чтобы восстановить их в скором времени. Думаю, что философия «Третьего Рима» и в дальнейшем будет опре-

делять церковную политику РПЦ (звучит оксюмороном, но иначе не скажешь). Мы входим в эпоху «биполярного» православия. Сколько продлится эта эпоха — трудно сказать. Но ее конец неразрывно связан с окончанием философии «Русского мира». Думаю, что реакция многих Православных церквей отрезвит изоляционистов. Точнее — надеюсь, но не думаю.

3. Для России главное осознать, что опора на ядерную державу еще не есть (и никогда не будет) знаком Божьей благодати. Я видел открытки «С днем стратегических ракетных войск» с иконкой св. Варвары, которую почему-то объявили небесной покровительницей самого смертоносного оружия в мире. Но самое трудное — понять, что в течение трех столетий Россия присваивала себе историю православия в Украине, считая, образно говоря, что св. Владимир крестил киевлян в Москве-реке. Для РПЦ святость Киевской церкви являлась неотъемлемой частью московской святости. И признать, что владелец этого духовного наследия не умер и имеет преимущественное право на эту часть истории, для многих в России совершенно невозможно. Для православного мира наступит время размышления и принятия взвешенных решений.

Виктор Александров (Будапешт), историк, доктор философии, издатель работ о. Николая Афанасьева, член редколлегии «Вестника».

1. На Украине появилась автокефальная церковь. Само по себе возникновение новых автокефальных церквей мне кажется неизбежным и нужным, поскольку существующая сейчас система «пятнадцати с половиной» автокефальных церквей (автокефалия Православной церкви в Америке признается лишь несколькими автокефальными церквями) давно не отражает нынешнюю географию и реалии мирового православия. И Украина — в числе главных кандидатов на появление там новой автокефальной церкви. Однако способ возникновения новой автокефальной церкви был неадекватен задаче.

Во-первых, это возникновение произошло при активном вмешательстве государства, но не в роли арбитра и организатора диалога между существовавшими на тот момент тремя

православными юрисдикциями, а в роли активного сторонника «более национальной» из них. Во-вторых, оно произошло при таком участии Константинопольского патриарха, которое нельзя назвать ни посредническим, ни миротворческим (ср. Мф 5: 9), ни даже выражением доброй воли. В ходе полемики по поводу церковных событий 2018 года сторонники и защитники Константинополя вспоминали о его «канонических правах» на Киевскую митрополию как она существовала в конце XVII века (причем с начала XVIII столетия до конца 1910 – начала 1920-х эти права им не предъявлялись, так как каноническая сторона дела считалась урегулированной). Хотя апелляция к неким стародавним правам в православии дело обычное, сторонники этой позиции должны объяснить почему в каноническом праве, если оно право по аналогии с правом светским, для подобных случаев «владения епархиями» не существует срока давности, то есть почему каноническое право выведено из-под власти времени. Ведь это может привести и, как мы видим, приводит к самым абсурдным «территориальным» претензиям.

De facto на Украине произошло слияние двух непризнанных другими Поместными Православными церквями юрисдикций, провозглашение новообразованной церкви автокефальной и признание ее таковой со стороны Константинопольской патриархии. Или, говоря еще более упрощенно, произошло признание бывшей Украинской Православной церкви Киевского Патриархата в качестве автокефальной. Чаши весов в церковном конфликте на Украине при этом оказались поколебленными. Будущее новой автокефальной церкви остается открытым.

С моей точки зрения, сосуществование и мирная конкуренция двух основных Православных церквей (т.е. ситуация, существовавшая на Украине до «объединительного собора» 2018 года и несколько нарушенная, но пока еще не разрушенная возникновением новой автокефальной церкви) более соответствовала и соответствует реальным интересам подавляющего большинства церковного народа – мирян и приходского клира, ибо она ослабляет «вертикаль власти» (читай: никому не подотчетную власть епископата) и дает, в критическом случае, возможность перехода из одной юрисдикции в другую. Ибо епископат в обеих церквях примерно одной –

советской и раннепостсоветской — закваски. Единство же должно быть единством в таинствах, к которому, то есть к «легализации» непризнанных юрисдикций, по-видимому, и нужно стремиться. А единство административное, которое по понятным, но вряд ли церковным причинам обладает притягательностью для значительной части православных верующих на Украине (быть может, для их большинства), грозит, скорее, возникновением на Украине уменьшенной копии РПЦ, где в административном единстве недостатка нет, зато в дефиците свобода и уважение к личности.

Конфликт вокруг украинской автокефалии показал, что ни в одной из трех прежде существовавших там Православных церквей (ныне двух) не существовало и не существует такого порядка, в котором мог бы быть выслушан голос рядовых прихожан (реальных, а не номинальных прихожан, а не захожан!) и приходского клира. Поэтому борьба за автокефалию и против нее в очередной раз стала возней епископата, подстегнутой и осложненной церковным и нецерковным вмешательством извне, а также политическими и национальными соображениями.

В целом церковный кризис на Украине полезен для мирового православия, ибо заставляет его задуматься над господствующими в нем эkkлeзиологическими шаблонами.

2. Обе стороны конфликта — Москва и Константинополь — оказались в нем по-разному не на высоте.

Зависимость Московской патриархии от российской государственной власти (о соотношении добровольности и недобровольности в этой зависимости можно спорить) делает для нее вопрос о реальном благе ее нынешней украинской паствы второстепенным и препятствует взвешенному обсуждению вопроса об автокефалии Украинской Православной церкви Московского Патриархата (УПЦ МП).

В узких, условно говоря, «либеральных» кругах Московской патриархии, в кругах, где прекрасно знают, что за нравы господствуют в патриархии, и болеют за скорейшее смягчение (чтобы не сказать искоренение) этих нравов, возникла некоторая мало обоснованная реальностью надежда на Константинополь в украинском церковном кризисе и симпатия к этому престолу. Увы, при ближайшем рассмотрении шаги

Константинополя в украинском кризисе, а также разворачивающаяся параллельно драма в его Русском экзархате (Архиепископии Русских Православных церквей в Западной Европе) дают мало поводов для оптимизма в отношении Второго Рима. Его решения непродуманны, кулуарны, непрозрачны и служат собственным эгоистическим интересам, а не интересам вселенского православия.

Обе патриархии представляют собой авторитарные структуры. Авторитарные лидеры непредсказуемы: они быстро ссорятся, но и быстро мирятся. Конфликт Константинополя с Москвой может продлиться долго, а может и быстро закончиться. При нынешнем положении дел и нынешних главных действующих лицах в Москве, Стамбуле и Киеве он продолжится по меньшей мере еще несколько лет. Некоторую слабую надежду я возлагаю на голос третьих лидеров, каким в событиях вокруг Украины неожиданно выступил митрополит Анастасий Тиранский.

Однако придавать большого значения конфликту Москвы и Константинополя не стоит, ибо в плане духовном оба официальных Рима, Второй и Третий (я имею в виду их лидеров и руководящую бюрократию), уже давно не являются значимыми величинами и преуспевают в основном на попроще внутренних и внешних интриг.

3. В свете церковных событий на Украине перед всеми участниками конфликта стоит задача освобождения от нецерковных и нехристианских идеологий, которыми они захвачены или затронуты, — будь то насквозь фальшивая, казенная российская идеология «русского мира» (ничего общего не имеющего с подлинным миром русской культуры и Церкви), или патриотическая идея помочь автокефалией молодому украинскому государству, или бряцание «каноническими правами», отчасти мнимыми, отчасти реальными, но дарованными во времена царя Гороха в стране, которой уже сотни лет как нет. Это должна быть своего рода внутренняя евангелизация, которую должны пройти все церковные чины, от патриарха до мирянина. Во-вторых, эти события, как и «упразднение» Константинопольской патриархией Архиепископии Православных Русских церквей в Западной Европе, напоминают нам, что организационный кризис ми-

рового православия (а он связан и с его духовным кризисом) ничуть не миновал и что «здоровое церковное переустройство» (как определил эту необходимость о. Александр Шеман) по-прежнему остается актуальным. Наконец, в-третьих, ни первое, ни второе невозможно без творческого, «высокого» богословия, которое в нынешнем православии почти зачехло. Вот и об украинском (и парижском) кризисе судят чаще с малых колоколен — национальных, политических, якобы «канонических», — но большая редкость услышать мнение богослова, радеющего не о своей «малой правде», а о Христовой Церкви.

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Протоиерей Владимир Зелинский

Разгадать миф

Начало апреля 1966 года. Перепутье весны и зимы. В передкином лесу полно снега, но солнце уже не прячется в сером небе, с деревьев капает, под ногами тает и течет. По всем телевизионным программам идет трансляция заседаний XXIII съезда КПСС. Мне 23 года. В журнале «Юность», случайно попавшемся, наталкиваюсь на стихи Инны Кажешевой: «Рапортую тебе двадцать третий двадцать третьим годом своим». Много лет спустя, уже после ее кончины, Тамара Жирмунская рассказывала мне, что поэтом она была на самом деле одаренным, с какой-то своей незадавшейся судьбой.

«Посмотри, — сказал мне отец, — как дружно подымутся и заплодируют партийные делегаты, когда Брежнев с одобрением произнесет имя Сталина». Брежнев, в то время почти еще свежий (ему не исполнилось 60-ти), выглядевший элегантней своего предшественника (что не преминули отметить западные корреспонденты), ожидаемого имени так и не произнес. Как не произнес и другого, опального — Хрущёва. Избрав политику нераскачивания лодки, он следовал ей до конца. Десять лет прошло со времени потрянувшего режим XX съезда, и предчувствие, скорее зудящая надежда, что всё вот-вот уляжется, встанет на место, что на широко плывущем советском судне будут наконец заделаны хрущёвские пробоины, эта надежда витала в весеннем воздухе 1966 года. Витает она и по сей день, 52 года спустя. Я бы сказал даже, звенит туго натянутыми струнами. Не только звенит, но по-

своему уже исполняется, правда, еще не совсем так, как зовут и ждут. Но, в отличие от тех времен, когда каждое официальное имя где-то закрыто обсуждалось, согласовывалось в комиссиях, получало визу на произнесение в разрешенном словесном пространстве, теперь слова даже в самых высоких инстанциях больше не взвешиваются на строгих весах ЦК. Они летают назойливо, как осы, тучами, как саранча. Знаковое имя «Сталин» пестрит повсюду, выползает из незапаклеванных щелей, проходит сквозь стены.

Появляется оно обычно в двух контекстах, или скорее в двух эмоциях. Оба контекста уже настолько притерлись один к другому, что научились если не мирно сосуществовать, то воспринимать друг друга просто как шум поезда или звук разбитого стакана за стеной у соседа. Из одного шума слышится, сколько крови он пролил, из другого — сколько бессмертных дел совершил. «Миллионы убитых задешево» (Мандельштам), и тут же — укрепление государства, могучесть СССР, великая победа. «Горячая вода из твоего крана — это Сталин. Метро, на котором ты каждый день едешь на работу, — это Сталин. Северный полюс — Сталин...» (из интернета). Это как бы две психологически непересекающиеся прямые, уходящие в былую страну (позвольте воздержаться от некрасивого слова «совок»). Все хотят разгадать его, этот режим, отомкнув его тем ключом-именем. «Ленин» ни для разгадки, ни для апологии, ни даже для суда больше не годится, Ленин — это какая-то далекая комбинация разрухи с идеями, но идеи по большей части забыты, разруху по 90-м помнят хорошо. Но сила и слава железного порядка долгие еще будет манить, магнетизировать, разделять, завораживать. Жертвами этого приворота иной раз становится и религиозное население, поминающее сонмы мучеников и в то же время вдруг рождающее из своих недр тяжелого бегемота, именуемого «православным сталинизмом». Бегемот выползает из болота и, обдав всех пахучими брызгами, не смущаясь, плюхается на берег, намереваясь устроиться здесь надолго.

Не перестаю следить, соучаствуя сердцем, за теми, кто упорно, с повседневным риском напоминает о тотальном бесчеловечии сталинской системы. Предъявляет документы, составляет мартирологи, разыскивает могилы, воскрешает сгинувшие имена. И вместе с тем ясно вижу, что одно лишь

памятование обо всех человеческих гекатомбах, принесенных «Сталину», человеко-орудию, как называл его Даниил Андреев, уже не достаточно, чтобы понять их суть. Да и восприятие наше притупилось, в статистике исчезает ощущение ужаса допроса и смертного пота за минуту до казни. И как-то не вмещаются они — все переломанные судьбы, доносы, лагеря, трупы — в одно лишь конкретное имя. Орудие — но чье? Идет ли речь о старом кошмаре или сегодняшнем новом культе, все сводится лишь к нему. Ему одному, с нашего неосознанного согласия, как бы мы его ни воспринимали, мы отдаем прерогативу «делать историю». О нем пишется одна биография за другой, то в обличение, то в оправдание, публикуются циркуляры о расстрелах с его подписями, а рядом — желтые романы с партийными интригами, прозорливыми планами, тайными любовницами. Так естественно, сама собой утверждается иллюзия, что все великие исторические события могут быть запросто выведены из свойств характера одной очень важной властвующей персоны, из его беспощадности или мудрой, такой отеческой строгости. Из необъятной роли некой «личности в истории».

Что же это была за личность? Преступная? Это еще как посмотреть. Кровопролитная? Что ж, даже самые упорные ее поклонники не сомневаются: без многих жертв, пусть даже и не вполне оправданных, случайных, было бы державе не выстоять. При этом, конечно, они всегда норовят забросать несчитанные ямы с трупами каким-нибудь наскоро собранным словесным хворостом. Ну, мало ли кто погиб, что там считать, может, в чем-то кто-то и был виноват. К тому же и у местных исполнителей высочайшей, провидческой воли часто бывало рвение не по разуму. Не обо всем же наверх докладывали. Зато личность, взвалившая на плечи Россию, была ей явно под стать: железноволевая, неустанно работающая, эффективная в управлении, хитрая в отношениях, харизматическая, артистическая, способная сфокусировать на себе обожание многих миллионов, умеющая одним взглядом оледенить человека и острой шуткой его разморозить. Допустим, способность любить, прощать, хранить верность дружбе не входила в число ее добродетелей, даже и в родственниках ее состоять было смертельно опасно. Однако и добро, по каким-то особым праздничным дням, могло постучаться в это

стальное сердце. И все же остается нерешенным вопрос: как одна личность, с теми или иными свойствами, становится полубогом для полпланеты? Ну не в силу же только властного характера, ума и коварства? Сколь бы безмерна ни была бы его власть, одним расчетом и честолюбием не определяется суть такой системы, как сталино-советская. Масштаб насилия явно несоизмерим с расчетливой каменностью одной человеческой души. Ясно же: что-то еще стояло за личностью как системой. Что же?

Ответ как бы очевиден: идеология. Но идеология сама по себе, какой бы злой ни была она в жизни, разве не обещала некий земной аналог «царства будущего века»? Но размах и некая ускользающая от понимания тотальность зла, связанные с этим обещанием, не требуют ли того, чтобы мы вышли за границы видимых простым глазом событий и вошли в область *духов поднебесных* (см. Еф 6: 12)? Уж коли мы, христиане, призваны к различению тех самых духов в самых дальних закоулках нашего существа, то как можем мы настолько ослепнуть, чтобы не видеть их на пространствах целой эпохи и громадных империй? Как не заметить, что в этой хищной, змеиной, хотя и под стать государству, крупной человеческой личности нашла свое выражение одержимость системы как таковой, уже выходящая за пределы только исторического? И мы, как котятка, будем носом тыкаться в этот парадный или кровавый портрет, спорить о трупах или достижениях сего изображения, не замечая другого плана реальности.

Прибегну в данном случае к любимому мною образу, который гениально вылепил Фазиль Искандер в «Пирах Вальтасара» (в романе «Сандро из Чегема»), может быть, даже не догадываясь о его пронзительной глубине. Сцена запомнилась по фильму: за столом вальяжный хозяин страны, приехавший провести законный (ну, как у всех совслужащих) отпуск в Абхазии. В приемной зале, полной гостей, свирепо охраняемой, всеобщий трепет, отличное вино, лучшая еда, кавказские пляски, станом поводящие танцовщицы, все пронизано разлитыми вокруг токами обожания и неясной угрозы... Но тут, посреди пира и плясок, память главного героя и лихого танцора Сандро выносит из своих где-то хранимых запасов иную сцену с участием того же персонажа. Тридцать лет назад именно он, сегодняшний, когда-то случайно с ним,

мальчиком, пересекшийся хозяин стола, расстрелял пароход с инкассаторами, а затем одного за другим убрал и всех своих подельников. Не более чем эпизод одной бандитской биографии. Но за эпизодом выступает на свет тот в т о р о й п л а н существования, рядом с которым план первый, который нам показывают: великий вождь, отдыхающий с товарищами по партии, — есть только видимость, кажимость, покрывало Майи. А под покрывалом — не одно лишь давнее, забытое убийство безвестным грабителем, но — первый выплеск той *злости* тех самых *духов*, которые через него нашли свой потайной ход и ворвались в русскую жизнь.

Тогда, с кавказской Нижнечегемской дороги, по которой грабитель гнал своих лошадей, история, не останавливаясь, побежала дальше, и *духов* ее было теперь не догнать. Злоба притаилась в анализах и пророчествах гениального Маркса и верного ему Энгельса, влилась в ленинскую партию, подняла Октябрьскую революцию, удерживалась террором, созывала пленумы, громила оппозиции, вела страну от победы к победе, плела идеологические узоры, застилающие глаза освобождением угнетенных, а вот сейчас решила передохнуть и предстала в облике отдыхающего, закусывающего, наблюдающего за гостями жестко-ласковым глазом вождя. Поднебесные духи не показываются на белый свет, под собственными именами на сцене не выступают. Они оборачиваются в теорию и практику, научную в учебниках, незамысловатую в массах, беспощадную в деле, в которой все граждане страны оказываются тождественны друг другу.

Идеология делает их одним телом, пародией Церкви. Отныне их общая на всех голова играет роль демиурга истории, строит могучую державу, в которой слитые воедино массы как бы воплощаются в первое лицо, становятся копиями его лица, его членами. *Они суть он* или, по крайней мере, должны таковыми казаться. И совершенно неважно, сколько индивидуального ума и сердца каждой частицы вождя-массы в это личное тождество с ним замешано. Душа отдельных человеческих частиц может свободно трепыхаться в общей клетке, забиться в какой-нибудь угол; идеология работает не с содержанием душ отдельных личностей, а с количествами государственных подданных, куда вписаны все охваченные ею (пусть лишь по месту проживания) особи. Массам предла-

гается облик запредельного кормчего, для страны изображаются перевыполнения планов, социалистические соревнования, стахановские движения, военные парады, распыляется веселящий газ «светлого будущего» и во свете этого будущего приносятся жертвы, уничтожаются соперники, сочиняются симфонии и стихи. Любые благие намерения могут служить покрывалом Майи, точнее сказать, маской. Не только персональной личиной Генерального секретаря, но и всей государственно-человеческой машины.

Каждый человек, будь он фараоном, стоявшим на верху пирамиды, мог по секрету с нее спуститься, спрятаться за предписанной ролью, покутить с товарищами, уложить кого-то в постель, согласия не спрашивая, это ничего не меняло в социальном поведении первого лица. Маска была вовсе не персональной, она была создана для партии, как и для всякого, кто имел прописку на ее территории, она принадлежала тому коллективному персонажу, который носил имя «советского человека». Все граждане страны, коим судьба предписала оказаться в советском времени, в идеологической стране, волей или неволей заключались в один собирательный тип. Они должны были носить его убеждения, с показательной пламенностью записываться в колхозы, голосовать за смертную казнь врагам народа, отдавать голос монолитному блоку коммунистов и беспартийных (т.е. за самих себя), вступать в пионеры, исповедовать первичность материи, верить в мудрое течение советских рек... Не Генеральный секретарь партии безраздельно управлял страной, а тот идеологический фантом, который в нем воплощался и действовал его руками и мозгом. Именно они, собравшие в единый кулак все население страны (а затем и десятка стран), всеобщие режимные Убеждения в качестве единой социальной роли, и опровергали первичность материи, являя собой невиданное торжество витавшего над землей духа. Какого же?

По плодам вы узнаете их, — говорит Христос.

Главным, осязаемым, хотя и бесплотным, плодом и было создание совокупного манекена советского народа с общими для всех верованиями, чувствами, единой душой, преданной партии, непримиримой к ее врагам. Это было исповедание-обещание-государство, которое могло существовать только в этой связке, в крепком, кровью и лозунгами спаянном,

триединстве. Причем это был один и тот же состав. Когда угасло обещание, которое 70 лет давалось, выветрилось исповедание, стал исподволь изнашиваться и казавшийся вечным металл. Государство выстраивалось в виде грандиозной панорамы, в которой избранный народ, выйдя из страны «проклятого прошлого», странствуя в пустыне, двигался в сторону обетованной земли. Вся наличная действительность в ее по крайней мере внешнем, официальном облике была настроена, сконструирована, зацементирована этим общим и обязательным видением. Оно служило производителем фактов, пустыни не должно было быть перед глазами, они все были повернуты за горизонт. Все существующее было включено, подогнано в тот образ реальности, который служил прикрытием для другого плана, скрытого злого подполья.

О подполье надлежало всегда помнить, но никогда не говорить. Сегодня вспоминают о «бессмертном бараке», забывая о бараке словесном, магическом, простиравшемся до небес, без которого тот лагерный барак на земле никогда бы не был построен. Над ГУЛАГом словно парило облако, выпущенное дыханием единых уст. Иллюзия и злоба были там неразлучными сестрами. Они сливались в головах еще до того, как воплощались в лагерях. В этом языковом, ментальном составе лежал исток всех последующих насилий. Органы чувств каждого члена народа должны были воспринимать не то, что вокруг или под ногами, но обращены на вождя-обещание. Такая власть достигается не речами по радио, не статьями, не отчетными докладами, но каждодневными человеческими заклятиями. Чем ближе яма, куда можно в любой момент провалиться, тем слепящей вера, пламеннее любовь. Такая любовь побеждает страх. «Он победил себя. Он вновь любит Большого Брата», как сказано в последней фразе неувядаемого «1984 года». Так оно и было и в жизни на воле, и в самой смерти за того Брата.

Сего Брата, который требует любви на допросе с крысами, нельзя путать с прямолинейным революционным террором. При терроре есть четкое различие победителей и врагов, завоевателей и побежденных, всех этих буржуев, царских чиновников, аристократов, попов, вообще *элементов*. При Сталине масштаб убийств был более тотален и размахист, чем в активной фазе революции, но стиль, ха-

рактиктер его был иным. Террор был всепроникающим и упорядоченным, даже имитирующим какую-то судебную логику и ею диктуемую неумолимую справедливость. Явных врагов на виду уже не было, все были свои, советские, преданные партийные и беспартийные, но они же могли быть (точнее, не могли не быть!) врагами, спрятавшимися за притворными идейными ролями и жестами. Не только лично Сталиным был устроен террор, но самой системой, которая, изобретая и уничтожая врагов, вводила их в свою «систему координат», в свои понятия идеологического возмездия. Отдадим себе отчет и задумаемся: ни один военачальник или партийный деятель не был уничтожен прямо, как открытый или возможный соперник вождя. Ни один директор завода, как бы ни любил он партию и персонально Сталина, не был арестован только потому, что придворный палач по приказу императора внес его в проскрипционные списки. Как и ни один священник не был тогда репрессирован открыто и по-своему честно, просто как христианин.

«Вы дадите следствию явно ложные показания, — повторял следователь арестованному, который истово, искренне пытался объяснить, что он ничего такого не делал, нигде не состоял, — следствие требует от вас дачи правдивых показаний о вашей контрреволюционной деятельности». И эта деятельность, как некая другая надреальность, изобреталась тут же, за следовательским столом. Точно так же ни один еврей не был расстрелян или назначен на депортацию только за ядовитое свое еврейство, но — непременно как агент никому не понятного, но плетущего злое сети «Джойнта». «Пролетарский кулак» должен был раздавить их как шпионов и диверсантов, как подпольщиков и заговорщиков, причем эти заговоры они же, после долгого битья и бессонницы, должны были выдумать сами. А, придумав, потом искренне в них признаться на публичном процессе, разоружившись перед партией и народом. Иногда и со всей максимальной гласностью, и даже, если сценарий того требовал, в присутствии свидетелей и сочувствующих правдоискателей из самых недоверчивых стран.

В этом суть: не столько прямого отречения от Христа требовали от гонимых, как в языческой древности, сколько указаний на подпольную сеть, на гнездо заговора, на всех

намеревающихся свергнуть... Не столько малопонятные, нелояльные к первичности материи порывы христианской души интересовали следователей, сколько указания на врагов, ловко спрятавшихся под маской голосующих за вождя и партию граждан, сколько признания в конкретных вредительствах, троцкистских, шпионских актах. «Где происходили сходки и явки, где хранилось оружие, как и кем лично ты оказался вовлечен во вредительскую или шпионскую группу?.. Хочешь, чтобы тебя не топтали, не били, честно назови имена. Расскажи все как есть...»

И авторы этих признаний, после многосуточных ночных допросов, с затуманившимся мозгом, иной раз сами начинали верить в это нагромождение кошмаров, в тот верхний, иллюзорный план, где были у них сообщники, которые хотели куда-то пробраться, что-то подорвать, кого-то отравить. Мы не поймем характера репрессий, если выбросим эту языковую и притворно правовую их хламиду как ничего не значащую тряпку. Это было вполне сознательное, хотя и построенное на насильственном самообмане, измышление фантомной действительности, в которой все население страны обязано было участвовать, стоя под свинцовым ливнем доносов, обожаний и покаяний. Голосуя, поддерживая, подписывая негодующие письма, делая на весь мир заявления. Так, глава Православной Церкви той поры (1930 год) в интервью (по всей вероятности, написанном в Политбюро) утверждал: «Репрессии, осуществляемые советским правительством в отношении верующих и священнослужителей, применяются к ним отнюдь не за их религиозные убеждения, а в общем порядке, как и к другим гражданам, за разные противоправительственные деяния». Никаких мучеников, одни уголовники. Попробуешь сказать «мученики», тотчас и сам окажешься уголовником, сурово наказанным «за противоправительственные деяния».

Здесь для большей наглядности позволю привести отрывок из воспоминаний моего отца, о чем он мне не раз рассказывал. Это один из эпизодов из жизни Фадеева в тридцатых годах.

«Когда я стал секретарем Союза, — говорил Фадеев, — я был настроен возвышенно и романтично. Мне хотелось всех поднять, подбодрить. Помнишь, я на Шевченковском дис-

путь в Киеве сказал несколько слов в защиту Мейерхольда, что-де его критиковали за формализм, но и у него есть положительное, и что-то в этом роде. Приезжаю в Москву, и меня вызывают в ЦК, в Кремль.

В Кремле меня проводят прямо к Сталину. Сталин был занят, сказал мне:

“Вы пока посидите и почитайте тут некоторые бумаги”.

Это были папки, содержавшие протоколы допроса Миши Кольцова и Белова, бывшего командующего Московским военным округом. Что могло быть общего у Кольцова и у Белова? Ты понимаешь? Кольцов — журналист, писатель и Белов — военный, человек совсем другой среды. И, однако, в показаниях их было сказано, что они были связаны, работали вместе. Кольцов говорил там, в своих показаниях, что он потерял веру в возможность победы у нас социализма (его Радек еще в этом уговаривал), и он предался германской разведке. Я понимаю теперь, что он мог быть принят даже самим Гитлером. Но, как человек умный, он усомнился в возможности победы фашизма и для перестраховки связался и с французской разведкой тоже. Решил, что быть шпионом в демократической стране лучше: всегда туда можно будет скрыться.

Так вот, и Кольцов, и Белов в своих показаниях много писали о Мейерхольде как резиденте иностранной разведки тоже, как участнике их шпионской группы.

Потом приходит Сталин и говорит мне:

“Ну как, прочли?”

“Лучше бы я, товарищ Сталин, этого не читал, лучше бы мне всего этого не знать”.

Так мне все это грязно показалось.

— Нам бы этого тоже хотелось бы не знать и не читать, — сказал мне Сталин, — но что же делать, приходится. Теперь вы, надеюсь, понимаете, кого вы поддерживали своим выступлением. А вот Мейерхольда, с вашего позволения, мы намерены арестовать.

Каково мне было все это слушать? Но каково мне было потом встречаться с Мейерхольдом! Его арестовали только через пять месяцев после этого случая...»¹

Здесь вся нехитрая техника взаимодействия двух уровней; уголовный, нижний: заказать дело, устраняя, условно говоря, бывших своих подельников (писателя и военного,

товарищу Сталину преданнейших лично), непрерывными пытками получить признание в шпионаже с привлечением новых имен (не признаются они в шпионстве — потом вскоре признается следователь, не справившийся с делом), а затем с нижнего этажа запросто перейти на верхний, открытый для обозрения; да, все это предательство, сотрудничество с иностранными разведками, так оно, конечно, и происходило на самом деле. Это и есть действительность «самого дела», *первого плана*, которой приказано быть напоказ, занять место другой, подземной. И заставить верить в эту приказанную действительность не только страну, но и — что важно — самого себя. Никто не убедит меня в обратном: та фантастическая пьеса, которую автор ее заказывал, и есть действительность, обязательная для употребления и уверования каждым, начиная с самого заказчика ее. Оба уровня реальной и разыгрываемой реальности включаются в «я» вождя как в тюремную камеру, из которой невозможно вырваться. Но в ее пространство входит не только одно личное его «я», но и весь собранный в нем «советский народ».

Но присмотримся к местоимению: «А вот Мейерхольда, с вашего позволения, мы намерены арестовать». Кто же эти «мы»? Я и Политбюро? Я, партия, госбезопасность? Я и бдительный «советский человек», обитающий повсюду?

Текстуально, сценарно замысел принадлежит лично Сталину, таков был его характернейший почерк. Но сам сюжет сценария исходили из собранного в Сталине «мы», наделившего его властью над тем, что было в его руках, в его мыслях. Другой на его месте действовал бы, конечно, иначе, без этого восточного стиля, который в тиши замышляет, улыбочиво дружит, провожает до двери, а за дверью сбрасывает тебя в подземелье. Однако и всякое иное идеологически первенствующее лицо, кем бы его ни представить, действовало бы в связке с этим коллективным фантомным «мы», откуда оно черпало бы свою власть, харизму и силу. «Мы» — это словесно-идеологическая иллюзия-власть, которая объединяет Сталина с Фадеевым (а до ареста объединяла с Кольцовым и Беловым), а палач — только ее маг-исполнитель.

Правда, люди благочестивые не устанут напоминать: всякая власть, мол, от Бога. И если вся власть была у Сталина, значит, в России и Бог был с ним. Но властью от Бога могла

быть просто грубая прямая власть, пусть даже в руках Тиберия и Нерона. Но она тотчас становилась властью против Бога, когда богом объявлял себя император. У нас же, если быть точным, вовсе не Сталин был богом, так только казалось, но совокупный образ единого идеологического призрака, этого безграничного, справедливого, грозного «мы», от имени которых он был всевластным начальником. Это была в полном смысле идольская власть, пожиравшая людей, власть, стоявшая над бездной тотальной лжи и серийных, массовых убийств. В точном соответствии словам Христа: *Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит ложь, то говорит свое; ибо он лжец и отец лжи* (Ин 8: 44). Христиане, которые такую власть одобряют и даже требуют относиться к ней «объективно», должны когда-нибудь признать, что отдают честь *отцу лжи* под маской имперской мощи, страха, гордыни, мифа.

Особый параграф для сталинославленных, изнемогающих от тоски о той былой, якобы царившей тогда суровой нравственности: среди деяний идола было, и не могло не быть, прямое нарушение всех Божьих заповедей, причем не просто на личном, греховном, но на системном, державном уровне. От первой — *да не будет у тебя иных богов перед лицом Моим* — до последней — *не пожелай добра ближнего своего*. Поколение палачей не пришло на свет в роли врожденных убийц, оно ими стало в силу карающей функции ведущих их злобных поднебесных идеалов. Даже при всех моральных советских строгостях как было не попирались заповеди *не прелюбодействуй* там, где стояла и давила незыблемая, безграничная власть, будь то власть министра госбезопасности, лагерного персонала или воровского авторитета? Или заповедь *не произноси ложного свидетельства* в системе, где донос был не только почетной обязанностью, но и гражданской доблестью, непослушание которой часто несло смерть? Или заповедь о почитании родителей, когда родители — крестьяне, прятавшие хлеб, чтобы выжить, или учителя, шептавшие между собой что-то подозрительное, невзначай долетевшее до детских ушей? Или, наконец, почитание субботы — освященного времени, приносимому Богу? Все венчающие заповеди в мире с таким порядком, попробуйте найти хоть одну из них, нарушение которой не было бы встроено в государственную, повседневную

реальность идеологического режима. И эта злоба, копившаяся на всех уровнях быта и бытия (армии, лагеря, толпы, очереди, коммуналки...), и рядом — всегда слова о братстве-товариществе на устах.

Возлюби ближнего своего как самого себя... Приложим это к коллективному «возлюбившему ближнему» советскому человеку.

Не ради осуждения конкретных людей, бывших поголовно жертвами, всё это говорится, но ради попытки понять. Легко представить, как трудно было не влиться в общую волну обожания-негодования, неодолимую, как цунами. Пастернак в самые смертные годы отказался подписать единодушно-писательское требование казни врагам народа и был готов сам разделить их участь. На слезы жены, умолявшей подумать о сыне, ответил, что не был бы Пастернаком, если бы подписал, а сыну не нужен такой отец. Но помню, как наши митрополиты — уже в смягченные времена, в феврале 1974-го, — подписали свое возмущенное одобрение высылке *литературного власовца* Солженицына и остались безмятежно митрополитами, и верная паства их, бесчисленные дочери и сыновья, для которых через них простиралась связь с Богом, ничуть не усомнились в их благодатности. Заставь их подписать кощунственное обязательство служить по новому календарю или перейти с сакрального языка на мирской — некоторые, может быть, и не подписали бы, подставив головы. Потому что там, в языке и календаре, содержалась та самая святая вера, за которую и на мученичество можно идти достойно, а в этих верноподданнических бумажках — только послушание власти; от Бога там она или нет, к святыне, во всяком случае, отношения не имеет. Кесарь, выдававший себя за бога, миф, его создавший, наконец, совесть перед людьми и собой — всё это проживало как бы на другой планете, с Богом не соприкасавшейся.

При этом миф светлый не мог и сегодня не может обойтись без темного, без отталкивающей маски скрытого врага, которого надо было искать, разоблачать, выводить на чистую воду. Культ личности, как верхний этаж «любви», всегда открывал клапан для человекоубийства. Сталин мог стать Сталиным и по сей день таковым остается, потому что рядом с ним, под ним, действовал персональный или коллективный «Антисталин» (троцкист, кулак, шпион, вредитель,

враг народа, отравитель в белом халате). В «Антисталина» была загнана та осужденная действительность, приговор над которой должен был привести в исполнение верхний миф. Жизнь всевластного фантома всегда поддерживалась человеческой кровью. Или хотя бы постоянно нависавшей угрозой ее пролития. Даже лишь одной муки и унижения, следующих за арестом. Но как только миф перестает мучить и людоедствовать, а ведь и от людоедства можно через два поколения устать, загнанный в подполье ужас от него начинает рассеиваться.

Внешне как будто ничего не меняется. «Советский человек» даже может выглядеть крепче, оптимистичней, уверенней в себе. Он должен перестроиться, войти в новую жизнь, стряхнуть набрякшие кровью одежды, не ведая, что именно теперь к нему почти с биологической неизбежностью подкрадывается старение. Фантом не выносит вегетарианской пищи. Процесс идет не быстро, но неотвратно. От какой именно болезни не умер бы режим («предательство» Хрущёва-Горбачёва-Ельцина, заговор ЦРУ, хитрый план КГБ, опущенные Западом цены на нефть...), он так или иначе должен был сойти на нет. Тело его еще продолжает жить, но напор иссыкает, душа иссыхает сама собой. Без нижнего, ГУЛАГовского этажа перестает работать и верхний, утопический. Когда нет видимых врагов и препятствий, останавливается и движение к цели.

Страна-миф с утратой или отменой объекта ненависти просто не могла не развалиться. Но она сохранила в себе способность восстанавливаться, когда к ней возвращается излюбленный ею супостат. Сегодня это, как всегда, Запад, потом Украина, национал-предатели, все те «они», которые нас и тогда ненавидели, да и сейчас по неискоренимой природе своей желают нам только зла... Те самые «они», которые заставляли страну-ГУЛАГ, сегодня помогают бесконечно переизбирать президента, закрывать глаза на то, что стоит перед глазами (разрушенная медицина, отравленная природа, урезанное образование, никому не нужные войны, видимость парламента и т.п.), подставив пред народные очи спортивные победы и отобранные кусочки былой империи.

Больше шести десятилетий прошло в ожидании Сталина. Страна и мир стали иными, но неостывшие «матрицы»

смутной, властной потребности в нем все еще сохранились. Никуда не делись интенции любви-ненависти, энергоносители иррационального мифа, хотя уже без ясного идейного текста, который теперь даже не очень и востребован. Энергоносители выбрасывают в атмосферу тот радиоактивный пепел, из которого складывается лелеемый призрак. Конечно, персонально, во плоти, в Кунцеве или в Кремле, ожившим, он никому не нужен, ибо, как все помнят, ни одному заядлому сталинисту гарантии умереть в своей постели Сталин никогда не давал. Но он производил дымовое изваяние мощи, славы, единства, в котором каждый мог почувствовать себя ликующей полноправной частицей одушевленного целого. И та частица могла если не сказать, то ощутить, как герой Достоевского: «Если Бога нет, какой же я штабс-капитан?» Если нет грозного хозяина надо мной, приобщающего меня своей мощи, в ком обрету я свою сильную идентичность?

Тонус вождизма выполняет теперь свою миссию и без конкретного Сталина. Ностальгия, скорее притворная, о нем давно стала частью российского пейзажа и образующих ее деталей. Она работает на стабильность, на «иностранный агента», притаившегося по соседству, на ореол власти, на детскую радость о новых ракетах, на патерналистское государство и, конечно, на некое собранное вновь и против всех сплоченное военно-государственное единство. Она не имеет четких формул, идеология работает прежде всего с чувствами, с инстинктами, порывами, которые еще прежним режимом были заложены. Они туго накачивают патриотизм, заменяющий былой зов грядущего, выплескиваются в слепую ярость на тех, кто в их чаемое единство не вписывается. На таких порывах всходит и романтический монархизм, ибо ныне и он подключен к делу, допускается даже умеренный антикоммунизм, в качестве спутника мафиозного, хотя и обьеженного капитализма. Религия вливается в государство и пропитывает собою его структуры, элиты надежно защищены от любых майданов, известно кем проплачиваемых и засылаемых «оттуда». Все это вписано в эмоциональный фон ожидания той всенародно-тоталитарной общности, уходящей за горизонт, на которой замешан раствор крепкой державной постройки. Сего страстного чаяния не отнять никакими убедительными доводами. И даже восьмизначными цифрами жертв (если

считать не только убитые тела, но и исковерканные души). Но все же можно, нужно, необходимо продолжать будить, пусть и с угасающей надеждой, способность к различению духов, хотя бы у немногих. Говоря о погибших, напоминать о пропасти между пародией и той реальностью, которую пародия заслоняет.

Для меня же это еще и память об апостольском призвании к свободе, не только где-то в невидимой внутренней клетке, но и на земле, на просторе, среди людей. К свободе от «прелести идольския»² той идеологически зацементированной империи, которая держится соблазном единства вожака, мифа и замороженной, замороченной ими толпы.

И вовсе не в вожаке суть, а в той самой ядовитой субстанции, которая, проникая в людей, переплавляет их в одно целое с тотальной властью.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Зелинский Корнелий*. На литературной дороге. В июне 1954. М., 2014. С. 374–375.

Из письма арестованного В. Мейерхольда председателю правительства СССР В.М. Молотову: «...Когда следователи в отношении меня, подследственного, пустили в ход физические методы (меня здесь били – больного 65-летнего старика: клали на пол лицом вниз, резиновым жгутом били по пяткам и по спине; когда сидел на стуле, той же резиной били по ногам сверху, с большой силой... В следующие дни, когда эти места ног были залиты обильным внутренним кровоизлиянием, то по этим красно-синим-желтым кровоподтекам снова били этим жгутом, и боль была такая, что, казалось, на больные, чувствительные места ног лили крутой кипяток, я кричал и плакал от боли. Меня били по спине этой резиной, руками меня били по лицу размахами с высоты) и к ним присоединили еще так называемую «психическую атаку», то и другое вызвало во мне такой чудовищный страх, что натура моя обнажилась до самых корней своих... “Смерть (о, конечно!), смерть легче этого!” – говорит себе подследственный. Сказал себе это и я. И я пустил в ход самооговоры в надежде, что они-то и приведут меня на эшафот...» (опубликовано: Советская культура. 1989. 16 февр. Цит. по изданию: История России. 1917–1940: Хрестоматия. Челябинск, 1994. С. 325–327).

² Из Литургии св. Василия Великого.

ЛИТЕРАТУРА

*К столетию со дня рождения
А.И. Солженицына*

ОЛИВЬЕ КЛЕМАН

**Насилие и его границы:
Солженицын и Камю**
*(отрывок из книги
«Мировоззрение Солженицына»)*

Но бывают ситуации, когда требование «строить потихоньку»¹ ни в коей мере не исключает негодования и бунта. Кондрашён-Иванов, художник, созерцающий «замок» души, также восхваляет великих бунтарей русской истории: Петра Великого, декабристов, народовольцев. Нержин добавляет сюда еще и имя Желябова, этого революционера-христианина, и даже имя Ленина.

В творчестве Солженицына немало таких бунтарей, которые идут на риск, чтобы бросить в лицо власть имущим слова истины, способные вынуть «из груди» застрявшую там «стрелу калёную» негодования². Таков Воротынцев в Ставке, высшем военном штабе, пронизанном интригами и бессилием: «Уже

всё потеряв, ничего не боясь, свободный ото всех запретов», чувствуя за собой умерших и страдающих, пытаюсь говорить за них, он призывает верховную власть взять на себя ответственность за происходящее: «И все мы, офицеры этой армии, отвечаем за русскую историю»³. Таков Нержин, который на шарашке борется за то, чтобы, пядь за пядью, добиться того рациона питания, который полагается им по закону, или вытребовать для людей, отправляющихся на этап, обед, которого их пытаются лишить: «...в этом последнем мясном обеде было их человеческое достоинство»⁴. Таков Грачиков, секретарь горкома в провинциальном городе, где студенты построили себе новое здание техникума, которое у них теперь пытаются отобрать: Грачиков спорит с вышестоящим начальником-сталинистом, секретарем обкома, грозит ему уйти в отставку на обычную, черновую работу и после жарких дебатов добивается компромисса (рассказ «Для пользы дела»). Наконец, и в первую очередь, это сам Солженицын, своими бунтарскими произведениями бодающийся «с дубом».

Творчество в некоторых случаях может привести и к революции, но она всегда будет лишь одним из последствий, лишь одним из аспектов — неудачным, возможно, — более глубинной эволюции. (В конце концов, Англия в XVIII и XIX веках выработала, без крупных исторических сотрясений, демократические институты прогрессивнее тех, что Франция получила ценой трех революций...) Чем больше революция думает о себе как о легендарной Революции, тем вернее она оборачивается «длительным и безумным разрушением»⁵, тем скорее ведет к падению энергий, ею же пробужденных к жизни, так что в итоге она упраздняет рабство лишь для того, чтобы снова поработить, просто иначе, чем прежде: «В одном и том же народе за каких-нибудь десять лет спадает вся общественная энергия, и импульсы доблести, сменивши знак, становятся импульсами трусости»⁶. Нужно дождаться публикации следующих «узлов», чтобы лучше понять мысль Солженицына о русской революции. Конечно, он попробует заняться «различением духов» в истории своей страны, постарается провести черту между правдой и справедливостью с одной стороны — и насилием и ложью с другой. Сейчас, когда на дворе конец века, мы все, и русские в первую очередь, призваны сделать этот окончательный духовный выбор в нашей истории, которая, словами

Пастернака, оказалась «детищем века», принятым «в родильном доме, называемом Россией»⁷.

На основе уже написанного можно сделать вывод, что отношение Солженицына к революционному насилию очень похоже на отношение к нему же Альбера Камю: так, в своей Нобелевской лекции Солженицын напрямую цитирует слова Камю о связи искусства и политики.

Как и Камю в его «полуденной мысли», Солженицын утверждает одновременно и неустранимый характер зла, и необходимость бороться со всеми его последствиями и проявлениями. «Не нами неправда стала, не нами и кончится»⁸, — но зато: «Не искал бы в селе, а искал бы в себе»⁹. И Камю: «Человек... должен улучшить в мироздании все, что может быть улучшено. Но и после этого... будут умирать невинные дети» («Бунтующий человек»)¹⁰. Даже самая лучшая политика никогда не сможет свести на нет бунт Ивана Карамазова. Считать, что зло можно уничтожить, — значит предаваться иллюзорным мечтам об общем благе, которое можно навязать людям тоталитарными средствами. Но, отказавшись от борьбы, мы станем сообщниками несправедливости.

В своей политической борьбе человеку, желающему сохранить как собственную человечность, так и человечность противника, придется, говорит Камю, «уважать границы», те самые границы, которые, как мы помним, по мнению Солженицына, нельзя перейти, не став при этом каннибалом. Если нужно, он будет сражаться за независимость своей страны или за немифологизированную революцию, но «при определенных условиях»: насилие «является перерывом непрерывности. И если уж этот временный разрыв неизбежен для бунтаря, он всегда должен помнить о проистекающей из него личной ответственности, о непосредственном риске» («Бунтующий человек»)¹¹. Камю вводит тот же самый этический критерий, что и Солженицын в «Августе Четырнадцатого»: критерий чести и бесчестия. В своих «Письмах к немецкому другу», написанных во время оккупации, Камю, участвовавший в Сопротивлении, признает, что и сам использует насилие против насилия. Но между этими двумя разновидностями насилия, между насилием членов Сопротивления и насилием общества концлагерей и газовых камер, он видит огромную разницу, и это разница между честью и бесчестием.

Итак, и Камю, и Солженицын, оба отказываются от того, что ради успеха можно хоть на мгновение заставить замолчать голос совести. «Это — куций расчёт, что можно жить, постоянно опираясь только на силу, постоянно пренебрегая возражениями совести», — пишет Солженицын по поводу принудительного лечения диссидентов в психиатрических клиниках («Вот как мы живем»)¹². Он вполне мог бы подписаться под этим решительным определением Альбера Камю: «Есть два вида действительности: действительность тайфуна и действительность древесного сока»¹³.

Но, в отличие от Камю, Солженицын, для которого в основе вещей лежит не абсурд, а Любовь, утверждает, что царский путь — это путь личной жертвы, в пределе своем, путь мученичества. Он примыкает здесь к Ганди, этому толстовцу, хотя и не станет систематически применять все его рецепты, помня лишь о том, что алхимия небытия, в которой тщетны совершающиеся исторические перемены, может становиться евхаристическим преображением каждый раз, когда человек, люди переносят насилие внутрь себя, чтобы распять его в горниле своего «сердца», чтобы силой творчества преобразить это сердце в место любви. Ганди считал, что духовная энергия, рождающаяся в молчании и посте, одна может, благодаря своей способности восстанавливать, внести равновесие и победить распад атомизации. В своей Нобелевской лекции Солженицын говорит о том же, но уже как христианин: ту же «антиэнтропийную» ценность он придает «слову правды» (и если он в чем-то и упрекает церковные власти, окормляющие Русскую церковь, так именно в том, что те, будучи представителями Слова Истины, не осмеливаются дать Ему плодносить в словах истины). Он цитирует русскую пословицу: «Одно слово правды мир перетянет» — и комментирует: «Вот на таком мнимо фантастическом нарушении закона сохранения масс и энергий основана и моя собственная деятельность...» (Нобелевская лекция)¹⁴. Но слово может стать *правдой*, лишь впитав в себя тяжелое молчание готовности отдать свою жизнь и принять смерть: можно лишь «через личные жертвы зримо перевоспитывать окружающий мир» («Ответ о. Сергию Желудкову»)¹⁵. Смерть свидетеля, когда все вроде бы потеряно, становится тайным знаком воскресения: про светом трансценденции, мешающим истории закончиться,

а человечеству обоготворить себя, она становится выходом к несказанному, а тем самым и к будущему. Последним словом о служении истине-правде будет признание жертвы: «Никому не перегородить путей правды, и за движение ее я готов принять и смерть» (Письмо IV Всесоюзному съезду Союза советских писателей)¹⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Солженицын А.И.* Свет, который в тебе (Свеча на ветру) // *Солженицын А.И.* Пьесы и киносценарии. Париж: YMCA-Press, 1981. С. 406.
- ² *Солженицын А.И.* Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках: Узел I: Август Четырнадцатого. Книга 2 // *Солженицын А.И.* Собрание сочинений в 30 т. Т. 8. М.: Время, 2006. С. 480.
- ³ Там же.
- ⁴ *Солженицын А.И.* В круге первом. М.: Дрофа, 2003. С. 746.
- ⁵ *Солженицын А.И.* Красное Колесо. С. 447.
- ⁶ *Солженицын А.И.* Раковый корпус. М.: АСТ, 2003. С. 415.
- ⁷ *Пастернак Б.Л.* Другьям на Востоке и Западе. Новогоднее пожелание // Литературная Россия. 1965. № 1. С. 9.
- ⁸ *Солженицын А.И.* Красное Колесо. С. 481.
- ⁹ Там же. С. 422.
- ¹⁰ *Камо А.* Бунтующий человек. Философия, политика, искусство. М.: Политиздат, 1990. С. 354.
- ¹¹ Там же. С. 345–346.
- ¹² *Солженицын А.И.* Вот как мы живем // *Солженицын А.И.* Публицистика: В 3 т. Т. 2. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1996. С. 40.
- ¹³ *Камо А.* Бунтующий человек. С. 346.
- ¹⁴ *Солженицын А.И.* Нобелевская лекция // *Солженицын А.И.* Публицистика: В 3 т. Т. 1. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1995. С. 25.
- ¹⁵ *Солженицын А.И.* Ответ о. Сергию Желудкову // *Солженицын А.И.* Публицистика: В 3 т. Т. 2. С. 45.
- ¹⁶ *Солженицын А.И.* Письмо IV Всесоюзному съезду Союза советских писателей // *Солженицын А.И.* Публицистика: В 3 т. Т. 2. С. 33.

Перевод с французского Натальи Ликвинцевой

ПАВЕЛ КИШИЛОВ

«Крохотки» Солженицына:
ВЗГЛЯД ХУДОЖНИКА

Солженицын Александр. Крохотки. Etudes et Miniatures. Paris: YMCA-Press, 2018. Двухязычное издание / Пер. на фр. Люсиль Нива и Н.А. Струве (пересмотрено для нового издания Жоржем Нива и Даниилом Струве).

Мы предлагаем вниманию читателей отклик на эту книгу парижского художника Павла Кишилова. Сын священника Николая Кишилова, реставратора икон Московского Кремля, вынужденного эмигрировать во Францию вследствие преследования советскими властями, и Анны Кишиловой, известной переводчицы на французский А.И. Солженицына, А.А. Тарковского, Б.К. Зайцева, Павел Кишилов родился в России, получил художественное образование во Франции, где ныне продолжает свое творчество, представленное на выставках в Париже, Афинах, Москве. Мы публикуем ниже несколько эскизов Павла Кишилова, родившихся в ходе чтения «Крохоток».

От редакции

Крохотки, какое странное название. Что такое крохотка? маленькая песчинка, что-то совсем незначительное, незаметное, как щепочка или зернышко. Я не воспринимаю «Крохотки» Солженицына лишь как миниатюры, искусство малой формы. Они, скорее, напоминают мне о зерне в Евангелии, которое падает на камень, в сорняки или на плодотворную землю. И даже больше, чем зерна, что падают в нашу душу, чтобы оживить ее, они кажутся мне искрами. Ведь искорка — чаще всего тоже незаметна, а какому пожару может стать причиной! И при чтении многие крохотки жгут нас, как раскаленные угли.

По сути, они говорят о человеке, о его достоинстве и о смысле жизни. Солженицын в этих кратких и до предела сжа-

Музыкант

тых текстах передает нам прямо в душу свой опыт художника и борца. Например, крохотка «Гроза в горах» описывает, на мой взгляд, не только ничтожество человеческих сил перед могуществом Вселенной. Да, Солженицын пишет о том, как их застала и всецело поглотила гроза. Но речь не только о горах. Он открывает нам свою собственную пламенную душу, в которой годами копились силы для того, чтобы потом громом прозвучать по всему миру. Александр Солженицын пере-

дает нам в своих огненных крохотках две основные черты своей личности и своего таланта.

Прежде всего – правдивое слово, точное описание, которые содержат в себе гигантскую силу, какую-то атомную энергию... Атом, вот еще одна крохотка...

А затем мы замечаем, что крохотки Солженицына раскрываются слоями, как геологические разрезы. И это не художественная изощренность, но работа древнего мастера над офортом, для которого жизнь и творчество – едино. Созданный Богом мир постигаем человеком во всех своих проявлениях, от самой «крохотной» детальки мироздания до самых могущественных проявлений природы.

Как художник-гравировщик, я чувствую ту же самую сжатую силу в линии, в штрихе, в крохотной, но живой точке, о которой говорил Хokusай.

В Солженицыне чувствуются Дюрер и Хokusай, Запад и Восток.

Пассажир

Ландшафт озера Сегдень — это Дюрер. Четкий, острый, но насыщенный жизнью черно-белый рисунок, прозрачное озеро, стройные стволы деревьев, чисто дюреровские. А Шарик, который прыгает, бежит, нюхает и снова убегает, — это хокусевская зарисовка. Не штрих острого долота по меди — а молниеносная кисть запечатлела сам дух маленькой точки — крохотки — счастливой, свободной собачонки.

«Крохотки» открывают нам гигантский мир и говорят нам о нашей личной ответственности за него.

Можно ли представить больший источник вдохновения для работы?

Солженицын

*К 190-летию со дня рождения
Л.Н. Толстого*

**Воспоминания Ольги Трубецкой
о встрече с Львом Толстым**

Текст архивного документа, который впервые выходит в печать в этом номере «Вестника», принадлежит Ольге Николаевне Трубецкой (1867–1947), родной сестре знаменитых философов С.Н. Трубецкого (1862–1905) и Е.Н. Трубецкого (1863–1920). Публикация включает письмо Льва Николаевича Толстого к Ольге Трубецкой, в котором писатель полемизирует не только со своей родственницей, но с целым направлением русской религиозно-философской мысли, яркими представителями которой были философы, братья Трубецкие. После 1905 года русская религиозно-философская мысль расцветет пышным цветом, появится Московское, затем Санкт-Петербургское религиозные общества с их встречами, спорами, диспутами, дискуссиями между философами, общественными деятелями с одной стороны и представителями церкви с другой. Братья Трубецкие в 1890-е годы подготовили почву для расцвета русской религиозно-философской мысли, но сами ушли из жизни очень рано, не успев сделать и десятой доли задуманного.

В прежние времена князя Трубецкие вершили историю, как, например, Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, сподвижник Минина и Пожарского, роль которого в освобождении страны была не меньше, а может быть, и больше, чем у предводителей народного ополчения. Его заслуги уже при жизни старались замалчивать, поскольку Д.Т. Трубецкой был одним из претендентов на царский престол,

пользовался огромной популярностью и создавал прецедент «двоемыслия» относительно власти у простого народа. После воцарения династии Романовых Трубецкие занимали самые ответственные государственные должности. Как утверждает семейная летопись Трубецких, за 600 лет существования этого рода он дал «одного короля Богемского... четырех великих князей, семерых удельных князей, одного “державца” (Трубчевска), восьмерых полководцев, двенадцать бояр, семерых царских наместников, трех фельдмаршалов, десять полных генералов, двух адмиралов, десять сенаторов, шесть министров, семь членов Государственного совета, семь камергеров, пятнадцать тайных советников, четырех церемониймейстеров, одного основателя Академии, одного ректора университета и двадцать пять монахов и монахинь»^{*}.

Ректором Московского университета был философ Сергей Николаевич Трубецкой, отец основателя фонологии и основоположника евразийского движения Николая Сергеевича Трубецкого (1890–1938). Сергей Николаевич Трубецкой был первенцем в семье Николая Петровича Трубецкого и Софьи Алексеевны, урожденной Лопухиной. Первым браком Николай Петрович был женат на Любови Васильевне, урожденной Орловой-Денисовой. Ее сестра, Софья Васильевна (в замужестве графиня Толстая), заботилась о детях после безвременной кончины Любови Васильевны. Именно поэтому Трубецкие унаследовали великолепное имение Узкое, которое перешло через Толстых старшему сыну Николая Петровича, Петру Николаевичу Трубецкому (1858–1911). В начале XX века Трубецкие породнились непосредственно с семьей графа Льва Толстого. Племянница Ольги Трубецкой, Александра Владимировна Глебова, дружила с младшим сыном Л.Н. Толстого Михаилом Львовичем. Дружба перешла в роман, молодые люди стали мечтать о свадьбе. Тем не менее в семье Трубецких были против этого союза. Трубецкие были консервативны и религиозны, модернистские взгляды Толстого, которые они считали атеистическими, их отталкивали и даже пугали.

^{*} *Troubetzkoi S.G. Les Princes Troubetzkoi. Labelle, Quebec, 1976. P. 169.*

Тем не менее Лев Николаевич Толстой нашел способ расположить к себе Трубецких. Так, выждав удобное время, «сам граф Лев Николаевич приехал лично к родителям... и сумел их уговорить отдать дочь за сына», начавши свой разговор с Глебовыми словами — «У вас товар, а я купец»*. После того как Александра Владимировна вышла замуж за графа Толстого, казалось, дурные предчувствия родителей оправдались. Она несколько охладела к церкви, слушая антицерковные разговоры в доме Толстых. Ее мать, Софья Николаевна, обращалась к брату, знаменитому философу Сергею Николаевичу Трубецкому, с просьбой уговорить дочь вернуться к церкви. Сергей Николаевич отвечал: «Лина умна и со временем поймет свое заблуждение и вернется к вере»**. Так и вышло, но некоторая «борьба за душу» юной Александры, воспитанной в семье ревнителей религиозных преданий и церковного христианства, вероятно, раззадорила и самого Льва Толстого. Таким образом, некоторое напряжение по поводу религиозных вопросов существовало между Львом Толстым и Ольгой Трубецкой, которая была отнюдь не простодушной светской барышней.

Ольга Трубецкая, третья дочь в семье, имела небольшой физический недостаток — она прихрамывала вследствие детского паралича. Замуж она не вышла, все силы души и пытливого ума направила на саморазвитие, чтение, общественную деятельность. Она была художницей, работала в жанре интерьерной живописи. Главным делом ее жизни было составление огромного семейного архива. Она хотела написать сводную летопись семьи Трубецких, но, к сожалению, большая часть ее архива была изъята во время ареста в 1920 году. Ей удалось эмигрировать из страны в конце 1924 года, сумев собрать документы о необходимости срочного лечения во Франции. Выехав из СССР, она тем не менее добралась до Франции только через несколько лет. До этого она проживала с родственниками в Румынии. Во Франции она жила в Кламаре, в доме Осоргиных на rue de l'Union, потом переехала к родственникам Ону (фамилия родственников Трубецких) в дом напротив

* *Troubetzkoi S.G. Les Princes Troubetzkoi. P. 258.*

** Там же.

церкви св. Константина и св. Елены в имении Бутеневых. Ольга Трубецкая скончалась в Кламаре в 1947 году. К сожалению, известий о ее жизни в эмиграции очень мало, пока не удалось найти никаких писем или документов эмигрантского периода, принадлежащих ей. Осталось только несколько картин и расписанных чайных коробок.

Работа Ольги над составлением семейной летописи осталась незавершенной, до нас дошли только отдельные ее части. Можно предположить, что «Воспоминания» Евгения Трубецкого и «Минувшее» Григория Трубецкого (полностью не опубликованы, хранятся в частных архивах) были написаны частично под ее влиянием и по ее просьбе. Во всяком случае, в тех отрывках, которые дошли до нас, Ольга Трубецкая часто ссылается на воспоминания братьев, а в «Минувшем» Григория Трубецкого много ссылок на работу сестры. Ольга преклонялась перед старшим братом, философом Сергеем Трубецким, оставила «Воспоминания сестры», в которых описала его жизненный и философский путь. Она хорошо знала все его религиозно-философские работы и горячо сочувствовала его идеям. Именно против комплекса религиозно-философских идей, которые отстаивали Трубецкие, и выступил граф Толстой, когда Ольга посетила его в имении, начав, казалось бы, невинный разговор о драме Б. Бьёрнстjerne.

Нижеприведенный документ показывает Л.Н. Толстого с новой стороны, а личный тон письма и сами воспоминания Ольги Трубецкой воссоздают перед нами обстановку имения в Хамовниках. Эти материалы воскрешают перед умственным взором толпы восторженных почитателей великого писателя атмосферу напряженного поиска, экзальтации, огромной умственной работы. Оригинал текста, машинописная копия, сделанная рукой О. Трубецкой с рукописного подлинника, находится в РГАЛИ (Ф. 503. Оп. 1. Ед. хр. 34). Текст печатается с некоторыми исправлениями, в соответствии с пунктуационными и грамматическими нормами современного русского языка. Сокращения раскрыты в угловых скобках.

Ксения Ермишина

Воспоминания о встрече с Толстым Л.Н.
и беседе с ним и переписке
по вопросу «Об откровении»

В ноябре 1894¹ г., в один воскресный вечер, я собралась к Толстым в Хамовники². Я редко ездила туда одна и обыкновенно сговаривалась с кем-нибудь из близких знакомых ехать вместе, чтобы не очутиться, как в лесу, среди массы «темных» и малознакомых лиц. В этот раз я не помню, чтобы со мной был кто-нибудь, и я застала большое и весьма пестрое общество. В числе гостей была Сафо Мартынова³, которая в то время весьма «старалась» с Графом и с кем-то держала пари, что добьется, чтоб Лев Николаевич пришел читать ее детям «Черную Курицу», что, кажется, и удалось ей устроить. К концу чаепития в залу вошел Граф и сел в конце стола напротив меня. Молодежь уже перешла в гостиную, откуда слышались звуки балалаек и шумные взрывы хохота. Я не топила допивать свой чай и рада была приходу Графа. Не помню, как зашел у нас разговор о драме Бьёрнсона «*Au-delà de nos forces?*»⁴. Я только что прочла эту вещь и была под ее сильным впечатлением; быть может, я же и вызвала разговор о ней. Лев Николаевич просил меня рассказать ему содержание драмы, что я и исполнила без особого конфуза, несмотря на пристальный взгляд устремленных на меня глаз Графа; на этот раз меня это даже скорее поощряло. Выслушав мой рассказ, Граф стал удивляться, как такой крупный писатель, как Бьёрнсон, мог избрать такую странную тему. «Возможно ли после опытов Шарко и К-ом⁵ верить в какие-то чудеса!.. Все это так уже устарело...» Я стала возражать, и сначала довольно спокойно, но как только сидевшая по углам публика заметила, что мы о чем-то заспорили, — как мигом вокруг нас образовалось кольцо, в центре которого очутилась я с Графом. Меня обдало жаром; я смутилась и почувствовала, что не в силах дальше спорить. Я видела вокруг синие блузы, всклоченные волосы и со всех сторон восторженные глаза, следившие за Графом, а он уже не смотрел более на меня и, откинувшись немного вбок, держась за спинку стула, говорил слушавшим его: «Пусть кто-нибудь скажет мне, что выше разума», — а Сафо с укором и полусмеясь говорила мне: «Ольга,

Ольга, как ты можешь спорить с Графом», — в то время как я мучительно краснела и терялась, понимая, что я могу и должна возражать, но не в состоянии овладеть ни мыслями, ни словом. Я воспользовалась моментом, когда Граф повернулся к кому-то из вопрошавших его, встала и ушла в гостиную к балалайкам. Но я горела как в огне и никак не могла успокоиться ни в этот вечер, ни на следующий день. Воспоминание о моем малодушном конфузе жгло меня стыдом, и я наконец решилась написать Графу. Вот черновик, сохранившийся у меня от этого письма:

«Посылаю Вам, Граф, книгу, которая так неожиданно послужила поводом к разговору между нами. Не умею я говорить о том, что глубоко меня затрагивает, при людях, мне чужих и незнакомых. — Заметив, что разговоры вокруг стола смолкают и общее внимание обращается на нас, я перестала думать о том, что должна Вам отвечать, а думала об одном только: как бы прекратить этот разговор, но так, чтобы Вы поняли, что я не договорила... Но так досадно мне за свое смущение, что почти стыдно за себя, и я пользуюсь первым случаем, чтоб Вам это сказать. Не отрицаю я разума, и как [и] Вы, Граф, вижу в нем великий Божий дар. Я сказала Вам, что не верю в “умозрение”, ибо не могу понять, чтоб человек мог найти удовлетворение в построениях, добытых путем будто бы непогрешимой логики, всегда более или менее приводящей к односторонним, близоруким выводам и заключениям. — Нет. Жизнь жизни ищет и может найти удовлетворение только в Истинно Сущем. Познание Истинного доступно только Истинно Сущему в нас обличающему всякую ложь и неправду. — Не отвергаю я разума, но признаю над ним высшее и совершеннейшее в откровении веры, надежды и любви, через которых мы призываемся “к совершенному познанию во всякой премудрости и разумении духовном” (Кол 1: 9) для разумного служения, “познавая, что есть воля Божия благоугодная и совершенная” (Рим 12: 2).

— Пишу Вам, Граф, не для того, чтобы спорить с Вами. Я не могу без внутренней боли вспомнить, что я так неосторожно увлеклась в разговор о том, что слишком дорого и свято мне, чтобы делать это предметом любопытного для других спора. Но долгом своим считаю, раз вопрос был Вами так

поставлен: “Пусть же кто-нибудь мне скажет, что выше разума?” — дать Вам ответ, к какому обязывает меня совесть. — Что же касается о. Иоанна, я, как сказала, не защищала какого-нибудь определенного тезиса, ибо ясного тут ничего не вижу. Меня поразила только уверенность, с какой Вы считаете вообще эти вопросы решенными для всех образованных людей. Но ведь не к ним ли (к книжникам и фарисеям) относились слова Христа: “Если б Я не сотворил между ними дел, каких никто другой не делал, то не имели бы греха, а теперь и видели и возненавидели и Меня и Отца Моего...”⁶ Мне кажется, вопрос веры — “вопросы жизни” — не могут никогда устареть, ибо предстоят каждому человеку, но временами они не только занимают совесть отдельных лиц, но всплывают на поверхность и становятся более или менее общим интересом: “*Lourde*”, “*Au-delà de nos forces*” не служат ли доказательством в мою пользу?

Примите, Граф, уверение в моем искреннем уважении.

О.Т.»

На следующий день или дня через два по отправлении книги и моего письма Граф сам мне занес обратно книгу и при ней свой ответ. Человек мне сказал, что он пришел пешком, позвонил и велел передать мне свою посылку.

Письмо Л.Н. Толстого

Очень сожалею, что встревожил вас своим разговором, но рад тому, что имею случай, быть может, быть Вам полезным. Вы пишете, что не отрицаете разум, но не верите в умозрение и выводы логики. Но я, во 1-х [во-первых], не вижу противоположения между умозрением и ~~выводами~~ (хорошенько и не понимаю, что вы разумеете под умозрением) и выводами логики и разума, а во 2-х [во-вторых], я ничего не говорил об умозрении и выводах логики. Вы пишете: «не отвергаю разума, но признаю над ним высшее в откровении веры, надежды и любви, через которых мы призываемся к совершенному познанию во всякой премудрости и разумении духовном (Кол 1: 9) для разумного служения, познавая, что есть воля Божия, благоугодная и совершенная (Рим 12: 1–2)». Слова эти, искрен-

но говорю перед Богом, не имеют для меня никакого смысла и служат полным отрицанием разума. Если же это происходит от моего невежества, гордости или заблуждения, и слова эти имеют смысл, и вы признаете этот смысл истинною, то делаете это только п<потому>, ч<то> этого требует ваш разум, и потому, как ни ставьте вопрос, последним решителем его всегда будет разум. Вы признаете откровение такое, а не иное только п<отому>, ч<то> ваш разум сказал вам, что это именно откровение, а не какое-либо другое истинно. От разума уйти никуда нельзя, надо признать его верховенство и беречь и лелеять его, воспитывать, не засорять, а смотреть на него как на одно из двух наших средств общения с Богом. Одно средство — разум, другое — любовь. И без разума не может быть любви или, скорее, по мере разума может быть любовь к Богу и по мере любви к Богу может быть разум, — что же касается до чудес, то чудеса не только не имеют ничего общего с верой, но прямо противоположны ей. Для того, кто верит в Бога, все чудеса представляются только соблазном, п<отому> ч<то> они не нужны и могут быть неправдой. Тот же, кто верит в чудеса, верит в чудеса, а не в Бога, п<отому> ч<то> Бог вечен и неизменен, а чудеса — это временные неожиданные изменения. Но и я тоже не хочу спорить с вами. А, пожалуйста, вы не сердитесь, милая Княжна, и не показывайте моего письма никому, так же, как я вашего не показал и не покажу никому⁷. Я не спорить хочу с вами, а хочу помочь вам. Мне ужасно жалко было видеть ваше взволнованное лицо и недоброе, а простите меня, озлобленное против меня (то же чувствую в вашем письме). Мне страшно жалко видеть вас — чувствуя именно по этому волнению и озлоблению — в вас горячее сердце, ту страшную темноту, в которой вы находитесь, и еще более страшную самоуверенность, с которой вы считаете эту темноту светом. То волнение и недоброежелательство, с которым вы отнеслись ко мне, показывает то, что вы сами знаете, как шатко то во мраке воздвигнутое в вашей душе здание. Вы знаете, что я еретик, враг Церкви, Христа, Бога, и поэтому вы в самом общем вопросе о значении разума уже спешите стать в оборонительное положение и боитесь, как бы не разрушилось это построенное в вашей душе фантастическое здание, и невольно враждебно относитесь к тому, в ком предполагаете такие опасные намерения, и поспешно замыкаетесь и ограждаетесь. И то

и другое — нехорошие признаки: человек, обладающий истиной, не полной истиной, таковая недоступна человеку в теле, а истиной, сообразной тому свету, который есть в нем, не затемненной на веру принятыми суевериями, — не станет бояться за свою истину и скрывать ее, а будет рад всякому случаю высказать ее и ни в каком случае не почувствует нерасположения к человеку, искренно ищущему истины. Если вы никогда еще, ни разу, не представляли себе живо, совсем ясно, то, что вы вот нынче, завтра умрете и пойдете к Тому Богу, который послал вас в этот мир, и не задавали себе ясно вопроса о том, чего хочет Он от вас, этот Бог, то рисуйте, танцуйте, играйте и не думайте о вопросах веры и не говорите о них. Если же это вопросы жизни и смерти возникли в вас, то не довольствуйтесь тем, что вам внушено с детства, <потому> <что> родители вы родились в православной, а не магометанской, иудейской, буддийской вере, а усомнитесь во всем и сначала проверьте все, сами, одни перед своей совестью и Богом. И когда вы сделаете это, вы увидите, как вам радостно и легко станет и как вместо страха и недоброжелательства к людям вы ко всем почувствуете доверие и любовь.

Л. Толстой

Письмо это очень меня взволновало: я рада была получить письмо от Льва Николаевича Толстого, но на содержание его мне было очень досадно, почти обидно. Я считала Толстого за такого сердцеведа, что не верилось, что он не понял моего состояния, и мне казалось, что он нарочно делает вид, что не понимает, чтобы сохранить за собой выгодную позицию. — Я решила, в свою очередь, использовать свою позицию и высказаться со всей откровенностью, на какую он меня вызвал.

Вот мой ответ

«Как Вы могли думать, Граф, читая мое письмо, что я отношусь к Вам с дурным чувством и озлоблением? Почему волнение мое объяснили себе так невыгодно для меня... Мне право очень, очень, это грустно. — Если б я питала к Вам все те дурные чувства, которые Вы во мне предполагаете, и смотрела

бы на Ваше учение с этой узкой церковной точки зрения, как Вы думаете, то была ли бы я у Вас в тот вечер, стала ли с Вами говорить об о. Иоанне⁸, читала ли бы Бьёрнсона и делала ли, чтобы Вы его прочли. Припоминая все письмо мое, я не знаю, что могло произвести на вас такое впечатление, и, во всяком случае, прошу поверить мне, что искренно об этом сожалею. Или, быть может, я недостаточно подчеркнула, как мне тяжело было, что, вступив в такой разговор, я не досказала до конца тут же, что хотела... Я с того начала, что мне почти стыдно за себя. Почти — не совсем, потому что, хотя и вполне понимаю ваш упрек и сочувствую тому, что человек не должен бояться за свою истину, скрывать ее, а радоваться всякому случаю ее высказать, но не обладаю настолько собой и своим словом, чтоб быть уверенной, что скажу, как хочу, и то, что хочу: слишком рассеивается мысль и слишком сердце чувствует, и именно в этом вторая причина моего волнения. Увидав эти любопытные лица, которые нас окружили, и эти жадные глаза, устремленные на Вас вашими поклонниками, — мне, с одной стороны, это показалось пошло, а с другой — страшно за Вас, за ответственность, какую Вы несете. — Граф, никакой правды я не боюсь, не боюсь никаких обличений, не закрываюсь ни от каких вопросов, но когда разумом своим ищу разрешений — нахожу один ответ: “не знаю...”. Сознывая себя, и жизнь в себе, и жизнь в других, во всем, сознание Высшей Жизни становится для меня такой же очевидностью, как сознание собственной жизни. Не буду спорить, получила ли я это откровение путем разума или жизни, — я верю в то и другое. Не в том мы расходимся: я говорю, что верую в Бога, а Вы (кажется, я так Вас понимаю) говорите: “я знаю, что Бог есть”. Веруя в Бога, я верую в Христа, как Слово Божие, как в Высшее откровение Жизни, верую и в учение, и в дела Его. — Вы же знаете Христа и, принимая Его учение, откидываете дела Его и говорите: “для того, кто верит в Бога, все чудеса представляются только соблазном, потому что они не нужны”. Не так ли рассуждали книжники и фарисеи? Но они, не веря в Его чудеса, не верили и в учение Его: ибо не может из худого источника истекать вода добрая, — и Христос был ими распят как обманщик.

Вот я и недоумеваю перед Вами... и спрашиваю себя: не преткнулся ли этот человек о камень преткновения

и соблазна^{9?} – Граф, если я не так Вас поняла или объясняю себе неверно, не примите это за намеренное искажение и недоброжелательство. Верьте, что, несмотря на все, что может Вам показаться резкого в моем письме, я не хочу Вас ни оскорблять, ни уловлять в словах и ничего Вам не желаю, кроме самого высшего и лучшего в мире добра, искренно прошу прощения, если оскорбила Вас чем-нибудь.

Искренно Вас любящая

О. Трубецкая

22 ноября. Перечла письмо сегодня и вижу, что не ответила на то, что понимаю под словом “умозрение”. Если, как Вы говорите, я попробую отстранить от себя все постороннее (мне внушенное с детства) и от одного ума буду ждать ответа на все вопросы, он в конце концов приведет меня к одному верному: “не знаю”. Вот почему я в существе не согласна с самым словом “умо-зрение” (зрение ума)».

На письмо это не последовало никакого ответа... Но в первый же раз, как я увидела Графа после этого у него же в доме, он подошел ко мне и так ласково поздоровался, что я поняла, что он не сердится на меня. Он спросил, читала ли я статью Соловьёва в «Вестнике Европы»¹⁰, и на мой отрицательный ответ сказал, чтоб я ее прочла, и повторил то же, выйдя в переднюю, когда я уезжала: «Мне очень хочется, чтобы Вы прочли статью Соловьёва».

Понятно, я поспешила достать и прочесть эту статью, которая ничем особенным меня не поразила. Но вскоре после появилась статья самого Льва Николаевича, которая заставила меня опять обратиться к нему со следующим письмом:

«Только что прочла статью Вашу “О противоречиях эмпирической нравственности”¹¹ и в полном недоумении... В Ноябре Вы отвечали мне: “Вы пишете: не отвергаю разума, но признаю над ним высшее в откровении веры, надежды, любви, через которых мы призываемся к совершенному познанию во всякой премудрости и разумении духовном (Кол 1: 9) для разумного служения, познавая, что есть воля Божия, благоугодная и совершенная (Рим 12: 1). Слова эти, искренно говорю, перед Богом не имеют для меня никакого

смысла и служат полным отрицанием разума”. — А в статье Вашей Вы говорите, что высшее призвание человека — в познании Воли пославшего Его¹², и познание это не дается путем научного или философского метода, а дается через Откровение... религиозное познание предшествует всякому иному.

Вскоре после моего последнего письма к Вам я была у Вас, и единственное, о чем вы спросили меня, было: читала ли я статью Соловьёва в “Вестнике Европы”, и на мой отрицательный ответ Вы сказали: “прочтите, прекрасная статья”. И я прочла. Соловьёв утверждает, что нравственность имеет собственное содержание, независимое от религии, — Вы же говорите теперь как раз обратное. — Право, статья Ваша после всего этого, и письма особенно, произвела на меня такое впечатление, что я буквально долго глазам не верила и вчера все думала, как бы спросить Вас об этом, но так много было у Вас народу, что я не нашла к тому удобного случая. Но Вы понимаете, как мне странно это и как бы я желала иметь разъяснение от Вас»¹³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В оригинале дата приведена не полностью: «октябрь 189...», год восстановлен на основании упомянутых статей В.С. Соловьёва и самого Л.Н. Толстого.

² *Усадьба в Хамовниках* построена в 1800–1805 гг. по приказу князя И. Мещерского. Л.Н. Толстой приобрел усадьбу в Хамовниках в 1882 г., проживал в ней с семьей до 1901 г. В усадьбе было написано около ста произведений, в том числе «Воскресение», «Смерть Ивана Ильича», «Отец Сергей». В 1911 г. вдова Л.Н. Толстого Софья Андреевна продала усадьбу Московской городской управе, а в 1922 г. по личному указу В.И. Ленина она была преобразована в Государственный музей Льва Толстого. В наше время усадьба находится по адресу: Москва, ул. Льва Толстого, 21.

³ *Софья Михайловна Мартынова* (?–1908), урожд. Катенина. Дочь помещика Судогодского уезда генерал-майора М.А. Катенина. Была замужем за Виктором Николаевичем Мартыновым, сыном Николая Соломоновича Мартынова, убитого М.Ю. Лермонтова на дуэли. Мартыновы были дружны с семьей Толстых, часто гостили в Ясной Поляне, В.Н. Мартынов был компаньоном Толстого во время выезда на охоту. Философ В.С. Соловьёв посвящал Софье Михайловне стихи, в частности, цикл стихов «Сафо» (1892), написанный с применением акростиha в каждом четверостишии.

⁴ *Драма Бьёрнсона Бьёрнстьерне* «Свыше наших сил» (часть первая 1883, часть вторая 1895); первоначально написана на норвежском языке. О. Трубецкая читала драму во французском переводе. На русском языке первый перевод драмы вышел в 1897 г. В драме сильны мотивы мистического богоискательства, подняты вопросы атеизма, основная проблема пьесы сводится к тому, что вера, способная творить чудеса, может быть сверх сил для слабого человеческого разума.

⁵ *Шарко Жак-Мартен* (1825–1893), врач-психиатр, один из учителей З. Фрейда. Шарко специализировался на исследовании и методах лечения так называемой истерии (в наше время психические заболевания этого рода относят к нескольким классам психосоматических расстройств). Интересовался гипнозом и провел ряд исследований о природе внушения и о влиянии гипноза и самовнушения на расстройства психики и дисфункции различных органов тела. Основал кафедру психиатрии в Парижском университете (1872), член Парижской академии наук (1883). Основатель журнала «Архивы неврологии» (1880). У Шарко было много учеников и последователей, кроме того, он пользовался гипнозом в своей врачебной практике. Так, например, обездвиженным в результате нервного паралича приказывал встать, и те повиновались. В 1899 г. вышла его книга (опубликована посмертно) «Исцеляющая вера», в которой он утверждал решающую роль веры или самовнушения при получении различных исцелений. Религиозные чудеса исцелений он приписывал внушению.

⁶ «Если б Я не сотворил между ними дел, каких никто другой не делал, то не имели бы греха, а теперь и видели и возненавидели и Меня и Отца Моего...» — пересказ строки из Евангелия от Иоанна (15: 24): «Если бы Я не сотворил между ними дел, каких никто другой не сотворил, они не имели бы греха; теперь же и видели и возненавидели и Меня и Отца Моего».

⁷ «Насколько помню, в Р. S. к моему письму я просила Графа не показывать моего письма никому. Я много лет держала в <нрзб> эту нашу переписку» — примечание О. Трубецкой.

⁸ Скорее всего, речь идет о знаменитом священнике *Иоанне Ильиче Сергиеве* (1829–1909), известном в народе как Иоанн Кронштадтский. Прославлен Русской Православной церковью в 1990 г.

⁹ «Камень преткновения и соблазна» — выражение из Послания апостола Павла к Римлянам (9: 33), ставшее нарицательным. Апостол Павел толкует слова пророка Исаии «будет Он... камнем преткновения, и скалою соблазна для обоих домов Израиля» (Ис 8: 14) как пророчество об Иисусе Христе. В данном случае речь идет о его прямом и первоначальном значении: для неверующих жизнь и чудеса Иисуса Христа стали камнем преткновения.

¹⁰ Скорее всего, речь идет о работе В.С. Соловьева «Оправдание добра», отдельные главы из которой он печатал в «Вестнике Европы» и в «Вопросах философии и психологии» начиная с 1984 г. В 1984 г. в «Вестнике Европы» вышла первая глава из «Оправдания добра» в виде статьи «Нравственная философия как наука» (1894. № 11).

¹¹ Статья Л.Н. Толстого «О противоречиях эмпирической нравственности» на русском языке вышла в журнале «Северный вестник» (январь 1894) с большими пропусками, поскольку цензура не пропустила оригинальный текст без купюр. Впервые вышла на немецком языке под названием «Религия и мораль» (1893), под тем же названием в 1894 г. вышла на английском языке. В настоящее время статья имеет подзаголовок «Религия и нравственность», начиная с 1913 г. выходит без купюр.

¹² В статье «Противоречия эмпирической нравственности» (Северный вестник. 1894) Толстой говорит о существовании нескольких типов религиозности, которые порождают соответствующие нравственные типы. Сущность религии Толстой определяет как ответ на вопрос о том, зачем я живу и какое мое отношение к окружающему миру. Отношений к миру три типа: личное, или первобытное; общественное, семейно-государственное, или языческое; христианское, или божественное. Именно последний тип религиозности и нравственности является, по Толстому, истинным. Сущность третьего типа состоит в том, что человек стремится постичь волю Бога, пославшего его в мир, и исполнить ее. Любая примесь в эти намерения посторонних мотивов (угождение себе самому, служение государству, семье и т.д.) искажает чистоту намерений, ставит человека в состояние языческого отношения к себе самому и к миру.

¹³ На это письмо О.Н. Трубецкой ответа не последовало.

Публикация и примечания Ксении Ермишиной

К 200-летию со дня рождения
И.С. Тургенева

СВЕТЛАНА ДУБРОВИНА

Мишель Винавер — переводчик
И.С. Тургенева

В марте 2018 года в Версале и в Париже состоялась премьера спектакля «Месяц в деревне» в постановке Алена Франсона (Théâtre des piages de neige). Перевод пьесы на французский язык сделал известный драматург Мишель Винавер, в роли Натальи Петровны выступила Анук Гринберг, в роли Ракитина – Миша Леско, учителя Беляева – Николая Авине.

В отличие от своего деда, Максима Моисеевича Винавера, депутата первой Государственной думы, одного из лидеров Конституционно-демократической партии, эмигрировавшего с семьей во Францию в 1919 году, Мишель Винавер мало известен в России¹. Родившийся в Париже, учившийся в конце 1940-х в Америке, возглавлявший в течение долгих лет представительство компании «Gillette» во Франции, Мишель Винавер все-таки относит себя к беженцам, изгнанникам... — как Сэмюэль Беккет: «Я отношусь к тем “многочисленным гостям Франции”, — писал он в книге «Визит австрийского канцлера в Швейцарию», — среди которых были и Ионеско, и Адамов, и Беккет»².

Мишель Винавер — автор около двадцати пьес, вышедших на данный момент в восьмитомном собрании его «Сочинений для театра» (первую пьесу «Корейцы» он написал в 1956-м, последнюю — «Бульвар Бетанкур, или Французская история» — в 2014-м), автор двухтомных «Заметок о театре» (1982,

1998) и книги «Драматическое письмо» (1993). Он много переводил на французский язык для театра, в том числе с немецкого, английского языка, адаптировал «Антигону» Софокла и «Троянок» Еврипида. В 1980-е годы Мишель Винавер впервые обратился к русскому театру, перевел «Самоубийцу» Н. Эрдмана (1980) и «Дачников» М. Горького (1983).

История создания перевода Мишелем Винавером пьесы «Месяц в деревне» (2015) – удивительна, это потрясающий рассказ о любви отца к дочери, а дочери – к своему отцу. Анук Гринберг поделилась этой историей в интервью Татьяне Викторовой. По ее словам, около тридцати лет назад Мишель Винавер отправил ей по почте книгу с пьесой И.С. Тургенева: «Однажды, – сказал он, – ты прочитаешь ее, и, возможно, она тебе понравится». И действительно, много лет спустя она прочитала пьесу: «Я читала... и плакала, и плакала, и плакала, не от печали, но от красоты этого текста». Два года назад М. Винавер был сильно болен, лежал в больнице, и теперь уже Анук в свою очередь приехала к отцу с книгой Тургенева, с русско-французским словарем, ручками и бумагой, чтобы просить его перевести пьесу, – и тем вернуть к работе, а значит, к жизни. Он согласился, и по мере работы Анук Гринберг, по ее словам, видела, как отец постепенно становится самим собой: «И его глаза загорелись, рука начала работать. И он снова стал тем, кем был раньше...»³.

К тому же было важно, что благодаря переводу Мишель Винавер возвращается к русскому языку, языку своего детства, своей памяти: «Мне он (язык Тургенева, – *С.Д.*) хорошо знаком, на таком языке говорили мои родители, когда я был ребенком. В этом смысле переводилось легко: мне не нужен был, как в случае с Эрдманом и Горьким, подстрочник, в свое время сделанный для меня отцом для точного понимания их пьес»⁴ – интересное свидетельство о том, как изменился язык, перейдя через рубеж 1917 года: язык Тургенева для драматурга «свой», это язык его родителей, в то время как язык Горького и Эрдмана – уже другой, непонятный, требующий подстрочника.

Итак, благодаря самопожертвованию дочери (она обещала отцу, что найдет постановщика, сама будет играть в пьесе) и самопожертвованию отца, взявшегося за перевод ради дочери, – на свет появился новый перевод тургеневской пьесы:

«Это подарок не только мне, — рассказывает Анук Гринберг о переводе. — У меня было ощущение, что это подарок жизни». «Он дал жизнь — жизни»⁵.

Метод работы Мишеля Винавера, в том числе и над своими текстами, заслуживает внимания. Он часто прибегает к планам, схемам, приемы его письма на первый взгляд весьма далеки от поэтики театра И.С. Тургенева: обращение к документальному материалу, выбор сюжетов из современной жизни — что называется, «злободневных»; использование полифонического принципа — параллельного звучания нескольких диалогов, голосов, фрагментация реплик, монтажная структура текста; внимание к ритму, музыке текста.

Неудивительно, что поначалу Мишель Винавер воспринимал Тургенева «как автора почти второго ряда, слишком многословного, психологичного».

И конечно, первым стремлением переводчика было «улучшить» текст исходя из своих представлений. Он хотел сделать версию «более короткую, более резкую, более близкую к моей собственной манере писать для театра»⁶. И он улучшал и улучшал и был очень доволен своей работой, он сокращал, сжимал — и даже сократил некоторых персонажей. Но, когда автор показал свой перевод режиссеру и Анук, «результат был катастрофический»⁷ — они не узнали пьесу, это уже не был текст И.С. Тургенева.

Поэтому Анук Гринберг и найденный к тому времени режиссер — один из известнейших современных французских режиссеров Ален Франсон — сказали ему, что так не годится и нужно сделать другую версию, более близкую к оригиналу. На что Мишель Винавер ответил, что сам он не согласен с таким подходом (свою, сокращенную версию он считал более удачной). Но — «Я знаю этот язык, мои родители так говорили, — ответил он, — я сделаю полную версию, хотя не согласен с этим, но я ее сделаю»⁸. И в конце концов французский драматург согласился встать «на службу» И.С. Тургеневу, быть «реставратором», а не «Пикассо», который в 1966-м сделал свой вариант «Завтрака на траве», сто лет спустя после появления оригинала Мане (такое сравнение привела в качестве довода Анук Гринберг отцу).

Мишель Винавер так рассказывает о второй версии перевода: «...мне показалось интересным в точности последовать

за Тургеневым по этому пути. Изменения во второй версии очень незначительны, я лишь облегчил язык и избежал слишком явных повторов. В итоге я был крайне удивлен, поскольку получил большое удовольствие и обнаружил в пьесе неведомые ранее источники красоты»⁹. Кроме того, Винавер убрал обращение героев Тургенева по-французски и обращение к Ракитину «Мишель». Из этой второй, более полной версии также пришлось вырезать два-три фрагмента, это сделал уже Ален Франсон с целью сократить длительность спектакля, а также чтобы текст был более сжатым.

Итак, первую версию перевода следует, скорее, назвать адаптацией. Вместо пяти действий у И.С. Тургенева — два действия у М. Винавера, разделенных на 45 фрагментов — «волн». Такая структура была выбрана неслучайно: при чтении пьесы Тургенева у переводчика постоянно возникал образ волны, кругов на воде, — и при работе над переводом он стремился «сгладить углы, соединить разрывы». По его мнению, это более всего соответствовало оригиналу.

Текст получился более сжатый, концентрированный — для этой цели некоторые сцены меняются местами, некоторые диалоги, согласно излюбленному Мишелем Винавером полифоническому принципу, «пересекаются»¹⁰: фраза одного персонажа (участника первого диалога) разрывается, и в этот момент «вступает» другой персонаж (участвующий во втором диалоге); так сплетаются несколько диалогов и несколько сюжетных линий... В результате получается множество интересных эффектов, например рождение нового смысла на стыке фраз из «разных» диалогов, усиление смысловой нагрузки одного диалога благодаря другому, прояснение скрытого смысла одного диалога за счет другого и пр. Такой прием Мишель Винавер впервые использовал в пьесе «Привратники» (1957), а начиная с пьесы «За борт» (1969) постоянно прибегает к нему (в т.ч. в «Поисках работы», «11 сентября 2001»).

В первой версии-адаптации акцентируются некоторые сюжетные линии. Так, пьеса у М. Винавера начинается с истории Матвея и Катюши — более ярко, в сниженном варианте, пародирующей историю Верочки и Большинцова (как отголосок, на излёте большой волны).

М. Винавер разложил текст пьесы на отдельные сюжетные линии, на отдельные диалоги, и затем заново «собрал»

их, перемешав. Так он работает и над собственными своими пьесами, когда «исходными» элементами ему часто служат в том числе документальные источники. Он всегда пишет «партитуру» и работает над «партитурой», и такой подход обусловлен любовью Винавера к музыке, его диалогом с Борисом Шлёцером, музыкальным критиком и философом, оказавшим на него большое влияние, с которым драматург был хорошо знаком с 1949 по 1969 год¹¹.

В предисловии к первой версии тургеневской пьесы М. Винавер предлагает свое видение постановки, весьма отличное от оригинала: «Предметы мебели двух этих пространств (небольшая гостиная и уголок сада. — С.Д.) лаконичны и мобильны. По мере постановки они могут появляться или исчезать или же может меняться их расположение в пространстве. Переход от одного пространства к другому происходит, насколько это возможно, *не прерывая игры*. Действие разворачивается последовательными волнами, которых сорок пять, распределенными на два действия. *Переход от одной волны к другой происходит non-stop*, как единое течение (за исключением единственного антракта), главным образом посредством исчезновения и появления персонажей. Переход от одного дня к другому не обозначается».

Отметим принцип непрерывной игры, «текучести» текста. Обусловленный прежде всего самими свойствами тургеневского текста — мы вспоминаем любовь к музыке И.С. Тургенева, музыкальность его текстов, музыкальное построение фразы, интонационную продуманность каждого слова и т.д., — этот принцип в то же время отсылает и к поэтике современного театра второй половины XX века, когда текст уже не делится на действия, но представляет из себя или набор сцен, или даже единое пространство диалога или монолога, не разделенное на сцены, действия.

Первая версия-адаптация «Месяца в деревне», пока не опубликованная, имеет своих поклонников: так, биограф М. Винавера Симон Шемама поставил ее со своими учениками в школьном театре в Лилле. Вторая версия была опубликована¹² и поставлена Аленом Франсоном,

Ален Франсон в своем творчестве прошел путь от А.П. Чехова к И.С. Тургеневу — как в свое время К.С. Станиславский, в 1909-м создавший успешную постановку «Месяца в деревне»

уже после того, как был найден новый метод исполнения чеховского репертуара, – в течение шестнадцати лет возглавляя один из крупнейших парижских театров, государственный Театр де ла Коллин, А. Франсон очень много ставил Чехова. В 2009-м он поставил «Вишневый сад»... по режиссерским тетрадам Станиславского – несколько экстравагантно для современного театра, обычно пытающегося максимально уйти от традиции и осовременить пьесу. До этого была «Чайка» в 1995-м, потом пьесы «Иванов», «Платонов», «Лебединая песня» в 2005-м, «Вишневый сад» в 2009-м, «Три сестры» в 2010-м – весьма солидный «русский» багаж.

Сквозь призму А.П. Чехова смотрит на постановку «Месяца в деревне» и французская театральная критика. Журналист «Либерасьон» прямо задается вопросом: «Что предвещает Чехова? Что отличается от Чехова? И какое влияние оказало это на постановку Алена Франсона?» Но далее, апеллируя уже к своей родной литературной традиции, он сравнивает язык Тургенева и Мариво: «...разворачивается комедия чувств, эдакий Мариво под березами»¹³. В русском языке мы тоже используем слово «мариводаж», и нельзя не признать: кружение, плетение словес, развернутые монологи, разъясняющие поступки героев, и диалоги-диспуты похожи на стилистику Мариво. Но все же у Тургенева главенствует искушенность в изображении чувств героев, стремление уловить малейшие психологические нюансы.

Критики отмечают элегантность, изящную простоту постановки Алена Франсона, простоту декораций – всего несколько предметов мебели (кресло, две скамьи, банкетка) и обои с цветочным принтом, отсылающим к деревенской жизни... «Деликатный спектакль», по словам критика газеты «Ле Монд»¹⁴.

Ален Франсон, давно знакомый с творчеством Мишеля Винавера, – в Театре де ла Коллин он поставил несколько его пьес – стремился сделать так, чтобы актеры играли, словно одна команда, как единое целое, чтобы это не была постановка ради одной какой-то роли. По Франсону, на сцене нужна «быстрота мысли», но не быстрота игры. Что это такое? Это метод, близкий и Винаверу-драматургу, суть которого сводится к стремлению исходить из неразрывности ритма текста, а не только из смысла. Только тогда

и получается единое целое постановки. И тогда, как говорит режиссер, «ассамблея актеров» вступает в контакт с «ассамблеей зрителей». Режиссер также использовал жест, чтобы текст был более «графичным», чтобы он был более понятен современному зрителю.

Ален Франсон — режиссер очень вдумчивый, интеллигентный — в том смысле, что отталкивается от всей традиции и прочтения, и постановок той пьесы, за которую берется. Он восхищается перепиской И.С. Тургенева с Г. Флобером, цитирует статьи Вирджинии Вульф о Тургеневе, рассказывает о постановке пьесы Станиславским, вспоминает предшествующие постановки «Месяца в деревне» во Франции (многие он видел и хорошо помнит сам)... Режиссер задается вопросом Станиславского по поводу «Месяца в деревне» (в режиссерских тетрадах, не опубликованных по-французски): «Как обнажить на сцене душу актера до такой степени, чтобы сделать ее видимой и понятной зрителям?»

Для Алена Франсона как постановщика важно жанровое определение пьесы: «Месяц в деревне» — не пьеса, а «*recit de vie*» («рассказ, повесть»); и то, что для И.С. Тургенева означало «несценично», показалось режиссеру интересным. (Тут в скобках, конечно, нужно вспомнить о традиции эпического театра, о влиянии Б. Брехта, драматурга и режиссера, на французский театр начиная с 1950-х годов; эта традиция помогла французским режиссерам эффективно полемизировать с собственной традицией французского классического театра, с так называемой «хорошо сделанной пьесой». Вместо них в театр приходит монолог — рассказовая, нарративная форма...) Ален Франсон подчеркивает новаторство А.П. Чехова: у него в диалог двух персонажей всегда вмешивается кто-то третий, кто переводит разговор совсем в иное русло. У Тургенева, как и у Чехова, говорит Ален Франсон, нет иерархии тем — персонажи переходят с одной темы на другую, от важного по видимости к незначительному. И так же, как у Чехова, у Тургенева «отсутствует суждение», нет приговора — пьеса «децентрализована». Но интересно, что по мере развития действия эти цепи диалогов-монологов, эти незначачие, казалось бы, разговоры вдруг («клак» — как говорит Ален Франсон) — стягиваются, соединяются в единое целое. Так и задачей режиссера является восстановить

это единство (и актерское единство, и единство пьесы — и это единство представить на суд «зрительской ассамблеи»).

В этом переводе, по признанию Алена Франсона, хорошо знакомого с текстами самого Мишеля Винавера, есть винаверовские «знаки», «метки», отдельные слова («clin d'oeil, vocabulaire»), которые полностью принадлежат французскому драматургу. Но при этом особенности винаверовской поэтики, считает режиссер, в итоге сослужили оригиналу хорошую службу.

Конечно, ставить Тургенева в современной Франции — это явно не коммерческая история. Коммерческого успеха постановщик и его актеры и не ожидали. И тем не менее успех был. «Зал, публика, — делится своими ощущениями исполнительница роли Натальи Петровны Анук Гринберг, — была восприимчива ко всем волнениям сердца, которое ему (Мишелю Винаверу, — С.Д.) удалось заставить трепетать; это письмо, которое действительно построено на внутреннем волнении». Так современная французская публика соприкоснулась со словом Тургенева.

На вопрос о том, что значит для самой актрисы играть русский текст, насколько это для нее важно, Анук Гринберг отвечает: «Это настолько приятно для меня, так знакомо». «Каждый раз, когда я читаю по-русски, это дает мне странное ощущение обретения моего пространства, которого, однако, я не знала, — я никогда не была в России». Это признание из уст Анук Гринберг, принадлежащей уже третьему-четвертому поколению потомков первой русской эмиграции, еще раз напоминает нам, что понятие русской эмиграции невозможно ограничить лишь теми, кто непосредственно во взрослом возрасте уехал из России, и даже не только их детьми. Ощущение причастности к «своей» культуре часто остается и следующим поколениям. «C'est idiot (это глупо), — удивляется Анук сама себе, — но, когда я вижу русские книги, фотографии, я ищу среди лиц своих».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ На русский язык переведены пьесы «Поиски работы», «Отель Ифигения», «Женский портрет», «11 сентября 2001». В 2015 г. в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына прошла конференция и выставка «Творчество Мишеля Винавера: между Францией, Америкой и Россией», была издана книга, куда вошли, кроме статей

о творчестве и биографии драматурга, статьи о театре и перевод «11 сентября 2001» на русский язык, архивные документы, библиография. В апреле 2017 г. состоялась выставка в Воронежском университете, а в сентябре 2018-го – выставка в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном доме «Максим Винавер. “Пора возвращаться домой” (по материалам семейных архивов)». Во время встречи во Французской медиатеке Санкт-Петербурга, приуроченной к открытию последней выставки, Мишель Винавер рассказал в том числе об истории перевода «Месяца в деревне» И.С. Тургенева.

² Творчество Мишеля Винавера: между Францией, Америкой и Россией. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2017. С. 47.

³ Интервью Анук Гринберг Татьяне Викторовой 25 июля 2018 г. Отрывок из него публикуется ниже, на с. 203 данного номера. Далее процитированы слова А. Гринберг из этого интервью.

⁴ Между адаптацией и переводом, кубизмом и импрессионизмом: работа над «Месяцем в деревне» И.С. Тургенева. Интервью Мишеля Винавера Татьяне Викторовой // Творчество Мишеля Винавера... С. 240.

⁵ Интервью Анук Гринберг Татьяне Викторовой...

⁶ Мишель Винавер. Встреча во Французской медиатеке Санкт-Петербурга. 22 сентября 2018 г.

⁷ Там же.

⁸ Цит. по видеointerview Алена Франсона, опубликованного на сайте «Théâtre contemporain» («Современный театр»). Режим доступа: URL: <https://www.theatre-contemporain.net/spectacles/un-mois-a-la-campagne/>.

⁹ Между адаптацией и переводом, кубизмом и импрессионизмом... С. 241.

¹⁰ Ниже мы предлагаем перевод такой сцены из восьмой, четырнадцатой и пятнадцатой винаверовских «волн». – *Примеч. редакции.*

¹¹ См.: *Викторова Т.В.* «За борт» Мишеля Винавера: диалог с Борисом Шлёцером // Творчество Мишеля Винавера: между Францией, Америкой и Россией... С. 168–182.

¹² *Tougueniev Ivan.* Un mois à la campagne. Paris: L'Arche, 2018.

¹³ *Laçon Ph.* «Un mois à la campagne», le tourbillon des passions // *Libération.* 12 avril 2018. Available at: https://next.liberation.fr/theatre/2018/04/12/un-mois-a-la-campagne-le-tourbillon-des-passions_1642942.

¹⁴ *Darge F.* Alain Françon dans l'atmosphère tourmentée d'«Un mois à la campagne» // *Le Monde.* 14 mars 2018.

Между адаптацией и переводом,
кубизмом и импрессионизмом:
работа над «Месяцем в деревне»

И.С. Тургенева:
(Беседа Мишеля Винавера
с Татьяной Викторовой)

Т.В. — *Переводы — у основания Вашей драматической деятельности. Переводы хоров из Антигоны Софокла, Праздник Баумачника Деккера появляются одновременно с Вашими первыми пьесами, Корейцы и Привратники. Адаптации Дачников Горького и Самоубийцы Эрсмана занимают в этой практике значительное место, каждая из них стала событием на французской сцене.*

Как возникла мысль о переводе Месяца в деревне? Эта работа вписывается в предыдущий опыт? Представляет новый этап в Вашей переводческой — драматургической деятельности?

М.В. — Я занялся этим переводом по просьбе Фредерика Франка и Оливье Мантеи из театра *Bouffes du Nord*¹, замисливших постановку этой пьесы, и моей дочери Анук Гринберг, которая должна была сыграть в ней роль Натальи Петровны.

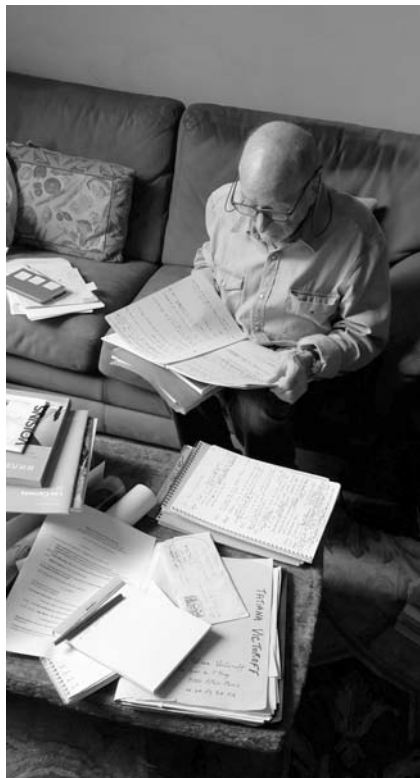
Я перечитал пьесу (которую почти забыл), и она мне очень понравилась. Вместе с тем она показалась мне чрезвычайно многословной, и я предложил моим заказчикам сократить ее. К тому же она очень далека от моей манеры письма: персонажи говорят все что думают, автор в изобилии поясняет их действия в сценических ремарках. Заказчики согласились: они знали, что изменения в тексте неизбежны, и, я думаю, именно поэтому они обратились ко мне. Первый переведенный фрагмент получил всеобщее одобрение, и я продолжил работу. Однако когда, окончив перевод, я прочел его целиком, возникло замешательство. Они не скрывали, что не узнают пьесы, с которой были знакомы по французским переводам Жоржа Даниэля и Дениса Роша² и по известной постановке Андре Барзака (André Barsacq) с Дельфиной Сейриг (Delphine Seyrig). Тогда я предложил им обратиться

к кому-то другому — или попытаться создать вторую версию, близкую к оригиналу.

Так возникло два варианта перевода этой пьесы, очень разных. И, по правде сказать, я не знаю, какой из них я предпочитаю.

Т.В. — *Чем они отличаются?*

М.В. — В первой версии я позволил себе «присвоить» оригинал и почти создать на его основе собственную пьесу. Я сжал монологи, переписал авторские ремарки, перестроил отдельные сцены: так, я усложнил отдельные эпизоды, где развивается параллельное действие, переплетая реплики персонажей разных сюжетных линий³. Или, к примеру, я перенес сцену между слугами Матфеем и Катей, которая открывает у Тургенева второе действие, в самое начало пьесы: тургеньевская тема сексуального давления, которая проявляется уже в самых низших слоях общества, показалась мне важнее других, и я поставил ее на первое место, изменив концовку.

Мицель Винавер. Работа над переводом «Месяца в деревне» И.С. Тургенева

Помимо этого, я снял все то, что касается «русского колорита» и избыточности тургеньевской манеры выражения. Эти изменения связаны главным образом с особенностями его языка: он очень обычный и лишен какой бы то ни было двусмысленности. Мне он хорошо

знаком, на таком языке говорили мои родители, когда я был ребенком. В этом смысле переводилось легко: мне не нужен был, как в случае с Эрдманом и Горьким, подстрочник, в свое время сделанный для меня отцом для точного понимания их пьес. Я также не обращался к существующим переводам: беглое знакомство с ними показало мне, что они очень близки и в них нет интересующей меня вариативности. Это неудивительно, имея в виду кристальную ясность тургеневского изложения.

Именно поэтому первоначально мне казалось важным переписать пьесу, мало соотносимую с моими представлениями о звучании слова на сцене.

Однако на втором этапе, когда заказчики театра *Bouffes du Nord* предложили мне вернуться к оригинальной версии, мне показалось интересным в точности последовать за Тургеневым по этому пути. Изменения во второй версии очень незначительны, я лишь облегчил язык и избежал слишком явных повторов. В итоге я был крайне удивлен, поскольку получил большое удовольствие и обнаружил в пьесе неведомые ранее источники Красоты.

Так я открыл для себя две эстетики перевода: первая версия может быть названа «кубистской» и напомнить, по манере выстраивания пьесы, Брака, Пикассо, Дюбюффе. Вторая – которая казалась мне прозаической – на деле оказалась просто другой эстетикой, «импрессионистической». Художники, которые позволяют почувствовать стиль этой переводческой работы, – Эдуард Мане и Клод Моне и, возможно, Пьер Боннар и Эдуард Вюйар⁴.

Т.В. — *Это возвращает нас к главному вопросу Вашей переводческой практики: пересматривается сам вопрос «точности», верности оригиналу. В чем она состоит? Наиболее адекватно передать мысль автора средствами другого языка – что влечет за собой неизбежные отклонения от текста оригинала – или же остаться максимально близким к его языку и стилю – а значит, очень вероятно, потерять французского зрителя? Или же еще, в Вашем случае драматурга, пишущего для сцены, – вдохновиться для создания художественного произведения на основе оригинала, которое позволило бы Вам неожиданно представить его новой аудитории, но Вашим, в том числе драматическим языком?*

М.В. — Можно сказать, что в первой версии я переписал «Месяц в деревне». Во второй — скрупулезно работал «внутри» тургеневской пьесы. Это не меняет того, что остается «дистанция огромного размера» между мной и Тургеневым. Я не был тем же ремесленником в обоих случаях: я трудился иначе.

Т.В. — *Сколько страниц в каждой версии?*

М.В. — Первая, краткая, составляет 138 страниц; вторая — около двухсот.

Т.В. — *Вы оставляете два термина: «адаптация» для первого, «перевод» для второго варианта пьесы.*

М.В. — Вместе с тем оба термина относительны: есть очень точно воспроизведенные места в первой версии, равно как элементы адаптации присущи второй. Так, к примеру, я не сохранил переходы отдельных персонажей на французский или обращение Натальи Петровны к Ракитину «Мишель». У меня он остается Мишей. Такие места кажутся мне непереводаемыми⁵ для французского зрителя.

Т.В. — *Можно ли сказать, что в «кубистской» версии перевода Вы оставляете большее «пространство» его воображению, его способностям расшифровать и домыслить содержание исходя из собственного мировосприятия, тогда как во второй, «импрессионистической», он «ведом» по законам русского классического театра?*

М.В. — Это именно так.

Т.В. — *С Вашей точки зрения, какая из версий больше соответствует восприятию современной французской публики, смотрящей русскую пьесу классического репертуара?*

М.В. — Не знаю. Я давал для чтения первую версию разным людям, и они были очарованы ею. При этом они не читали текст Тургенева и не видели его на сцене. Одна из них, Сара Сире (Sarah Siré) — преподавательница в Брюссельской школе тетаральных искусств *Le Cours Florent*, решила даже внести эту пьесу в учебные программы, что уверяет меня в том, что за первой версией тоже что-то стоит.

Т.В. — *Можно представить себе постановку двух версий?*

М.В. — Мне даже приходило в голову, что можно опубликовать их в одном томе как книгу-перевертыш, чтобы дать возможность каждому читателю, перевернув книгу и начав чтение «с конца», познакомиться с другой версией как с другой пьесой — вместе с тем отсылающей к тому же тургеневскому тексту. Это возбудило бы интерес к ее чтению, как позволило мне одновременно остаться «кубистом» и стать «импрессионистом», источником очарования и красоты. Это мне чуждо, но увлекло меня.

Посмотрим, что из этого выйдет!

21 декабря 2015.

Перевод с французского Татьяны Викторовой

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Один из старейших парижских театров, в котором были осуществлены прославленные постановки пьес Ибсена и Гауптмана (пост. Люнье По (Lugné-Poë)) и Шекспира (пост. Питера Брука (Peter Brook)). С именем последнего, начиная с 1975 года, связан новый творческий период в истории театра, русский репертуар которого включает поставленные в разное время пьесы «Бронепоход 14-69» Вс.Вяч. Иванова, «Нашествие» Л.М. Леонова, «Чайку» и «Дядю Ваню» А.П. Чехова.

² *Tourgueniev Ivan. Un mois à la campagne // Théâtre complet. T. 2 /trad. par Georges Daniel. Paris: l'Arche Editeur, 1964; Tourgueniev Ivan. Un mois à la campagne /trad. par Denis Roche. Folio Théâtre.*

³ Мы публикуем ниже отрывки из сцен с такого рода «параллельным действием». — *Примеч. редакции.*

⁴ Édouard Vuillard (1868–1940) — французский художник, принадлежавший к группе Наби (Nabi), выполнивший, в частности, декорации для постановок Люнье По в театре Bouffes du Nord в 1883–1884 гг.

⁵ «Étrangeté parasite».

Отрывок адаптации пьесы
И.С. Тургенева «Месяц в деревне»
Мишелем Винавером

Волна восьмая

*Сад. Алексей замечает Веру, беседующую с Катей.
У Алексея в руках летучий змей*

АЛЕКСЕЙ:

Кто бы мог мне помочь? Нужно привязать этому змею хвост.

ВЕРА:

В Москве Вы тоже делаете летучих змеев? И иногда пускаете их с крыши?

АЛЕКСЕЙ:

Идите сюда. Сядем-ка на скамейку. В Москве у нас нет времени на эти глупости.

КАТЯ:

Возьмите красной смородины, господин Беляев. Берите же целую горсть.

АЛЕКСЕЙ:

Спасибо, Катя. Она такая же румяная, как твои щеки.

ВЕРА:

У Вас золотые руки.

АЛЕКСЕЙ:

Повернитесь ко мне, чтоб я видел Вас.

ВЕРА:

Да на что ж Вам меня видеть?

АЛЕКСЕЙ:

Чтоб следить, что Вы делаете. За помощниками глаз да глаз. Сейчас мы проверим веревку. Нажмите здесь. По-моему, она не выдержит. Я потяну. Так и есть. Рвется. Ничего, значит, я удвою ее.

ВЕРА:

Что же Вы делаете в огромном городе?

АЛЕКСЕЙ:

Как что? Учусь, учусь...

ВЕРА:

У Вас, наверное, сотни друзей в Москве?

АЛЕКСЕЙ:

Как же!

ВЕРА:

А Вы их любите?

АЛЕКСЕЙ:

Еще бы!

ВЕРА:

Друзья... У меня — нет друзей. Барышни — глупые. Юношей же в нашем пансионе не было. Я была в пансионе у госпожи Болос. Наталья Петровна избавила меня оттуда. Моя мать была служанкой ее матери. Я у нее в доме выросла. Я сирота.

АЛЕКСЕЙ:

Вы любите Наталью Петровну?

ВЕРА:

Да, конечно!

АЛЕКСЕЙ:

И, чай, боитесь ее? Впрочем, как и я. Я тоже немного сирота. Моя мать умерла. Что ж делать! Унывать нам все-таки не следует.

ВЕРА:

Говорят, сироты дружатся.

АЛЕКСЕЙ:

Сколько я уже здесь?

ВЕРА:

Двадцать восемь дней.

АЛЕКСЕЙ:

Вы посчитали? Ну вот, кончено. Посмотрите, каков хвост! Он великолепен, правда? Зачем Вы вздыхаете? Вам скучно?

ВЕРА:

Вовсе нет, когда я с Вами. Вчера я шла наверх за книжкой — села на ступеньку лестницы и разрыдалась. А между тем я так счастлива!

АЛЕКСЕЙ:

У Вас вчера вечером были распухшие глаза.

ВЕРА:

А Вы на самом деле заметили, Алексей Николаевич?

АЛЕКСЕЙ:

Держите, Вера Александровна! Хотите пойдём к Коле, когда он кончит свой урок немецкого, и покажем ему этого змея?

ВЕРА:

Отчего Вы не зовете меня Верочкой?

АЛЕКСЕЙ:

А Вы меня можете называть Алексеем.

ВЕРА:

Слышите хруст гравия? Это Наталья Петровна. Побежали за Колей!

Волны четырнадцатая и пятнадцатая

*Малая гостиная. Наталья одна, затем Вера. Немного спустя
в другой части сцены появляются Ракитин и доктор,
увлеченные разговором*

ВЕРА:

Вы меня спрашивали, Наталья Петровна?

НАТАЛЬЯ:

Да, мне нужно с тобой серьезно поговорить. Сядь, душа моя.
У тебя все хорошо? Ты знаешь, что для всех ты еще только
ребенок.

ДОКТОР:

Без обиняков, помогите старому другу!

НАТАЛЬЯ:

Пора подумать о твоей будущности.

РАКИТИН:

Доктор, Вам нужен ассистент для сложной операции?

НАТАЛЬЯ:

Ты сирота, ты бедна. Рано или поздно тебе наскучит жить
у других людей.

ДОКТОР:

Что-то вроде этого. Но какая муха тебя укусила вмешиваться
в это дело, которое вовсе Вас не касается?

НАТАЛЬЯ:

Хочешь ты вдруг стать хозяйкой, полной хозяйкой в своем
доме?

РАКИТИН:

Я и сам удивлен. Но Наталья Петровна замолвила словцо...

НАТАЛЬЯ:

Ты не отвечаешь.

ВЕРА:

Боюсь, я Вас не совсем понимаю, Наталья Петровна.

ДОКТОР:

Нужно выручить старого знакомого, добрейшего человека!

НАТАЛЬЯ:

У меня просят твоей руки.

ДОКТОР:

Ну вот, вечно ввяжусь в какую-то историю...

НАТАЛЬЯ:

Ты этого не ожидала? Признаюсь, я тоже. Полная неожиданность. Ты еще так молода, Верочка...

ДОКТОР:

Будто мне нечего делать. На мне столько больных — ни минуты покоя... Нужно вскакивать с кровати и мчаться к ним среди ночи.

НАТАЛЬЯ:

Я не намерена принуждать тебя. Ты все решишь сама, душа моя. Что это? Ты вся дрожишь?

ВЕРА:

Я в Вашей власти, Наталья Петровна.

НАТАЛЬЯ:

Вовсе нет! Как, в моей власти? За кого ты меня считаешь? Не говори так. Слышишь меня? Вот так-то лучше. Верочка, душа моя, что с тобой? Вообрази, что я твоя старшая сестра. Прижмись ко мне. Так лучше? Я — твоя сестра и ты здесь у себя, дома. Стало быть, тебе и в голову не должно прийти, что от тебя здесь хотят отделаться.

ДОКТОР:

Что каждый занимается своим. Каждому свое дело. Это моя философия. Моя беда в том, что у меня слишком доброе сердце.

РАКИТИН:

Ваша беда в том, что Большинцов — неисправимый идиот.

ДОКТОР:

С этим ничего не поделаешь. Но если бы женились только умные, на земле бы уже никого не осталось.

НАТАЛЬЯ:

Так-то. А теперь в один прекрасный день твоя сестра приходит к тебе и говорит: «Вообрази, малышка, за тебя сватаются». О чем ты прежде подумаешь? Слишком рано?

ВЕРА:

Как Вам угодно.

НАТАЛЬЯ:

Ну разве старшей сестре говорят «как Вам угодно»? На все своя воля!

ВЕРА:

Тогда я скажу: да, я еще слишком молода.

НАТАЛЬЯ:

Вот так-то.

РАКИТИН:

Ну все же, дорогой доктор, ведь Вы же не птенец, отчего не оставить дурака в покое?

НАТАЛЬЯ:

Вот и я так думаю, жениху откажут, и делу конец.

А теперь предположим, что он человек хороший, с состоянием, что он готов ждать...

ДОКТОР:

Впрочем, я не скрою от Вас, доктор, что одна из моих лошадей... то есть моя единственная лошадь, на ноги села.

РАКИТИН:

И Ваш друг...

ДОКТОР:

Весьма сочувствует мне.

РАКИТИН:

Вполне понимаю.

ВЕРА:

А кто этот жених?

НАТАЛЬЯ:

А, то-то же! Тебе интересно! Ни за что не скажу! Это наш сосед, обладатель прекрасного имения, которому все завидуют.

ВЕРА:

Большинцов? (*Она смеется.*)

НАТАЛЬЯ:

Он, конечно, не первой свежести, и собой не Адонис.

ВЕРА:

Вы, конечно, шутите.

НАТАЛЬЯ:

Итак, дело решенное. Если бы ты разрыдалась при его имени, он мог бы еще надеяться. Но ты расхохоталась.

ВЕРА:

Извините меня, но разве в его лета еще женятся? И... Наталья Петровна, Вы только посмотрите на него!

НАТАЛЬЯ:

Дорогой Большинцов, Ваше дело — кончено.

ДОКТОР:

Большинцов, да. Он дарит мне целую тройку лошадей. Белую, рыжую и гнедую. И карету.

РАКИТИН:

У Большинцова — состояние. И не скупится.

ДОКТОР:

Он — бесхитростный, из одного куска. Как его имение.

РАКИТИН:

Которое теряется за этими холмами.

НАТАЛЬЯ:

Как глупо, что я забыла, что Вы все теперь хотите выйти замуж по любви.

ВЕРА:

А разве Вы, Наталья Петровна, Вы тоже не по любви вышли замуж?

ДОКТОР:

Если бы только Наталья Петровна ясно сказала — да или нет! Но она лукавит. И Большинцов не дает мне покоя.

РАКИТИН:

Да и лошади хороши.

НАТАЛЬЯ:

Признаюсь, мне самой было трудно представить себе твое прекрасное личико на подушке рядом с его харей. Говорю откровенно. Моей сестренке больше не страшно?

ВЕРА:

О, совсем нет!

НАТАЛЬЯ:

Ну что ж. Ты не хочешь выйти замуж за Большинцова, потому что он слишком стар, слишком безобразен. Но только поэтому?

ВЕРА:

Разве этого не довольно?

НАТАЛЬЯ:

Я не спорю.

РАКИТИН:

Что Вы хотите от меня?

ДОКТОР:

Дорогой Михайло Александрыч, мы знаем, что Наталья Петровна очень Вас уважает и даже иногда слушается Вас...

Будьте друг, замолвите словечко...

РАКИТИН:

Она потому прислушивается к моим словам, что я советую только то, во что верю сам.

НАТАЛЬЯ:

Но ты не отвечаешь на мой вопрос.

ВЕРА:

Другой причины нету.

НАТАЛЬЯ:

Тогда конечно, это несколько меняет положение...

ВЕРА:

Что Вы хотите сказать, Наталья Петровна?

НАТАЛЬЯ:

Я вполне понимаю, что ты никогда не сможешь влюбиться в Большинцова. Но он хороший человек. И ведь у тебя никого нет? К кому бы склонилось твое сердце?

ВЕРА:

У меня Вы и Коля.

НАТАЛЬЯ:

Да, конечно... Вера, ведь ты понимаешь, о чем я говорю. Среди молодых людей, которых ты встречала, нет ли...

ВЕРА:

Иные мне нравятся.

РАКИТИН:

Доктор, Вы действительно верите... я хочу сказать, скажите честно: это хороший муж для молоденькой барышни?

ДОКТОР:

Послушайте, Ракитин, что самое ценное в браке? Солидность. А уж Большинцов сама солидность!

Они удаляются.

НАТАЛЬЯ:

Например, я заметила, что на вечере у Криницных ты три раза танцевала с тем же длинноногим блондином-офицером.

ВЕРА:

Его усы щекотали мне шею, когда он наклонялся, чтоб шептать о погоде.

НАТАЛЬЯ:

А другие? Скажем, наш философ, господин Ракитин?

ВЕРА:

Он такой внимательный, учтивый.

НАТАЛЬЯ:

Ну да, как старший брат. А новый опекун?

ВЕРА:

Алексей Николаевич?

НАТАЛЬЯ:

Алексей Николаевич.

ВЕРА:

Алексей Николаевич мне очень нравится.

НАТАЛЬЯ:

Жаль, что он так дичится со всеми.

ВЕРА:

Нет-с... Он со мной не дичится. Мы с ним болтаем. Вам, быть может, оттого это кажется, что он... боится Вас.

НАТАЛЬЯ:

А почему ты знаешь?

ВЕРА:

Он мне сказал. Он еще не знает Вас. Я ему скажу, что Вы...

НАТАЛЬЯ:

Ах, нет! Ничего не говори!

ВЕРА:

Мы оба — сироты. Он говорил мне, что сироты узнают друг друга издали и дружатся.

Перевод с французского Татьяны Викторовой

«Встреча французской публики с Тургеневым»

(из интервью Анук Гринберг,
сыгравшей роль Натальи Петровны)*

Т.В. — Анук, как родилась мысль поставить спектакль «Месяц в деревне»?

А.Г. — Это почти семейная история. Лет тридцать назад мой отец послал мне почтой эту книгу, приложив записку: «Быть может, когда-нибудь ты прочтешь эту книгу, и она понравится тебе». Я прочла и словно окунулась в мой мир. Помню сильнейшее эмоциональное потрясение. Я плакала и плакала, не от грусти — но от волнующей красоты этого текста. Прошли годы. У меня и мысли не было играть эту пьесу — ибо вовсе не обязательно выносить на сцену все то, что позволяет нам прикоснуться к красоте. Порой это можно просто хранить для себя.

Но три года назад мой отец попал под машину, и его жизнь была на грани. Отец — самое дорогое, что у меня есть. Когда я увидела, что он готов сдать, я пришла к нему в больницу с пьесой Тургенева, с русским и французским словарем, с набором ручек и сказала: «Нужно жить и работать. Нужно перевести эту пьесу. Я найду постановщика — и ты увидишь ее на сцене». Он посмотрел на меня с недоверием, однако что-то зажглось в его глазах, и на следующий день он приступил к работе. С этого момента он вновь обрел свое лицо — то есть облик интеллектуала; он более не был больничным пленником. К тому же это было возвращением к его корням, к русскому языку.

Вообще-то Тургенев — не «его» автор. Он не близок ему и очень далек от его видения театра. Но, я думаю, он перевел

* Интервью с Татьяной Викторовой в связи с парижской постановкой «Месяца в деревне» в режиссуре Алена Франсона (Alain Françon), 25 июня 2018 г.

Анук Гринберг (Anouk Grinberg) — известная французская актриса, художница, автор ярких постановок Авиньонских театральных фестивалей. Дочь французского драматурга Мишеля Винавера.

эту пьесу в каком-то смысле для меня. Я же думала о нем. И он встал на ноги — в буквальном смысле слова, сам вышел из больницы. Тогда я добилась постановки, за которую взялся лучший современный французский режиссер Ален Франсон (Alain Françon) — большой друг Мишеля Винавера, который поставил многие его пьесы. С этого момента я решила быть уже не его дочерью, но его партнером. Когда я была не согласна, я прямо говорила об этом, хотя совсем не просто сказать «ты не прав» ни отцу, ни Винаверу. Но я «пилотировала» этот проект — в каком-то смысле стала его покровительницей.

Мне кажется, сначала Тургенев казался моему отцу почти второстепенным автором — слишком изобильным, слишком психологическим. Чрезвычайно многословным — а в театре это большой недостаток. И он начал копошиться в тургеневском тексте, пытаясь «улучшить» его. Первый перевод вышел очень странным. Когда я прочла его, я пришла в ужас — как теперь выйти из положения? Он же был доволен. Главное, в новом тексте уже больше не было Тургенева. Это было подобно тому, что Пикассо сделал из «Завтрака на траве» Клода Моне, всецело переписав картину. Мотив — тот же, но уже более ничего общего с этим ушедшим очарованием, с универсальностью тургеневского слова. Я сказала ему: «Ты создал Пикассо, я же просила тебя быть реставратором Моне». Он был недоволен. Но я видела, что взгляд его по-прежнему горит, поскольку он прежде всего — интеллектуал, творец. И он согласился сделать вторую версию, более близкую Тургеневу, стать «его» автором. И, как мне кажется, он создал подлинный гимн жизни, что-то очень «женственное», если можно употребить это слово по отношению к литературному тексту.

<...>

Это не только подарок мне. Это подарок жизни. Жизни во имя жизни. И зал, зрители очень тонко восприняли тончайшие модуляции звучания тургеневского слова в интерпретации Винавера благодаря его мельчайшим находкам — которые, однако, приводят в движение сокровенные струны наших сердец. Когда мы работали над этой пьесой, мы все не рассчитывали на успех, на выход к широкой публике. Тем более неожиданен был столь широкий резонанс. Этот успех — не коммерческий, не уступка современным вкусам,

это — подлинная встреча сегодняшней французской публики с Тургеневым.

Тургенев-драматург не так уж известен во Франции — ему не повезло ни с постановщиками, ни с актерами, нерасторопными и сосредоточенными на себе... Все это губительно для театра. Мы же работали с великолепным режиссером-постановщиком. Ален Франсон организовал эту работу наподобие домашнего оркестра, где каждый играл роль, которая была главной. И нам нравилось работать вместе. Было ощущение, что Тургенев создал что-то невероятное, смог изобразить нечто, что надломилось в его собственной душе. Реализовал то, в чем состоит смысл искусства: преобразить то, что нам мешает жить, для того, чтобы жить.

Работа Мишеля Винавера была необходима для того, чтобы этот текст зазвучал для французов. Как мудрый садовник, он подрезал несколько тонких ветвей у этого дерева с обильной кроной для того, чтобы сквозь нее могли проникать лучи света. Я прочла все существующие переводы «Месяца в деревне». Только в винаверовском я слышу подлинный диалог двух писателей. У меня впечатление, что Тургенев помог Винаверу преодолеть Винавера...

Это прекрасный танец двух авторов, в котором сплелись жизнь, случай, наши собственные близкие отношения. Я вошла в этот танец со всей нашей труппой. У всех актеров были во время игры настоящие лица, они верили в то, что говорили. Диалог продолжался и когда они молчали. Мы чувствовали себя вместе с Винавером «переводчиками» тургеневского текста, передавая игрой то, о чем не сказано прямо.

Т.В. — Что означает для Вас, в личном плане, этот опыт исполнения роли Натальи Петровны, главной героини тургеневской пьесы? Вам близок «русский миф» автора?

А.Г. — Россия, русский язык кажутся мне родными. Я влюблена в эту культуру, при каждом соприкосновении с нею мне кажется, что я в моем собственном мире, — это тем более парадоксально, что я не знаю его в достаточной мере. Как если бы я была сиротой, и нахожу мать, отца, моих сестер и дядей в этом мире... Когда я читаю русские книги, смотрю на фотографии русских — это почти абсурд, — я ищу в этих лицах свои черты... Такое же воздействие производит на меня русская музыка.

Что касается тургеневской пьесы, я играла в ней, как никогда до этого. Для того, чтобы жил мой отец, для того, чтобы зазвучал этот текст.

Т.В. — *Не могли бы Вы сказать несколько слов о Вашей «встрече» с Мариной Цветаевой?*

А.Г. — С Цветаевой нас тесно связал Цветан Тодоров. Для меня было большой честью, когда он предложил мне сопровождать его во время его выступлений о Цветаевой. Это было похоже на танец вдвоем: он говорил, я читала цветаевские стихи. И поскольку Тодоров был очень требователен, он попросил меня для этого прочесть из Цветаевой *все*, что я могу. Так я полюбила не только ее стихи — но и ее письма. Мы поставили в Авиньоне спектакль по ее переписке. Цветаева во всем, как кажется, противостоит Тургеневу. Он сохранял элементы «гражданственности» и в минуты самых больших потрясений, Цветаева же полностью порвала с миром, она горела, горела, горела... она не была создана для жизни в обществе. Читая ее тексты, я поняла, что она — часть меня. Как если бы она была моей сестрой.

Перевод с французского Татьяны Викторовой

*К столетию поэмы А.А. Блока
«Двенадцать»*

АЛЕКСАНДР МЕДВЕДЕВ

**«А все-таки Христа я никому не отдам»:
истоки образа Христа в поэме А. Блока
«Двенадцать»**

Поэме «Двенадцать» – 100 лет. Она была создана Блоком в «необыкновенно выюжные дни», с 8 по 28 января 1918 года, первые восемь главок из двенадцати были написаны на одном дыхании, почти начисто. С момента своего появления и до сегодняшнего дня поэма является «камнем преткновения», предметом бурной полемики, едва ли не самым загадочным русским текстом XX столетия во многом благодаря венчающему поэму образу Христа, метафизически размыкающему исторические горизонты той эпохи...

В небывалой для той поры модернистской поэме Блок гениально выразил «дух времени». Прочитав поэму, А.М. Ремизов был поражен «музыкой уличных слов и выражений», «подскрёбом» самых неожиданных слов: «В “Двенадцати” всего несколько книжных слов!»¹. В полифонической, ритмически рваной форме (О. Мандельштам назвал поэму «монументальной драматической частушкой»²), свободно меняя регистры (фабричная и солдатская частушки, революционные песни и лозунги, народная песня, городской романс, церковные напевы...), Блок переложил на стихи услышанную им «музыку революции», по сути, предвосхищая музыкальный язык Шостаковича... Многоголосье, дисгармония, диссонансы, синкопы, динамические контрасты социального катаклизма 1917 года разрешаются в финале поэмы

гармоничной кодой — «надвыюжным» и «жемчужным» шествием «Исуса Христа».

Предельно лаконичная форма поэмы (12 «песен»), подобно кинохронике, запечатлела эпохальный «разлом» русской истории, определивший судьбу России и Европы вплоть до нашей современности. Как и в пушкинском «Годунове», давшем формулу русской истории (убийство ребенка с целью достижения власти), Блок выразил в поэме формулу русского XX века — человек вновь становится жертвой (убийство красноармейцем Петрухой Катьки из-за ее любовной измены с «классовым врагом» Ванькой), через которую красноармейцы с легкостью переступают ради высоких целей «революции». Глубинная причина этого «революционного» преступления — дьявольская подмена вечных гуманистических ценностей классовым подходом к человеку, «пролетарской моралью». Об отрицании большевиками христианских ценностей как общечеловеческих (человек — образ Божий) писал Н.А. Бердяев в до сих пор малоизвестной, но пронизательной статье «Была ли в России революция?», опубликованной в ноябре 1917-го, меньше, чем через месяц после октябрьского переворота: «В целых классах общества отрицается человек, не уважается личность... Нынешнее же яростное и злобное деление на мир “буржуазный” и мир “социалистический” есть окончательная измена христианству и окончательное отрицание человечества, как единого рода Божьего»³.

В поэме отразились установки русского сознания «революционной эпохи». Прежде всего это анархия, нигилизм («Свобода, свобода, / Эх, эх, без креста! / Тра-та-та!»), выраженные в аллитерации звука *ж* в строках, которые, по свидетельству К. Чуковского, пришли Блоку первыми:

*Уж я ножичком
Полосну, полосну!..*

Разгул этой национальной уголовной стихии в большевизме («На спину б надо бубновый туз!»), прикрытой революционной риторикой (за убийством Катьки следует лозунг «Революционный держите шаг! / Неугомонный не дремлет враг!»), точно почувствовал Ф. Шаляпин: «Большевистская практика оказалась еще страшнее большевистских теорий.

<...> ...Пришел Федька-каторжник Достоевского со своим ножом»⁴.

Блок запечатлел в поэме и социальный утопизм, синтез революционного сознания с русским православным мессианизмом, претензией на спасение всего мира:

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови –
Господи, благослови!

В эту идею вначале верил и сам автор: «...содержанием всей жизни становится всемирная Революция, во главе которой стоит Россия», – писал Блок жене 21 июня 1917 года⁵. И при этом, независимо от политической позиции автора, поэма впечатляет контрастом между утопической революционной идеологией и полностью разрушенной этой идеологией реальностью, продуваемой насквозь пронизывающим ветром:

Ветер, ветер –
На всем Божьем свете!

Поэма была написана спустя всего три месяца после октябрьских событий 1917-го, когда Блок был еще вдохновлен «Революцией» на волне народнического мессианизма – неославянофильской мифологизации простого народа и романтизации стихийной народной жизни как источника высшей правды, что было во многом обусловлено дворянским комплексом вины перед народом за его многовековое крепостное рабство. Так, в письме к Л.Д. Блок от 21 июня 1917 года Блок признавался в своей ненависти к интеллигенции, которой противопоставлял «великий, умный и добрый народ»⁶. А чуть ранее, в Дневнике от 19 июня того же года, оправдывал насилие революционной народной массы над «буржуазной» интеллигенцией: «Какое *право* имеем мы (мозг страны) нашим дрянным буржуазным недоверием оскорблять умный, спокойный и много знающий революционный народ? Нервы расстроены. Нет, я не удивлюсь еще раз, если *нас* перережут, во имя *ПОРЯДКА*»⁷.

Поэт был полон надежд на грозное очищение, полное обновление жизни, вспоминая в статье «Интеллигенция

и революция» (Знамя труда. 1918. 19 января), написанной в период создания поэмы, слова Т. Карлейля из «Истории Французской революции» (1837) о том, что «демократия приходит, “опоясанная бурей”»⁸. Книгу Карлейля Блок внимательно прочитал (о чем говорит множество карандашных помет на полях книги из блоковской библиотеки⁹) еще в 1911-м, назвав ее «гениальной»¹⁰. Блок отмечает на полях знаком NB мысль Карлейля о том, что Французская революция — «великое явление, мало того, явление т р а н с ц е н д е н т а л ь н о е¹¹ (здесь и далее в цитатах из Карлейля подчеркивание Блока. — А.М.), превышающее всякие правила, всякий опыт, явление, венчающее наши новые времена!»¹² Чудо Французской революции заключается в том, что в нации, вопреки «скептицизму, чувственности, сентиментальности, пустому макиавеллизму», выросла «пылающая в сердце народа» вера¹³ в высшие идеалы (братский рай на земле): «...в этой изумительной вере ее и заключается чудо. Это вера, несомненно, самого чудесного характера, даже среди других вер, и она воплотится в чудеса. Она — душа этого мирового чуда, называемого французской революцией, перед которой мир до сих пор исполнен изумления и трепета»¹⁴. Этот фрагмент Блок отмечает на полях NB¹⁵.

На российские события 1917-го Блок мог проецировать и мысль о грандиозном периоде «мрачного “смерти-рождения мира”» в истории Франции (сентябрь 1792-го): «...нация, порвав свои политические и общественные установления, превратившиеся для нее в погребальный саван, становится т р а н с ц е н д е н т а л ь н о й и должна прокладывать себе дикий путь сквозь хаотическое Новое, где сила еще не отличает дозволенного от запрещенного и преступление и добродетель бушуют вместе, нераздельные, во власти страстей, ужаса и чудес!»¹⁶ При этом Карлейль раскрывает антиномию «ужасного» и «великого» в этом периоде Французской революции через христианскую метафорику, что очень близко блоковскому финалу: «Санкюлотизм¹⁷ царит во всем своем величии и гнусности: евангелие (божественная весть) прав человека, его мощи или силы, проповедуется еще раз, в качестве неопровержимой истины; а наряду с ним, и еще громче, разносится страшная весть сатаны — о слабостях и грехах человека»¹⁸. В этом же антиномическом духе в январе 1918-го

Блок видит у каждого красногвардейца «ангельские крылья за плечами»¹⁹.

Исходя из этой аналогии с Великой французской революцией, становятся понятно блоковское оправдание неизбежных жертв русской революции (в которых он видел расплату, возмездие за многовековое крепостничество) благими целями Революции. Характерную в этом смысле реакцию на убийство 25 января (7 февраля) 1918 года митрополита Киевского Владимира (Богоявленского), первого православного епископа-мученика — жертвы красного террора, приводит в своих воспоминаниях В.А. Зоргенфрей: «Помню, в дни переворота в Киеве и кошмарного по обстановке убийства митрополита, когда я высказал свой ужас, А.А. с необычною для него страстностью в голосе почти воскликнул: “И хорошо, что убили... и если бы даже *не его* убили, было бы хорошо”. Говорил это человек глубоко религиозный, вовсе не чуждый обрядности, — тот самый, что в минувшем году, по поводу не вполне почтительного моего эпитета, относящегося к лицу духовному, неодобрительно нахмурился, пояснив, что очень уважает русское духовенство. “Относитесь безлично”, — говорил он в трудные дни, отзываясь на мои сетования обывательского свойства; “я приучаю себя относиться безлично — это мне иногда удается”»²⁰.

В России линию обоснования социализма христианской этикой продолжил В. Белинский. В письме к Н.В. Гоголю от 15 июля 1847 года он подчеркивал принципиальное отличие евангельского Христа от Православной церкви как «опоры кнута и угодницы деспотизма»: «Он первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлел, утвердил истину Своего учения. И оно только до тех пор и было *спасением* людей, пока не организовалось в церковь и не приняло за основание принципа ортодоксии. Церковь же явилась иерархией, стало быть, поборницею неравенства, льстецом власти, врагом и гонительницею братства между людьми²¹, — чем и продолжает быть до сих пор»²². И в известных воспоминаниях Достоевского из «Дневника писателя» (1873) Белинский утверждал, что если бы Христос вновь пришел, то непременно примкнул бы к движению социалистов: «Эти двигатели человечества, к которым предназначалось примкнуть Христу, были тогда всё французы: прежде

всех Жорж Занд, теперь совершенно забытый Кабет, Пьер Леру и Прудон, тогда еще только начинавший свою деятельность»²³. Именно в этом ключе следует понимать дневниковую запись Блока от 10 марта 1918 года, в которой он пытался объяснить, почему в поэме именно Христос ведет красногвардейцев: «Если бы в России существовало действительное духовенство, а не только сословие нравственно тупых людей духовного звания, оно давно бы “учло” то обстоятельство, что “Христос с красногвардейцами”. Едва ли можно оспорить эту истину, простую для читавших Евангелие и думавших о нем. <...> “Красная гвардия” — “вода” на мельницу христианской церкви»²⁴.

В этом контексте обратим внимание на стихотворение Вс. Крестовского «Париж, июль 1848» (1860) как один из важнейших источников образа блоковского Христа. В. Завалишин вспоминал, что это стихотворение, «подчеркнутое Блоком красным карандашом», хранилось в бумагах Левина²⁵ и что, со слов Л.Д. Блок, оно «привлекло поэта во время работы над поэмой»²⁶. В стихотворении Крестовского Христос является людям в том же духе христианского социализма — на парижских баррикадах для помощи погибающим революционерам. После революции 1905 года это стихотворение получило новую актуализацию: под названием «Последняя баррикада» оно завершало собой сборник «Песни борьбы» (1906):

<...>
 Но вот и последний упал
 Оплот угасавшей надежды...
 Вдруг кто-то над павшими встал
 В сиянии белой одежды:

Над облаком дыма, во мгле
 Стоял он на той баррикаде
 С терновым венцом на челе
 И с мукой предсмертной во взгляде.

Он руки свои простирал,
 Гвоздями пробитые руки,
 И лик его кроткий дышал
 Страданьем божественной муки.

Ветвь мира для мира всего
Держал он средь павшего стана,
И в правом боку у него
Сочилася новая рана
<...>²⁷.

Крестовский воспринимает революцию как новое распятие Христа-революционера. И у Крестовского, как и у Блока, Христос появляется неожиданно («вдруг»). Как и в «Двенадцати», Христос предстает здесь в образе «Сына Человеческого», «кроткого» и «нежного», вновь сошедшего на землю и страдающего во имя людей. Помимо совпадения «красного знамени» Крестовского с «красным» «кровавым флагом», с которым идет блоковский Христос, сходство Христа Крестовского («В сиянии белой одежды», «С терновым венцом на челе») с блоковским («В белом венчике из роз») — в мотиве белого цвета и венца.

Социальная идея христианства присутствует и в знаменитой книге Э. Ренана «Жизнь Иисуса» (1863), которую Блок читал накануне создания поэмы, 7 января, о чем говорит упоминание французского названия этой книги в его записной книжке²⁸. У Ренана Христос предстает пришедшим к беднякам и грешникам гуманистом и демократом («Сын Человеческий, друг мытарям и грешникам», пришедший «призвать не праведников, но грешников к покаянию» — Мф 11: 19, 9: 13), совершившим реформацию, *нравственную революцию*, которая разрушила расовую религию иудаизма, Римскую империю, отделила религию от государства, тем самым кардинально изменив мир: «Иисус более не иудей, он крайний революционер, призывающий всех людей к культу, основанному исключительно на достоинстве человека, как чада божьего (здесь и далее в цитате курсив мой. — А.М.). Он провозглашает *права человека* — не права иудея, религию человека — не религию иудея, освобождение человека — не освобождение иудея. <...> Создалась религия человечества, но основанная не на роде, а на сердце. Моисей превзойден, храм утратил право на существование и осужден безвозвратно»²⁹.

Именно в ренановском ключе социального прочтения христианства в апреле 1918 года поэму «Двенадцать» понимал Иванов-Разумник³⁰, воспринимая русскую революцию как

продолжение христианского освобождения личности (но уже не только в духовном, но в социальном плане): «В свое время христианская революция рождала в мир “нового человека”, духовно свободного, — и потерпела крушение на встречном замысле старого мира: духовно свободного оставить все же физически, экономически, социально, а потому и духовно — поработленным. С этим “взрывом изнутри” былой духовной революции старым миром вступила теперь в борьбу революция социальная, и ее благая весть — прежняя: освобождение человека. Но на этот раз — освобождение полное: физическое, социальное, духовное»³¹. Блоку была близка эта интерпретация поэмы, 14 апреля 1918 года он отметил в записной книжке: «Издавать “Двенадцать” и “Скифов” вместе со статьей Иванова-Разумника. Я исследовал ее ночью»³².

Еще один источник блоковского Христа — русское народничество, религиозные истоки которого (жертвенность, аскетизм) раскрыл Г.П. Федотов, отмечавший, что «Исторические письма» Лаврова заменили народникам Евангелие и что народники, подобно аскетам («бродячие апостолы»), отрекались от земных радостей ради предавшего их народа: «Никто из врагов не мог найти ни пятнышка на их мученических ризах. За Лавровым, за Боклем явно стоит образ иного Учителя, зовущего на жертвенную смерть. Если от мира подпольных социалистов обратиться к искусству 70-х годов, то мы поразимся, как в гражданской поэзии, в живописи передвижников — всюду возносится, сорванная с киота, икона Христа: Крамской, Поленов, Ге, Некрасов, К.Р., Надсон не устают ловить своей слабой кистью, лепечущими устами святые черты. Этот бледный Христос, слишком очеловеченный, слишком нежный, может раздражать людей консервативной церковной традиции. Но еще большой вопрос, чей Христос ближе к Подлиннику»³³. Эти федотовские слова 1927 года о «слишком очеловеченном, слишком нежном» Христе, который раздражает консервативных православных, но который при этом своей этической направленностью оказывается ближе к Евангелию, — как будто сказаны именно о блоковском Христе.

Эти же христианские установки Блок видел в вышедших из народников террористах-народовольцах. В письме к В.В. Розанову от 20 февраля 1909 года поэт признавался,

что, остро ощущая чудовищное социальное неравенство, не осуждает террора и воспринимает революционеров «как истинных героев, с сиянием мученической правды на лице», ссылаясь при этом на образ эсера-террориста И.П. Каляева в воспоминаниях Е. Созонова: «...без малейшей корысти, без малейшей надежды на спасение от пыток, каторги и казни. <...> Революция русская в ее лучших представителях — юность с нимбом вокруг лица»³⁴. В созиновских воспоминаниях образ Каляева предстает аскетичным, жертвенным, мученическим, мессианским, являя собой «сказочное сочетание силы, нежности, красоты и... святости»³⁵. Его «худощавое лицо аскета с улыбкой ясной и озаряющей» сравнивается с «юношей Сергием Радонежским на картине Нестерова»; жертва своей жизнью во имя народа и будущего счастья всего человечества «должна быть чистой, непорочной», а в царстве будущего «полновластно царит красота, свобода и справедливость»³⁶.

Ключом к старообрядческому «Исусу» Блока³⁷, на наш взгляд, являются идеи народовольцев о «потенциальной революционности раскола» (так, А.Д. Михайлов около года жил в старообрядческом селе — в «народнической Фиваиде на Волге»; В.Н. Фигнер была потрясена мученичеством боярыни Морозовой и протопопа Аввакума): «Через 200 лет мученикам двуперстия откликаются мученики социализма. Это дает право понять природу нового движения как христианской секты, сродной тем, что возникли на почве раскола, бегунам, беспоповцам, взыскующим града, с эсхатологической устремленностью, с жаждой огненной смерти»³⁸.

Христианские корни социализма Блок находит и в народном религиозном сознании. В черновике поэмы на странице X главки в верхнем левом углу Блок записывает фразу: «И был с разбойником Жило двенадцать разбойников». Подчеркнутые поэтом слова отсылают к евангельскому сюжету распятия Христа между двумя разбойниками, один из которых покался, был прощен Христом и первым вошел в Царствие Небесное (см. Лк 23: 32–43). Этот евангельский образ восходит к пророчеству пророка Исаии: «...предал душу Свою на смерть, и к злодеям причтен был, тогда как Он понес на Себе грех многих и за преступников сделался ходатаем» (Ис 53: 12). За библейской аллюзией у Блока проступает реновский Христос-демократ, близкий к «разбойникам» в лице

красногвардейцев. Именно так прочитывал «Двенадцать» упомянутый выше Иванов-Разумник — как поэму «о том, как через этих же самых запачканных в крови людей в мир идет новая благая весть о человеческом освобождении. Ибо ведь и двенадцать апостолов были убийцы и грешники»³⁹. Это соотношение красногвардейцев с апостолами кодировано Блоком в символике названия поэмы и собственно в их именах (Петруха, Андрияха...), отсылающих к апостолам Петру и Андрею.

Вторая часть фразы отсылает к стилизованному в духе народной легенды рассказу Ионушки «О двух великих грешниках» (1876)⁴⁰ из поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», где речь идет о раскаявшемся и прощенном разбойнике — атамане Кудеяре («Вдруг у разбойника лютого / Совесть Господь пробудил»). Социальное возмездие (убийство Кудеяром пана Глуховского) искупает все грехи убийцы: «скатилось / С инока бремя грехов!...». Таким образом, сердцевинная идея Евангелия о близости Распятого к разбойнику, идея кенотического, милосердного схождения Христа к грешнику (столь значимая для русского религиозного сознания) была воспринята Блоком в поэме в социальном преломлении (Некрасов).

Итак, для Блока была важна европейская и русская традиция (в контексте Великой французской революции) восприятия Христа и христианской этики в *социальном* плане — жертвенного служения народу и его освобождения от рабства («свобода, равенство, братство»)... Именно эта традиция (от Карлейля и Ренана до Крестовского и Некрасова) помогает понять блоковское принятие октября 1917 года по аналогии с Французской революцией — оправдание насилия ради «евангельской вести прав человека» и видение того, как нация, движимая верой в высшие идеалы, прокладывает свой путь через «хаотическое Новое» и «становится трансцендентальной» (Карлейль). Эту трансцендентальность, на наш взгляд, и воплощает финальный образ Христа, преодолевающий национальный нигилизм и выражающий прорыв русской истории к гуманистическим идеалам свободы, братства, любви и сострадания к человеку. Именно к этим этическим ценностям, к которым рванулась Россия в 1917 году, и ведет своих «апостолов» блоковский Христос. Тем самым

метафизический финал поэмы вписывает события 1917 года в европейский историко-культурный контекст, восстанавливает связь русской революции с христианской культурой.

Даже такой непримиримый противник большевизма, как Г.П. Федотов, признавал в статье, посвященной 20-летию октябрьских событий (Новая Россия. 1937. 7 ноября. № 35), что октябрь 1917 года потенциально мог стать «краеугольной легендой новой России — нашим национальным 14 июля», поскольку в народном движении 1917 года вместе с классовой ненавистью был и мощный «культурно-творческий порыв народа» («пафос правды», «стремление к истине и свободе») ⁴¹. По Федотову, октябрь мог стать русской революцией, если бы произошло «примирение уцелевших классов, мирный труд и равный для всех закон», которые вывели бы Россию на путь подлинной демократии, но этого не случилось. Благородный национальный порыв, вызванный Февральской революцией, большевики сковали не только политически, но и духовно ⁴².

Эта идея приобщенности русской революции к европейской истории открывается в блоковском Христе М. Пришвину спустя 33 года после появления поэмы, с вершины пережитого им исторического опыта. В дневниковой записи от 16 марта 1951 года, за три года до смерти, он поражается глубине блоковского финала, непонятого современниками: «Боже мой! я, кажется, только сейчас подхожу к тому, что сказал Блок в “Двенадцати”. Фигура в белом венчике есть последняя и крайняя попытка отстоять мировую культуру нашей революции. Как же я тогда этого не понимал, как медленно душа моя опознает современность» ⁴³. И сам Пришвин был одним из тех, кто в 1918-м не принял поэму Блока, вступив с ним в жесткую полемику: «Мне казалось тогда, что наша революция чертово дело ⁴⁴, а Блоку открывалось, что ее ведет Христос» (4 февраля 1951) ⁴⁵. Еще до октябрьского переворота, 14 сентября 1917 года, Пришвин пытается понять, насколько революционные события в России соотносятся с цивилизационным развитием (Великая французская революция), и уже тогда предчувствует, что они представляют собой не интеграцию с европейской историей, а русскую смуту — «домашний» путь, ведущий в исторический тупик: «...это не революция, а смута, потому что революция есть этап мировой истории, а смута — это дело

домашнее, это китайская революция. <...> ...Это смута, потому что мы ничего не достигаем и все теряем»⁴⁶. Ключевым критерием в этой оценке для Пришвина является то, что русская смута обернулась резким падением культуры, маргинализацией и варваризацией человека: «Этот русский бунт, не имея в сущности ничего общего с социал-демократией, носит все внешние черты ее и систему строительства: это принципиальное умаление личности» (21 сентября 1917)⁴⁷.

Русская смута лишь внешне имитирует идеалы Французской революции, но не достигает их. Надежды Блока не оправдались, разбившись о реальность... Большевистский лозунг «Мир — народам, земля — крестьянам, фабрики — рабочим, вся власть — Советам!» оказался обманом, прикрытием в борьбе большевиков за власть. Катастрофическими событиями, сделавшими ход русской истории необратимым, стали принятие большевиками в конце ноября 1917-го Декрета об объявлении кадетов «партией врагов народа»; расстрел Красной гвардией 5 января 1918 года мирной демонстрации в поддержку демократического органа (Учредительное собрание); его разгон большевиками в ночь на 7 января 1918 года (как раз накануне написания поэмы, в которой Блок иронизирует над лозунгом в его поддержку); убийство в эту же ночь лидера кадетов и депутата Учредительного собрания А.И. Шингарёва вместе с другим лидером кадетов Ф.Ф. Кошкиным. Результатом этих событий стала узурпация большевиками власти, основанная на диктатуре и терроре.

Наступила реакция — возвращение к «самодержавию» в еще более деспотичных формах: уничтожение свободы слова, тотальная цензура, террор в отношении инакомыслящих... Леоэсеровские издания, в которых Блок опубликовал поэму «Двенадцать» и статьи о революции (газета «Знамя Труда», журнал «Наш Путь»), были закрыты в начале июля 1918-го, когда большевиками был инициирован разгром партии левых эсеров. Вообще сотрудничество Блока с большевиками было сильно преувеличено в советское время: никакого продуктивного сотрудничества у поэта с ними не вышло, никаких особых дивидендов он от новой власти не получил, да и не стремился к ним, так как его принятие революции и его первоначальная вера в лозунги большевиков были романтически бескорыстными...

Уже в середине 1918 года Блок признавался: «В их социализм я не верю; социализм, конечно, невозможен; дело не в социализме», — говорил он в середине 1918 года; «да и *они* стали другими; пережив победу, они не те, что были раньше»⁴⁸. Разочарование в большевиках вызвало творческий кризис — после весны 1918 года, «когда началась Красная Армия и социалистическое строительство (он как будто поставил в кавычки эти последние слова)», Блок больше не мог писать⁴⁹. Окончательное прозрение и отрезвление Блока от новой реальности наступило весной 1919 года, что отражают его записи в записной книжке и Дневнике, которые были полностью или частично купированы советской цензурой. Так, в записной книжке от 4 мая 1919 года: «Кое-что работал. Но работать настоящему я уже не могу... <пока на шее болтается новая петля полицейского государства>»⁵⁰. Блок наблюдает, как в новой советской реальности воспроизводится старое самодержавие, но в еще более деспотичных формах, например, место дореволюционной официальной газеты занимает большевистская официальная газета: «<“Правда” = “Новое время”: Ленин о шпионах. Слухи о новых арестах>» (31 мая 1919)⁵¹. В дневниковой записи от 11 июня 1919 года Блок считает террор и разрушение большевиками быта главным их «призванием»: «Чего нельзя отнять у большевиков — это их исключительной способности вытравлять быт и уничтожать отдельных людей. Не знаю, плохо это или не особенно. Это — факт»⁵².

В недавно опубликованном письме к Н.А. Нолле-Коган от 13 января 1920 года Блок писал не только о бытовых трудностях («вечная забота о пропитании, ношении дров и воды»), но и о постоянном «оскорблении», ударах «кулаком по лицу» («фигурально, но всегда может стать действительным»), о невозможности заниматься литературой: «Настоящей литературой заниматься все меньше возможностей, кажется, вовсе уже не позволено, потому что издание книг и оплата их гонораром запрещены (здесь, по крайней мере), издавать можно только брошюры за плату, от которой быстро умрешь с голоду. Таково положение литератора сейчас»⁵³. Горьким сарказмом звучат его слова о поэме в Дневнике от 17 января 1921 года: «Утренние, до ужаса острые мысли, среди глубины отчаянья и гибели. Научиться читать “Двенадцать”. Стать поэтом-куплетистом. Можно деньги и ордера иметь всегда...»⁵⁴

7 марта 1921 года Блок читает упомянутую выше бердяевскую статью «Была ли в России революция?», кратко излагая ее в своем Дневнике и отмечая, что Бердяев «пишет много-словно и интересно, что революции никакой и не было, все — галлюцинация, движения в хаосе и анархии не бывает, все еще пока — продолжение догнивания старого, пришло смутное время... <...>. Мораль: покаяться и смириться, жертвенно признать элементарную правду западничества, необходим долгий труд цивилизации»⁵⁵. Сама реальность постепенно сближала Блока с позицией Бердяева, по которому главное отличие «русской катастрофы» от Французской революции, как и у Пришвина, — умаление личности: «Тщетны оказались надежды, что революция раскроет в России человеческий образ, что личность человеческая подымется во весь свой рост после того, как падет самовластье. <...> ...По-прежнему нет уважения к человеку, к человеческому достоинству, к человеческим правам»⁵⁶. Ключевым в бердяевском восприятии событий 1917 года становится гоголевский код «рожи», выражающий inferнальную обезличенность, ложную личину и безобразие «мертвых душ», разрушение личности как образа Божия: «В русской революции не подымается человек, сознавший свое достоинство, свою первородную свободу, свои права. В ней человек окончательно забит и унижен. В стихии революции действуют гоголевские рожи и морды»⁵⁷. Этот гоголевский мотив звучит и в Дневнике Блока от 4 апреля (22 марта) 1918 года: «“Народ” кажет отовсюду азиатское рыло... улица: свиные рыла...»⁵⁸

Страшным итогом развития этой гоголевской темы и осознания уже тяжелобольным поэтом обмана «революции» становится жуткий образ национального самоубийства из письма к К.И. Чуковскому от 26 мая 1921 года, за два с небольшим месяца до смерти: «Итак, “здравствуем и посейчас” сказать уже нельзя: слопала-таки поганая, гугнивая родимая матушка Россия, как чушка своего поросенка»⁵⁹.

В еще одной важной дневниковой записи от 18 июня 1921 года, цензурированной в советское время, Блок называет период написания поэмы «Двенадцать» и статей цикла «Интеллигенция и революция» «романтикой на Галерной»⁶⁰ и отмечает, что позже ему стало ясно, что «тусклые глаза большевиков» — это «глаза убийц»: «<В самом конце декабря

1917 г., когда мы едва свиделись с Ивановым-Разумником, начинается романтика на Галерной (тусклые глаза большевиков — потом ясно — глаза убийц)>»⁶¹. Так вся народническая романтика «революции» закончилась для Блока «Федькой-каторжником»...

Как известно, поиск финального образа поэмы был для Блока мучительным, сопровождался большими сомнениями. Художественная интуиция поэта разошлась с его мыслью публициста: Блок пишет о крушении гуманизма и мучительно ищет другой идеал человека новой эпохи⁶², но вдохновение диктует ему в поэме образ Христа. Блоковский Христос был встречен непримиримой критикой как со стороны «левых» (Ленин, Троцкий...), так и «правых» (Гиппиус, Гумилёв, Зайцев, Бердяев, Шалапин, Бунин и др.). Первые увидели в нем религиозный анахронизм «старой буржуазной культуры», вторые — кощунственное, дьявольское освящение революции. Но несмотря на все эти нападки, Блок, по свидетельству М. Бабенчикова, говорил близким в феврале-марте 1921-го: «А все-таки Христа я никому не отдам»⁶³. Блок остался верен христианской культуре и этике — как и пушкинской «тайной свободе» в своем прощальном стихотворении, написанном 11 февраля 1921 года:

Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!

В августе 1921 года сам Блок стал жертвой репрессивной машины: тяжелобольной поэт не получил разрешения ВЧК на выезд для лечения в Финляндию — большевики боялись, что за границей он может изменить свое восторженное мнение о «революции» и начнет писать антибольшевистские стихи⁶⁴. В этом смысле поэт оказался заложником своего восторженного принятия «революции» и поэмы о ней⁶⁵. Блок действительно мог написать антибольшевистские тексты, о чем говорит его неоконченный набросок об искусстве и науке от 18 июня 1920 года, в котором он размышлял о положении Гейне в «дурацкую эпоху», когда на требование писать по социальному заказу тот ответил критикой революции: «Ему

был заказан “революционный освободительный пафос”. Все дело в том, как и сколько раз он перекувыркнулся, чтобы выполнить с честью этот дурацкий заказ. Уж он и кувыркался! В результате влетело и революции, да так, что ни один “белогвардеец” так ей не повредит, как этот “революционный” поэт. Поделом: не давай дурацких заказов — останешься в дураках»⁶⁶. Эти слова о Гейне и его «дурацкой эпохе» звучат для Блока явно автобиографично, поэтому советский цензор при первом издании этого наброска⁶⁷ в 1936-м цензурировал весь последний абзац этой статьи⁶⁸.

Говоря словами самого Блока о гибели Пушкина в речи «О назначении поэта» (11 февраля 1921 г.), он тоже умер от отсутствия в России «воздуха» — внутренней свободы, без которой немислимо подлинное творчество и без которой культура умирает: «И Пушкина тоже убила вовсе не пуля Дантеса. Его убило отсутствие воздуха. С ним умирала его культура»⁶⁹. Андрей Белый в своем дневнике от 8 августа 1921 года, отмечая молчание Блока после «Двенадцати» и «Скифов», пишет об этом задыхании, подтверждая его словами матери Блока, Александры Андреевны: «...многие ныне говорят: “Дышать нечем”. И у них это — аллегория. Блок этого не говорил, но после “Скифов” и “Двенадцати” — замолчал словами и стихами: угрюмо нахмурился; и без заявления о том, что “душно”: “взял и задохся”; воздух России его убил (о том же сказала мне сегодня А.А.: “Это... убило Сашу...”). <...> ...Он говорил, что не мог бы выйти даже на улицы Петрограда: не вынес бы чисто внешнего вида теперешней жизни: так резко обострилось за последние месяцы (и даже более году уже длилось это настроение) отношение к нашей действительности»⁷⁰.

Смерть Блока стала знаковым событием, «Рубиконом», за которым началось «погружение во мглу»: смерть Блока, «задушенного той волной духовной контрреволюции, которую обрушили на наши головы большевики», открыла мученический «синодик» погибших от большевиков писателей⁷¹. Над страной со скрежетом опускался «железный занавес». Колесо русской истории, после февральской попытки демократической революции, вернулось в старую колею русского самодержавия, но в более страшных тоталитарных формах...

После смерти Блока большевики использовали его имя как символический капитал в своей апологии революции.

Сложность и неоднозначность поэмы были полностью нивелированы: произошла ее идеологическая канонизация — в 1927 году, при Сталине, поэма вошла в обязательную школьную программу как «первая поэма об Октябре», как полное оправдание большевистского переворота, как неотъемлемая часть грандиозного мифа о «Великой Октябрьской социалистической революции».

Тайна неузнанного Христа в финале поэмы связана с историческим выбором России в 1917 году, говоря словами Вл. Соловьева, выбором пути «Ксеркса», а не пути «Христа», оставшегося нереализованным. Об этом выборе в 1951 году писал Пришвин, и сегодня, когда этот выбор свершается вновь, его слова звучат более чем актуально: «Блок был прав, и я сам теперь в это верю: Христос придет к людям. Но я не знаю, дождутся ли наши его, не поклонятся ли, как в тот раз, Инквизитору»⁷². Когда Россия примет Христа, тогда тайна блоковского финала, устремленного в наше Будущее, откроется нам в самой реальности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: *Кодрянская Н.* Алексей Ремизов. Париж, 1959. С. 103.

² *Мандельштам О. А.* Блок (7 августа 21 г. — 7 августа 22 г.) // *Мандельштам О. Э.* Сочинения: В 2 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 2. С. 190–191.

³ *Бердяев Н. А.* Падение священного русского царства: Публицистика 1914–1922. М., 2007. С. 652.

⁴ *Шаляпин Ф.* Маска и душа. Париж, 1932. С. 289–290.

⁵ *Блок А. А.* Собрание сочинений: В 8 т. М.; Л.: Худ. лит., 1963. Т. 8. С. 504.

⁶ Там же.

⁷ *Блок А. А.* Собрание сочинений: В 8 т. М.; Л.: Худ. лит., 1963. Т. 7. С. 266.

⁸ *Блок А. А.* Собрание сочинений: В 8 т. М.; Л.: Худ. лит., 1962. Т. 6. С. 9.

⁹ *Карлейль Т.* Французская революция: История. СПб.: Издание В. И. Яковенко, 1907. Книга из библиотеки А. А. Блока (Книжные собрания писателей в библиотеке Пушкинского Дома).

¹⁰ *Блок А. А.* Письмо к Л. Д. Блок от 10 июня 1911 // *Блок А. А.* Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. С. 347.

¹¹ Трансцендентальный (от *лат.* *transcendens* — перешагивающий, выходящий за пределы) — философский термин, обозначающий аспекты бытия, которые выходят за пределы эмпирического мира.

¹² *Карлейль Т.* Французская революция: История. С. 147–148.

¹³ Этот «всеобщий импульс веры» во Французской революции Карлейль сравнивает по исторической масштабности с крестовыми походами и протестантизмом.

¹⁴ Карлейль Т. Французская революция: История. С. 478.

¹⁵ На этот и предшествующий фрагменты первыми обратили внимание Б.В. Аверин и Н. Дождикова в своей статье, посвященной блоковскому восприятию трех главных работ Карлейля («Французская революция: История», «Герои, почитание героев и героическое в истории» и «Sartor resartus») (Аверин Б.В., Дождикова Н. Блок и Т. Карлейль // Александр Блок: Исследования и материалы / Пушкинский Дом; отв. ред. Ю.К. Герасимов. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1987. С. 108).

¹⁶ Карлейль Т. Французская революция: История. С. 399.

¹⁷ Санкюлоты – радикально настроенные революционеры во время Великой французской революции, которые 14 июля 1789 г. взяли Бастилию.

¹⁸ Карлейль Т. Французская революция: История. С. 399.

¹⁹ Чуковский К. Александр Блок как человек и поэт. Пг.: А.Ф. Маркс, 1924. С. 21.

²⁰ Зоргефрей В.А. Александр Александрович Блок (По памяти за пятнадцать лет, 1906–1921 гг.) // Записки мечтателей. 1922. № 6. С. 143.

²¹ П.Я. Чаадаев в «Философических письмах», видя в христианских ценностях импульс социального прогресса в Европе («социальная идея христианства»), отмечал, что в Европе крепостничество было уничтожено благодаря христианству, а в России наоборот – «русский народ попал в рабство лишь после того, как он стал христианским, а именно в царствование Годунова и Шуйских» (Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: [В 2 т.]. М.: Наука, 1991. Т. 1. С. 332, 347).

²² Н. В. Гоголь в русской критике: Сб. ст. М.: Гос. издат. худож. лит., 1953. С. 246.

²³ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1980. Т. 21. С. 11. При этом в качестве источника этого секуляризованного восприятия Христа Достоевский упоминает книгу «Жизнь Иисуса» (1835–1836) Давида Штрауса (о котором «говорилось с благоговением»).

²⁴ Блок А.А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 7. С. 330.

²⁵ Вероятно, имеется в виду Давид Самуилович Левин (1891–1928), который с 1918 по 1923 г. заведовал хозяйственно-техническим отделом в издательстве «Всемирная литература».

²⁶ Завалишин В. Александр Блок и русская революция // Грани. 1957. № 36. С. 174–175.

²⁷ Песни борьбы: Иллюстрированный сборник / Сост. Л. Горбунова; ил. Аллегро [П.С. Соловьевой], Л. и Р. Браиловских, Л. Пастернака и др. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1906. С. 192.

²⁸ Блок А.А. Записные книжки. 1901–1920. М.: Худ. лит., 1965. С. 382.

²⁹ Ренан Э. Жизнь Иисуса [пер. с фр. А.С. Усовой по изданию 1906 г.]. М., 1991. С. 172–173.

³⁰ Иванов-Разумник (Разумник Васильевич Иванов) (1878–1946) — критик, историк русской литературы, идеолог неонародничества и «скифства». В 1918 г. — заведующий литературным отделом левозэсеровской газеты «Знамя труда» и редактор литературного отдела журнала «Наш путь», в которых при его ближайшем содействии были впервые опубликованы произведения Блока о революции. Автор предисловия «Испытание в грозе и буре» к блоковским «Скифам» и «Двенадцати» (1918, 1920). Об идейной близости Блока с Ивановым-Разумником в конце 1917-го и в начале 1918 г. вспоминала М.А. Бекетова: «...много общего было у него с Ивановым-Разумником» (Бекетова М.А. Воспоминания об Александре Блоке. М., 1990. С. 174).

³¹ Иванов-Разумник. Испытание в грозе и буре // Наш путь. Литературно-политический журнал Революционного Социализма. 1918. № 1 (апрель). С. 141.

³² Блок А.А. Записные книжки. 1901–1920. С. 400.

³³ Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2 т. СПб., 1992. Т. 1. С. 90.

³⁴ Блок А.А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 7. С. 276–277.

³⁵ Созонов Е.И. П. Каляев (Из воспоминаний) // Былое. Сборник по истории русского освободительного движения. Париж. 1908. № 7. С. 35.

³⁶ Там же. С. 22, 25, 31.

³⁷ Прибегая к дониконовской форме имени Христа, Блок акцентирует аввакумовского Христа, мученически идущего против официальной власти и Церкви, которая для Блока была скомпрометирована ее историческим союзом с монархией. В письме к В.В. Розанову от 17 февраля 1909 г. Блок писал с гуманистических позиций: «...смертная казнь и всякое уничтожение и унижение личности — дело страшное, и потому... я не пойду к пасхальной заутрене к Исакию, потому что не могу различить, что блестит: солдатская каска или икона, что болтается — жандармская епитрахиль или поповская ногайка. Все это мне по крови отвратительно» (Блок А.А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. С. 274–275).

³⁸ Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции. С. 91.

³⁹ Иванов-Разумник. Испытание в грозе и буре. С. 134.

⁴⁰ Фрагмент этой легенды был положен на музыку Н. Манькиным-Невструевым под названием «Сказание о двенадцати разбойниках», которое входило в репертуар Ф. Шаляпина. В черновике Блок цитирует именно песенную («Жило двенадцать разбойников»), а не литературную версию текста («Было двенадцать разбойников»).

⁴¹ Федотов Г.П. Октябрьская легенда // Федотов Г.П. Собрание сочинений в 12 т. М.: Sam & Sam, 2014. Т. 7. С. 113, 116.

⁴² Там же. С. 114, 116.

⁴³ Пришвин М.М. Дневники. 1950–1951. СПб.: Росток, 2016. С. 329.

⁴⁴ В статье «Большевик из Балаганчика (Ответ Александру Блоку)» (Воля страны. 1918. 16 (3) февр. № 16. С. 1) Пришвин высмеивал народническое принятие Блоком «революции» как барское и театральное, раскрывая его через образ хлыстовского чана — символа обезличенной, коллективной народной стихии, в которой Блок призывает растворить свое «я». Пришвин же отстаивал личность и ее ответственность за свое Слово. Об отношениях Пришвина и Блока см. подробнее: Реформатская Н.В. Блок и Пришвин // Александр Блок: Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1987. Кн. 4. С. 322–326. (Лит. наследство. Т. 92).

⁴⁵ Пришвин М.М. Дневники. 1950–1951. С. 281.

⁴⁶ Пришвин М.М. Дневники. 1914–1917 гг. СПб., 2007. С. 511.

⁴⁷ Там же. С. 513.

⁴⁸ Зоргенфрей В.А. Александр Александрович Блок... С. 143. Эта фраза была цензурирована в советском издании (Александр Блок в воспоминаниях современников: В 2 т. / Под общ. ред. В.Э. Вацуры и др. М.: Худ. лит., 1980. Т. 2. С. 28).

⁴⁹ Блок Г.П. Из очерка «Герои “Возмездия”» // А. Блок в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Худож. лит., 1980. Т. 1. С. 102–103.

⁵⁰ Грякалова Н., Иванова Е. Записные книжки Александра Блока без купюр // Наше Наследие. 2013. № 105. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/10510.php>.

⁵¹ Там же.

⁵² Блок А.А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 7. С. 365.

⁵³ Иванова Е.В. Александр Блок: последние годы жизни. СПб., 2012. С. 110.

⁵⁴ Блок А.А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 7. С. 397.

⁵⁵ Там же. С. 411.

⁵⁶ Бердяев Н.А. Падение священного русского царства... С. 780.

⁵⁷ Бердяев Н.А. Духовные основы русской революции. Опыты 1917–1918 гг. СПб., 1998. С. 17.

⁵⁸ Блок А.А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 7. С. 331.

⁵⁹ Блок А.А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. С. 537.

⁶⁰ Галерная – улица в Петрограде, где находилась редакция левозсеровской газеты «Знамя труда», в которой Блок напечатал свои статьи на тему революции и поэму «Двенадцать».

⁶¹ Грякалова Н., Иванова Е. Записные книжки Александра Блока без купюр. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/10510.php>.

⁶² Блок записывает в Дневнике: «Страшная мысль этих дней: не в том, что красногвардейцы “не достойны” Иисуса, который идет с ними сейчас; а в том, что именно Он идет с ними, а надо, чтобы шел Другой» (20 февраля 1918); «Я только констатировал факт: если взглянуть в столбы метели на *этом пути*, то увидишь “Иисуса Христа”. Но я иногда сам ненавижу этот женственный призрак» (10 марта 1918) (Блок А.А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 7. С. 326, 330). В статье «Крушение гуманизма» (1919) Блок писал о закате эпохи гуманной цивилизации и в ницшеанском духе – о «преодолении человека» новой человеческой породой («сверхчеловек»): «...уже не этический, не политический, не гуманный человек, а *человек-художник*; он, и только он, будет способен *жадно жить и действовать* в открывшейся эпохе вихрей и бурь, в которую неудержимо устремилось человечество» (Блок А.А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 6. С. 115).

⁶³ Бабенчиков М. Ал. Блок и Россия. М.; Пг., 1923. С. 67.

⁶⁴ «Блок – натура поэтическая; произведет на него дурное впечатление какая-нибудь история, и он совершенно естественно будет писать стихи против нас. По-моему, выпускать не стоит, а устроить Блоку хорошие условия где-нибудь в санатории» (Записка В.Р. Менжинского к В.И. Ленину от 11 июля 1921 // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 / Под ред. А.Н. Яковлева. М., 1999. С. 24, 29).

⁶⁵ О том, что Блок воспринимался большевиками только как «певец революции» (то есть был идеологически присвоен советской властью), свидетельствует Андрей Белый в своей дневниковой записи от 9 августа 1921 г., обращая внимание на заметку «Смерть поэта» (Петроградская правда. 1921. 9 августа): «Сегодня в “Правде” известие о смерти Блока; упомянуто, что он автор “Двенадцати”; и – только. Для нашего правительства *первый русский поэт современности* есть только лишь автор “Двенадцати”, как будто Блок кроме “Двенадцати” не написал ни единой строки» (А. Белый: «Он как бы приговаривал себя к смерти...». Из поминальных записей об А. Блоке / Публ. А.В. Лаврова // Литературная газета. 1990. 1 августа. № 31. С. 3).

⁶⁶ Пост в Facebook Д.М. Магомедовой от 29 января 2018 г. Режим доступа: URL: <https://www.facebook.com/dina.magomedova/posts/1444800932298181>.

⁶⁷ Блок А.А. Собрание сочинений. Т. 1–12. [Л.:] Изд-во писателей в Ленинграде, 1936. Т. 9. С. 102–104.

⁶⁸ На факт этого цензурирования указала Д.М. Магомедова (полностью этот текст будет опубликован в 9-м томе «Полного собрания сочинений» Блока).

⁶⁹ Блок А.А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 6. С. 167.

⁷⁰ А. Белый: «Он как бы приговорил себя к смерти...». С. 3.

⁷¹ Иванов-Разумник. Встреча с эмиграцией: Из переписки Иванова-Разумника 1942–1946 гг. М.; Париж, 2001. С. 326.

⁷² Пришвин М.М. Дневники. 1950–1951. С. 281.

В МИРЕ КНИГ

Биография и история.
Исторические личности
с негромкими именами
на перекрестке эпох, культур, судеб:
о биографии поэтессы
и историка-медиевиста Раисы Блох

Graceffa Agnès. Une femme face à l'Histoire: Itinéraire de Raïssa Bloch, Saint-Pétersbourg – Auschwitz, 1898–1943. Paris: Éditions Belin/Humensis, 2017. 416 с.

Противоречивые отношения связывают биографический жанр и историческое исследование. Античная традиция, стремившаяся к четкому разграничению жанров путем выявления их характерных видовых признаков¹, утвердила их антагонистический характер. В предисловии к «жизни царя Александра и жизни Цезаря», вошедших в серию «Сравнительных жизнеописаний», Плутарх обращал внимание читателя на то, что он пишет «не историю, а жизнеописание». Последовательное восстановление и анализ событий, даже «великих», под которыми он подразумевал события военного характера (битвы, осады городов), не привлекали античного философа. Его интересовали не «дела», но «характер» и «душа человека». Описания эти часто тенденциозны, поскольку, создавая характеры «великих людей», прежде всего правителей, то есть деятелей политической сферы, и полководцев, античные жизнеописания воспевали идеал

активного деятеля, сильной личности, которой приписывались часто божественные черты, поскольку ее воля, стремления и деяния влияли на судьбы народов и определяли ход истории². Культ «великих людей» вошел в европейские королевские хроники, «Жизнеописания византийских царей» Феофана Исповедника и «Русские Хронографы» XV–XVII веков. В свою очередь средневековые жития святых и подвижников духа предлагали образцы для подражания в моральном и нравственном отношениях.

Продолжая античную традицию, в XIX веке европейская культура ввела в биографический жанр понятие «героя». С наступлением «эры масс»³ ощущалась, как пишет Ив Коэн, всеобщая «потребность в предводителе» (*besoin de chef*)⁴. Возвеличенное в книге английского историка и философа Томаса Карлейля «*On Heroes and Hero Worship and the Heroic in History*» (1841) понятие «герои» несло большую идеологическую нагрузку. Быстрая индустриализация и возрастающая роль машинной техники трансформировали представление об обществе, превратив его в гигантский организованный механизм, в котором каждому индивиду было отведено определенное место, ограничивающее его творческие порывы и сводящее его деятельность к автоматическому выполнению фиксированных функций. «Великие люди», «идеально благородные» и «богоподобные», были, по мнению Томаса Карлейля, «источником жизненного света», носителями созидательной энергии, наполняющими жизнь смыслом. Биографии как вид исторической литературы получили широкое распространение в Англии⁵. Под влиянием английской традиции биографический жанр вошел и в американскую культуру, где, как отмечает Евгения Иванова, он оказался тесно связанным с журналистикой и приобрел национальные черты, акцентируя внимание на известных людях, *celebrity*, достигших личного успеха и, значит, реализовавших «американскую мечту»⁶.

На середину XIX века приходится пик популярности исторической литературы и исторической профессии. Многие известные историки занимали высшие государственные должности, были членами политических партий, что означало их политическую ангажированность. Поставленная на службу государственным интересам, история участвовала

в создании национальных мифов, выполняя политические задачи. Как писал французский историк А.-И. Марру, история должна была «обеспечить человечество доказательствами знатности его происхождения» и «проследить триумфальный ход его эволюции»⁷. Однако благодаря такой популярности, формулируются также задачи истории как науки. По словам одного из выдающихся представителей профессии И.Г. Дройзена, было необходимо «обобщить методы, развить систему... установить законы исторического познания и знания»⁸. Вырабатываются принципы теории исторической науки (работы Ш.-В. Ланглуа, Ш. Сеньобоса, И.Г. Дройзена), определяется характер исторического знания (работы В. Виндельбанда, Г. Риккерта, В. Дильтея). И поэтому с еще большей остротой встанет вопрос о соотношении между реконструкцией биографий отдельных исторических личностей и историческим исследованием.

Для Томаса Карлейля писать биографию означало писать историю, поскольку, полагал он, история и складывается из совокупности биографий людей. Однако, как отмечает Александр Поляков, точки зрения практикующих биографов, среди которых были как профессиональные историки, так и писатели, разделились⁹. Так, Литтон Стрейчи, Андре Моруа и Арнальдо Момильяно полагали, что составление биографий известных личностей вполне себе является формой историописания. Для Эдуарда Мейера писать биографию не означало заниматься историей. Робин Коллингвуд и вовсе полагал, что методы написания биографии противостоят методам исторического исследования. По мнению Иоганна Густава Дройзена, биография была формой изложения истории, но ему казалось ошибочным писать биографию любого человека, даже исторически значительного деятеля¹⁰. Критерии, которыми он руководствовался при определении нужности составления биографии той или иной личности, были крайне субъективны. Так, биографии Фридриха Великого или Цезаря ему казались ненужными, поскольку их «великие деяния» и так являются частью истории. А вот биографии Цезаря Борджиа и Мирабо были, по его мнению, необходимы, поскольку деятельность этих личностей характеризовалась исключительным произволом, нарушающим установленные порядки, и, значит, требовала проникновения

в их личностную сущность. Вильгельм Дильтей ввел важное уточнение в установление взаимосвязи между биографическим жанром и историей. Писание биографии могло стать поистине историческим исследованием в том случае, если оно служило для понимания какой-либо научной проблемы и если комплекс источников, привлеченных автором, помогал не только установить факты из жизни личности, но воссоздать контекст, в котором личность действовала¹¹. Для того чтобы стать подлинным историческим исследованием, биография личности и ее творения должны быть изучены с учетом социальной среды, в которой данная личность действует и которая естественно влияет на становление ее мировоззрения. Как показывает Евгения Иванова, это теоретическое направление было развито в работе Философского отдела ГАХН¹².

В XX веке биографический жанр вновь был дискредитирован. Представители Школы Анналов, которых больше интересовала история сообществ, нежели отдельных индивидов, относились пренебрежительно к писанию биографий, считая этот вид творчества уделом популяризаторов научного знания, работающих для широкой публики и далеких от подлинных исторических исследований, призванных выявлять и анализировать комплексные проблемы эволюции человеческого общества¹³. В 1950–1960-е годы последовало падение престижа биографического жанра в британских академических кругах. Как объясняет специалист по истории Бразилии XIX века и автор нескольких биографий Родерик Барман, под влиянием социальных наук и марксистской идеологии, ставящей во главу угла диалектический материализм и экономические отношения, в исторических исследованиях возросла роль теоретических построений¹⁴. Внимание историков переключилось с отдельных индивидуумов на социальные, экономические и демографические структуры и движения масс. Биография стала считаться жанром, который не мог привлекать серьезных ученых. Но 1980-е годы ситуация вновь изменилась. Возобновился интерес к индивидуализации, но времена «великих людей» и «героев» прошли. Историков стали интересовать личности, имена которых мало известны, и даже вовсе «ординарные» люди, *les individus de base*, по выражению Сюзан Ситрон¹⁵, то есть

мужчины и женщины, мало выделяющиеся из повседневной жизни, не выполняющие символической роли «великих людей», но являющиеся, каждый по-своему, активными деятелями социального пространства. Биографические исследования последних десятилетий доказывают, что историческое исследование и биографический жанр могут успешно взаимодействовать, пополняя наше понимание сложных вопросов истории через призму индивидуальной истории.

Тернистый жизненный путь поэтессы, переводчицы и историка-медиевиста Раисы Блох (1898–1943), трагически оборвавшийся в Аушвице, привлек внимание другой женщины — историка Средних веков, Агнес Грасеффа. Имя Раисы Блох известно узкому кругу специалистов¹⁶, несмотря на то что ее стихотворение «Чужие города» было переложено на музыку Александром Вертинским, а ее современники, поэты и литературные критики, уважительно относились к ее работам. Михаил Цетлин писал, что поэзия Раисы Блох — «чистая лирика» и что ей присущи индивидуальность и редкий дар «сильного и сосредоточенного чувства», для которого она ищет «правдивого выражения»¹⁷. А Георгий Адамович считал, что Раиса Блох принадлежит к «высшему типу» поэтов, для которых искусство и жизнь едины и которая «очень простыми и чистыми словами рассказывает о своих надеждах, томлениях и разочарованиях»¹⁸.

Благодаря многолетней и кропотливой работе Агнес Грасеффа по поиску архивных материалов появилась первая биография Раисы Блох, опубликованная на французском языке¹⁹ и представленная на одном из вечеров памяти в культурном центре им. А. Солженицына (Les Éditeurs Réunis / YMCA-Press) в Париже. Место было выбрано не случайно. В изящной, мелодичной, наполненной нежностью лирике Раисы Блох нашла отражение история ее жизненного пути, половина которого прошла в эмиграции, в Берлине и в Париже. Она покинет Россию в 1922 году, вместе с семьей брата, театроведа и переводчика Якова Блох, основавшего совместно с Георгием Лозинским издательство «Петрополис». За несколько месяцев до отъезда Раиса Блох переживет арест и краткосрочное тюремное заключение, но решение уехать будет вызвано не политическими мотивами и не гонениями со стороны новой власти. Молодая поэтесса и начинающая

исследовательница следует велению своего сердца. Вдохновленная опытом Ольги Добиаш-Рождественской, палеографа, историка-медиевиста и первой женщины – преподавателя истории в Петроградском университете, Раиса Блох изучает под ее руководством западные средневековые рукописи, хранящиеся в Национальной библиотеке в Петрограде. Она получит место ассистентки в Институте истории Петроградского университета. Казалось бы, это начало успешной научной карьеры. На поэтическом поприще она также делает успехи. Поэт-акмеист Михаил Лозинский, также работающий в этот период в отделе рукописей Национальной библиотеки, становится ее наставником в поэзии и переводе, и благодаря его поддержке молодую поэтессу вскоре принимают во Всероссийский союз поэтов. Но она мечтает увидеть наяву те страны, которые составляют предмет ее научных исследований, особенно Париж. И вот уже составлен проект научной командировки в институт изучения и публикации средневековых рукописей в Берлине, Monumenta Germaniae Historica, куда, получив визу при поддержке своей наставницы Ольги Добиаш-Рождественской, Раиса Блох отправляется в сопровождении матери и семьи брата. После запрета деятельности Комитета помощи голодающим в конце лета 1922 года ГПУ готовит кампанию против наиболее активных «контрреволюционных элементов». В ужасе от массовой высылки из страны представителей интеллигенции, противящихся новому режиму, и особенно Льва Карсавина, одного из профессоров, лекции которого вдохновили ее когда-то на изучение Средневековой истории и которого она считает своим настоящим учителем, Раиса Блох продлевает командировку в Германии и получает разрешение писать диссертацию при Берлинском университете.

Итак, решение не возвращаться в Россию принято вполне осознанно. Поэзия Раисы Блох тем не менее часто обращена в прошлое, воскрешаемое в образах, эмоциях, чувствах:

Принесла случайная молва
Милые, ненужные слова:
Летний Сад, Фонтанка и Нева.
Чужие города, 1932

Ностальгические ее переживания полностью отстранены от политики. Она трепетно хранит память о прошлом, но не о старом миропорядке, разрушенном революцией, а о своих корнях, о юности, о родных местах:

Какое, должно быть, счастье
Идти по улицам влажным,
И каждый камень и каждый
Изъеденный ветром дом
Встречать, узнавать и гладить
Рассеянным, мягким взглядом,
Затем, что и я отсюда,
И все это здесь мое.

1932

Сложно судить о том, было ли решение о невозвращении верным. В двадцатые годы финансовое положение издательства «Петрополис» стабильно и семья Блох вполне благополучна. Молодая исследовательница активно и, казалось бы, успешно интегрируется в немецкую академическую жизнь: участвует в семинарах Берлинского университета, сотрудничает с журналом *«Jahresbericht für deutsche Geschichte»*, защищает диссертацию в феврале 1927 года, публикует свою работу в 1930 году в коллекции *«Archiv für Urkundenforschung»* под названием *«Die Klosterpolitik Leos IX in Deutschland, Burgund und Italien»* и получает место ассистентки в институте Monumenta Germaniæ Historica. В 1928 году выходит первый сборник ее стихов «Мой город». Она встречает молодого поэта эмигранта, своего будущего супруга Михаила Горлина. Вместе они устраивают клуб русских поэтов в Берлине. К их удивлению, задумка привлекает Владимира Набокова, который, правда, достаточно ядовито отозвался о первом сборнике Раисы Блох и в общем ненадолго задерживается в их кругу. Но в начале 1930-х годов экономический кризис все больше дает о себе знать. Финансовое положение «Петрополиса» ухудшается. Жизнь в Берлине переходит в режим жесткой экономии, и все чаще вспыхивают дискуссии о форме черепи и «чистоте расы».

Она поэтизирует «серую», подчас сумрачную реальность настоящего, преображая ее тонами «светлее света», наполняя нежностью и надеждой:

Шла тихонько по серой улице
 Мимо распушенных деревьев,
 С надеждой глядя на нежные,
 Жемчужные фонари.
 Было небо сизо-розовым,
 А тучи — голубыми.

Михаилу Горькому, 1929

Но лирика ее глубоко проникнута эсхатологическими настроениями и трагической предрешенностью. Экзистенциальный шок, произведенный мировой войной и двумя революциями в России, обострил чувство смерти. Скоротечность жизни, ее эфемерность — это неизбежная данность, которую не изменить. Остается принять ее и смириться:

Помолись, чтобы тебя забыли,
 Как забыли тех, что прежде были,
 Как забудут всех, что будут вновь.

1928

Впрочем, она не смиряется. В мае 1933-го по причине еврейского происхождения контракт Раисы Блох в Monumenta Germaniae Historica не возобновлен. Она решает осуществить свою мечту и переезжает во Францию. Французский историк-медиевист профессор Фердинанд Лот и его супруга филолог-медиевист Мирра Бородина, коллеги и друзья Ольги Добиаш-Рождественской, принимают участие в ее устройстве в Париже. Начнется новый виток эмигрантской жизни с попытками, требующими больших усилий, но вполне удачными, если учитывать очередную волну экономического кризиса, встроиться уже во французскую академическую систему: семинары в Практической школе высших исследований (École pratique des hautes études), работа под руководством Фердинанда Лот по подготовке нового издания «*Dictionnaire du latin médiéval*», составленного в свое время филологом-

энциклопедистом Шарлем Дюканжем (1610–1688), участие в монументальном проекте по каталогизированию и изданию латинских средневековых переводов Аристотеля под руководством священника американского происхождения Жоржа Лакомба (1886–1934), статьи и рецензии для журнала «*Revue de l'histoire de la pharmacie*». Впрочем, все это чужие проекты. Ольга Добиаш-Рождественская, с которой Раиса Блох регулярно поддерживает эпистолярную связь, настоятельно убеждает свою ученицу не оставлять в стороне собственные идеи. Крайне неприятный инцидент, связанный с проектом «*Germania Pontificia*», для которого Раиса Блох в течение пяти лет в *Monumenta Germaniae Historica* под руководством Альберта Брекманна изучала папские буллы, красноречиво свидетельствует о справедливости этих наставлений: в 1935 году третий том «*Germania Pontificia*», в который вошли результаты исследования Раисы Блох, наконец увидит свет, но ее имя в нем даже не будет упомянуто.

Непросто, однако, воплотить в жизнь собственные научные идеи, работая одновременно в нескольких проектах. Да, ими руководят другие, но эта работа приносит доход. Кроме того, конъюнктура европейской академической сферы в это время по-прежнему крайне неблагоприятна для продвижения женщины по карьерной лестнице. Показателен опыт Мирры Бородиной, филолога-медиевиста, автора многочисленных исследований по средневековой французской литературе и ряда трудов по истории и культуре Византии. Супруга Фердинанда Лота, влиятельной личности во французских академических кругах, она так и не получила стабильную университетскую позицию. Крайне напряженная и многотрудная жизнь Раисы Блох беспокоит ее наставников, но Фердинанд Лот не уверен, что сможет способствовать в получении стабильного места даже своим дочерям: Ирене, которая, сдав экзамен по русскому языку, надеялась получить место библиотекаря, Марианне, учащейся в Школе Хартий, и Эвелине. Ольга Добиаш-Рождественская уже сожалеет о решении не возвращаться в Россию, когда-то принятом Раисой Блох. На революционной волне многое становилось возможным в молодом советском государстве. Останься она, ей, возможно, была бы открыта даже университетская карьера. Но в 1935 году вернуться уже невозможно.

Образ «хранительницы домашнего очага», посвятившей себя семье, казался Раисе Блох малопривлекательным, но бракосочетание с Михаилом Горлиным и рождение дочери Доры неизбежно отвлечет ее от научной работы. Несмотря на свою молодость (он моложе супруги на одиннадцать лет), на некоторое время Михаил Горлин окажется более успешным в научной карьере. Он также выберет гуманитарные науки: славистику. Под руководством Жюля Легра и при поддержке Андре Мазона Михаил Горлин начнет свое диссертационное исследование в Практической школе высших исследований, разрабатывая параллельно две темы: поэзия Боратынского и иностранные влияния в лирике Пушкина. Он пишет статьи, выступает с докладами на семинарах и в Обществе славистов. Оккупация Франции, сопровождающаяся приведением в исполнение политики полного уничтожения еврейского населения Европы, сведут на нет его успехи и в общем уничтожат эту семью. Арестованный в мае 1941 года, Михаил Горлин будет сначала содержаться в концентрационном лагере Питивье, где стараниями служащей Красного Креста он получит на некоторое время место библиотекаря в муниципальной библиотеке. Но колоссальные усилия, предпринятые для его спасения, при активном содействии Фердинанда Лота и Андре Мазона, окажутся недостаточными. В 1942 году ужесточается репрессивная политика по отношению к евреям, особенно не имеющим французского гражданства. 23 февраля в Мон-Валерьен расстреляны за организацию первой ячейки Сопротивления Борис Вильде, супруг Ирены Лот, дочери Фердинанда Лота и Мирры Бородиной, и его товарищи: Анатолий Левицкий, Леон-Морис Нордманн, Жорж Итьер, Жюль Андрие, Рене Сенешаль и Пьер Вальтер. Если в мае 1941 года аресты касались мужчин, то в июле 1942-го арестовывают уже целые семьи. 16 июля 1942 года Михаил Горлин с группой заключенных отправляется в Освенцим. Поручив дочь заботам семьи Мазон, Раиса Блох отправляется в замок Мажелье (château du Masgelier, Creuse), где под руководством ее брата, Якова Блох, устроено убежище для детей еврейского происхождения. В августе 1942 года она устраивается сотрудницей другого детского убежища в Виксюр-Сер (Vic-sur-Cère, Cantal). Ненадолго воссоединившись с матерью, Дора погибнет от воспаления дыхательных путей

27 октября 1942 года. А через год после смерти двух самых близких людей, в октябре 1943-го, сопровождая группу детей, тайно вывозимых из Франции, Раиса Блох будет арестована на границе Швейцарии в нарушение международного договора, защищающего представителей гуманитарных организаций. После краткосрочного содержания в лагере «Дранси» она также депортирована в Освенцим 20 ноября 1943 года.

Так, мало что было реализовано из научного потенциала Раисы Блох. Ее литературное наследие также невелико. Семь лет спустя после сборника «Мой город» появится новый сборник ее стихов, «Тишина» (1935), опубликованный также в издательстве ее брата «Петрополис». Еще один — «Заветы: Стихотворения» (1939) — будет издан совместно с Миррой Бородиной. «Избранные стихотворения» поэтессы и ее супруга, поэта Михаила Горлина, были опубликованы посмертно (1959).

И тем не менее ее личная история заслуживает серьезного внимания. В ней сплетаются несколько важных и трагических проблем русской и европейской культурной и политической истории XX века: проблема русско-еврейской идентичности; взаимодействие русского и европейского научных сообществ в первые два десятилетия становления советского государства; целый комплекс вопросов, связанных с эмиграцией, в частности, такие проблемы, как подтверждение своего социального статуса и самореализация в новой социокультурной среде, усложненные в случае Раисы Блох традиционными представлениями о гендерных ролях в обществе и экономическим кризисом межвоенного периода; и, наконец, катастрофа европейского еврейства во Второй мировой войне. Реконструируя биографию Раисы Блох, Агнес Грасеффа восстанавливает не только факты, но межличностные связи, совокупность взаимодействий людей, долговременно или мимолетно вовлеченных в жизненный путь поэтессы и историка-медиевиста, оказывающих влияние на формирование ее личности, на ее мотивации и судьбу. Вместе с Раисой Блох мы испытываем желание закрыться в себе в гнетущей атмосфере нарастающего антисемитизма в *Monumenta Germaniae Historica*. Переезд во Францию — новый этап и новая надежда. Но, оказавшись в Париже, на износе сил, она катастрофически ощущает свое «эмигрант-

ство» и чуждость французской культуры. Вдохновение, некогда приходившее к Раисе Блох из повседневности, не помогает ей более нести бремя существования. Ей будет отведено слишком мало времени для полноценной интеграции во французскую культуру, и уже не останется сил противостоять новой череде испытаний, которую повлечет за собой развязывание Второй мировой войны. Мы как будто сами ощущаем страх Михаила Горлина перед побегом, на который он так и не решится, уповая на волю случая и «счастливую звезду». И эти ужас и оцепенение, с которым Андре Мазон наблюдает, стоя на вокзале Меан-сюр-Йевр (Mehun-sur-Yèvre, Cher), как дочь Раисы Блох и Михаила Горлина Дора идет ему навстречу, держась за руку немецкого офицера, не подозревающего на самом деле, что он ведет еврейскую девочку, и потому любезно предложившего двум сопровождающим ее русским женщинам, которым Раиса Блох доверила свою дочь, провести их через вокзал. И наконец, чувство абсолютного отчаяния, когда в сентябре 1942 года Андре Мазон получает неожиданно уведомление о том, что Михаилу Горлину дали место ассистента в New School of Social Research в Нью-Йорке и, значит, он и его семья могли бы получить американскую визу и уехать в США. Новость, о которой Андре Мазон не находит сил сообщить Раисе Блох, потому что уже слишком поздно и Михаил Горлин уже депортирован из Франции. Он все же предпринимает попытки выяснить у французских властей, куда именно отправили Горлина, в надежде, что через некоторое время появится возможность вернуть его, не зная еще, что и эта последняя надежда уже утеряна: Михаил Горлин погиб в Освенциме 5 сентября 1942 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее об этом см., например: *Казанцева Г.В.* К проблеме жанровых преемственных связей: Геродот и Плутарх // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2009. № 3. С. 38–44.

² См. ставшие основополагающими работы С.С. Аверинцева «Плутарх и античная биография: К вопросу о месте классика жанра в истории жанра» (М.: Наука, 1973) и А. Momigliano «The Development of Greek Biography» (Cambridge, Harvard University Press, 1971). В конце XX века интерес к античной традиции биографии возобновился. Во Франции появилась целая серия работ, например: *Mossé C.* Temps de l'histoire et temps de la biographie

[Les «Vies» de Demosthène et de Phocion de Plutarque] // *Mètis. Anthropologie des mondes grecs anciens*. Vol. 12. 1997. P. 9–17; *Biographie des hommes, biographies des dieux* / dir. M.-L. Desclos. Grenoble: Recherches sur la philosophie et le langage, «Cahier-21», 2000.

³ *Bon Gustave Le*. Psychologie des foules. Paris: PUF, 1963 (1895). P. 1.

⁴ *Cohen Yves*. Le siècle des chefs: Une histoire transnationale du commandement et de l'autorité (1890–1940). Paris: Éditions Amsterdam, 2013. P. 27.

⁵ *Мицкий Д.* Искусство биографии (Литтон Стречи) // *Мицкий Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. М.: НЛО, 2014. С. 75.

⁶ *Иванова Е.В.* Жанр биографии в русской литературе: Западноевропейские влияния // *Studia Litterarum*. 2016. Т. 1. № 3–4. С. 45–46.

⁷ *Marron H.-I.* De la connaissance historique. Paris: Éditions du Seuil, 1954. P. 11.

⁸ *Дройзен И.Г.* Историка / пер. с нем. Г.И. Федоровой, под ред. Д.В. Складнева. СПб.: Владимир Даль, 2004. С. 578.

⁹ *Поляков А.Н.* Биография и история: Проблема соотношения жанров // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2013. № 2. С. 39–40.

¹⁰ *Дройзен И.Г.* Ук. соч. С. 415–418.

¹¹ *Дильтей В.* Построение исторического мира в науках о духе / пер. под ред. В.А. Куренного // *Дильтей В.* Собрание сочинений / под общ. ред. А.В. Михайлова и Н.С. Плотникова. М.: Три квадрата, 2004. Т. III. С. 295.

¹² *Иванова Е.В.* Ук. соч. С. 54–56.

¹³ *Piketty G.* La biographie comme genre historique? Étude de cas // *Vingtième Siècle, revue d'histoire*, 1999. № 63, июль-сентябрь. С. 119–121; *Knecht R.J.* La biographie et l'historien // *Cahiers de l'Association internationale des études françaises*. 2000. № 52. С. 169–171.

¹⁴ *Barman R.* Biography as History // *Journal of the Canadian Historical Association*. 2010. № 21 (2). С. 62.

¹⁵ *Citron S.* De la fin des grands hommes... // *Espaces Temps*. Vol. 37, 1988. Je et moi, les émois du je. Questions sur l'individualisme. С. 6–8.

¹⁶ См., например: *Воронова Т.Н.* Раиса Блох – русская поэтесса и историк западного Средневековья (из переписки с О.А. Добиаш-Рождественской) // Проблемы источниковедческого изучения истории русской и советской литературы: Сб. науч. тр. Л., 1989; Памяти ушедших (Воспоминания Евгении Каннак о поэтах Михаиле Горлине и Раисе Блох) // Евреи в культуре русского зарубежья. Вып. 1. 1919–1939 гг. Иерусалим, 1992. С. 242–252; *Кельнер В.* «Здесь

шумят чужие города и чужая плещется вода...» (О поэтессе Раисе Блох) // Там же. С. 253–263; *Блох Раиса*. «Здесь шумят чужие города...» / предисл. В. Леонидова. М., 1996. С. 3–18.

¹⁷ *Цетлин М.* О современной эмигрантской поэзии // *Современные записки*. Париж, 1935. № 58. С. 452–460.

¹⁸ *Адамович Г.В.* «Последние новости». 1934–1935. СПб., 2015. С. 250.

¹⁹ *Graceffa Agnès.* Une femme face à l’Histoire: Itinéraire de Raïssa Bloch, Saint-Pétersbourg – Auschwitz, 1898–1943. Paris: Éditions Belin/Humensis, 2017.

НАТАЛЬЯ ПАШКЕЕВА
(Париж)

Отблески вечного (Б.К. Зайцев)

Зайцев Б.К. Отблески вечного. Неизвестные рассказы, эссе, воспоминания, интервью / Сост., вступ. статья, подготовка текста и комментарии А.М. Любомудрова. СПб.: Росток, 2018. 736 с.

«Физически Родина от нас далека. Нам сейчас туда не доехать, и не пустят нас. Это ничего не значит. Ибо в душах наших не только не умирает, но в изгнании, сплывавая, ярче и чище светит облик Святой Руси — нашей духовной Родины. Нам дано огромное укрепление и счастье — в родных святынях. То, что есть самое важное и единственно великое в России, этого не отнять никаким политикам и никаким партиям. Оно с нами, в нашей душе и сердце».

Те, кто достаточно знаком с литературой российского изгнания, без труда узнали стиль одного из самых светлых писателей эмиграции, Бориса Константиновича Зайцева. (1881–1972).

Светлый, тихий, чистый — таких отзывов за свою более чем 90-летнюю жизнь Борис Константинович читал множество. Было что-то завораживающее в его спокойной, несуетной прозе. Да и такой же был он сам — человек удивительной порядочности и стойкости. Недаром более четверти века избирался Председателем Союза русских писателей и журналистов в Париже.

Один из самых заметных писателей России в эпоху Серебряного века, друг Бунина и Чехова, он, чудом выжив во время гражданской войны и военного коммунизма, покинул Россию на «философском пароходе» и более полувека прожил во Франции. Почти еженедельно писатель публиковался в русских эмигрантских газетах и журналах. Читатели словно возвращались в прежнюю Россию, погружаясь в ясную, четкую и неспешную прозу. Ее часто называли «тургеневской». Недаром Зайцев написал одну из самых известных биографий великого мастера русской литературы, И.С. Тургенева*.

* В издательстве УМСА-Press только что появился перевод этой книги на французский язык, выполненный Анной Кишиловой. См. рецензию в Вестнике РХД. № 209 (с. 276–279). — *Примеч. редакции.*

Итак, пятьдесят с лишним лет в изгнании Борис Константинович радовал своими заметками и очерками. Он писал обо всем: воспоминания об ушедшей Родине, статьи о коллегах по цеху как в зарубежье, так и тех, кто остался в СССР. В редакциях любили его очерки, которые он посылал во время своих частых путешествий – в Италию, на Афон, по Франции. Зайцев откликался почти на любое значимое событие, особенно в литературной жизни эмиграции. Юбилеи, выходы новых книг. Также, глубоко верующий человек, он очень много писал о православных праздниках, о священниках, о традициях Русской Православной церкви. И все это было у него необыкновенно, если так можно сказать, зримо, выпукло. Русские изгнанники как будто смотрели фильм или листали альбомы старых фотографий, читая его строки.

В советское время Бориса Зайцева печатали очень мало. Он всегда был непримирим в своем непризнании новой власти в России. После перестройки его произведения буквально хлынули на книжный рынок. Особенным событием стало 11-томное собрание сочинений.

Тем не менее огромный массив заметок и очерков писателя оставался неизвестен на его Родине. Алексей Любомудров, много лет работающий в Пушкинском Доме в Питере, значительную часть жизни посвятил собиранию зайцевской мозаики. Он уже подготовил к изданию сборник очерков Бориса Зайцева «Афон», посвященный путешествию на Святой остров. Книга эта имела большой успех и отзывы в прессе.

И вот – новая работа Любомудрова. Большой том произведений Бориса Константиновича «Отблески вечного. Неизвестные рассказы, эссе, воспоминания, интервью», недавно вышедший в издательстве «Росток» (Санкт-Петербург). 740 страниц замечательного текста и обстоятельных комментариев.

Перед нами – и свидетельства Зайцева о февральской революции, которую он встретил в составе армейского гарнизона, и впечатления от посещений различных городов и провинций Франции и Италии, и воспоминания о Чехове, и многочисленные, яркие, как всполохи, зарисовки прежней, канувшей в никуда русской жизни. Среди зарисовок о детстве и юности выделяется рассказ «Мать», а также маленькая повесть «Бесполезный Воронеж», где великолепно

передано общее чувство тревоги перед наступлением революционного лихолетья.

И конечно, буквально в каждой строке звенит тоска по России и не покидающая писателя вера в нее: «Кто из нас увидит, кто не увидит родную землю — этого мы не знаем. Но именно теперь, на рождественских службах, при рождественских елках и нежном золоте рождественских свечей, мы вновь и вновь ощущаем нерасторжимое, любовное единение с Родиной, с самым высоким и чистым, что есть в ней.

Пожелаем же Ей, многострадальной, самого лучшего, светлого, чего только можно пожелать. В этом общении укрепимся сами и постараемся со всем нужным спокойствием, со всей выдержкой и терпением продолжать путь: Вифлеемская звезда над нами».

Виктор Леонидов

Строгость поворота: о книгах Симоны Вейль и Александра Скидана

Вейль Симона. Личность и священное / Пер. с фр. П. Епифанова. СПб.: Jagomír Hladík press, 2019. 72 с.

Скидан Александр. Сыр букв мел: об Аркадии Драгомощенко. СПб.: Jagomír Hladík press, 2019. 112 с., ил.

Петербургское издательство Яромира Хладика выпускает книги, которых могло бы не быть. Название издательству подсказал рассказ Х.-Л. Борхеса «Тайное чудо»: пражский поэт и драматург с таким именем был приговорен к расстрелу и сочинил свой последний шедевр во всех подробностях в тот момент, когда пуля уже настигала его. Миг для него продлился целый творческий год. Как часто у Борхеса, кабалистическая притча о неизведанности путей Господа причудливо соединена с обычным для западной культуры мифом о подлинной поэзии, не услышанной людьми, который мы знаем во множестве образов, от поющей головы Орфея до «Неведомого шедевра» Бальзака.

Конечно, такое название издательства обязывает издавать книги не просто экзотические, еще не известные читателю или требующие некоторой перемены привычного угла зрения для чтения, — хотя и это тоже требуется. Экзотичность здесь нужно понимать как «Экзотических птиц» Мессияна — подражание звукам тропических птиц, овладевших местной природой, как храмовое действие, как подчинение услышанного и увиденного единому литургическому замыслу. Действительно, уже вышедшие книги этого издательства, от переводов сюрреалистов до анализа искусства соцреализма, говорят о том, что иногда самые экзотические повороты мысли или наблюдения становятся инструментом критического анализа привычных явлений.

Не стали исключением и две последние (на май 2019 года) книги серии: предсмертная работа Симоны Вейль «Личность и священное» в переводе известного читателям «Вестника» Петра Епифанова и сборник критических выступлений поэта Александра Скидана «Сыр букв мел», посвященный его

учителю в поэзии Аркадию Драгомощенко. Казалось бы, нет ничего дальше, чем обстоятельства новой мировой войны и самопожертвование Симоны Вейль — и поиски второго русского авангарда, обновившего привычные ассоциативные ряды. Строгая отточенность мысли Вейль, безупречная физика спасения и барокко Скидана и Драгомощенко, где конечность человеческой жизни всегда переплетена с конечностью и ограниченностью высказывания.

Но на самом деле эти книги перекликаются глубже, чем просто чувством небывалой новизны: новизны морального выбора Вейль, опрокидывающего привычную мораль, и новизны поэтики Драгомощенко, заставляющей иначе посмотреть на природу метафоры и образа. Если Вейль утверждала, что в любой морали есть момент самоутверждения, и необходимо произвести настоящую редукцию оснований морального действия, смиренно приняв Крест как подвиг самоотрицания, то и Драгомощенко указывал самой своей практикой на ложность привычных ассоциаций и необходимость заново продумать сами механизмы, благодаря которым мы сочетаем один образ с другим.

Труд Вейль, он же ее завещание, по сути посвящен критике понятия необходимости, того оттенка принудительности, от которого не свободна до конца наша эмоция и наше умозаключение. Необходимость превращает всё глубинное в поверхностное: например, глубинное переживание справедливости как самопожертвования превращается в поверхностное понимание уравнительной справедливости. Или, мы можем добавить, глубинное понимание милости как самой жизни, «которая не любит работать при нем [человеке с его привычками и предвзятостями] и его всячески избегает» (как говорил Пастернак в «Детстве Люверс»), тогда заменяется поверхностным пониманием милости как отдельных проявлений щедрости. Даже высокая этика жертвы недостаточна для Вейль: ведь можно жертвовать собой, утверждая, что ты уже предназначил себя в жертву. Тогда как ее понимание жертвы — это неожиданность жертвоприношения, которое совершенно не было необходимо, но которое именно поэтому оказывается единственным, которое можно назвать опытом спасения, а не разделенным опытом или «проклятой частью», по Жоржу Батаю.

Это понятие о жертве никогда до конца нельзя высказать привычными словами. Отцы Церкви говорили о совете предвечном, о том, что план спасения был скрыт от дьявола, и о стоянии в свободе, вслед за апостолом. Пастернак описывал в своих повестях взросление, при котором самое трогательное и самое роковое оказываются равно не относящимися к области необходимого или востребуемого, и, если людьми что-то востребовано, они вскоре оказываются обожжены чем-то, что похоже «на жар перед сыпью». Симона Вейль выступает как критик привычных понятий, таких как «личность» или «права», указывая, сколь они неуместны, — когда мы спасаем утопающего, мы спасаем его, а не его личность, и не по праву и даже не по обязанности, но просто потому, что человек тонет.

Но, конечно, в текстах Вейль всегда из этого предельного опыта разворачиваются обширные политические смыслы. По сути, Вейль всегда говорит о том, как возможна гражданская община и на небе, и на земле, как наравне с солидарностью уже умерших, давших отчет перед собственной смертью, возможна солидарность живых, которую мы бы могли назвать священным браком душ. Прямого ответа Вейль не дает, но дает множество косвенных, исследуя, кто что может сказать и сделать. Что могут сказать несчастные из глубины своего горя, что скажут наказанные перед лицом наказавших, что скажет человек, кому поручено чистое благо, это «зерно», по слову Вейль, когда одновременно ему или ей приходится выполнять множество других поручений? Чем дальше Симона Вейль обсуждает эти вопросы, тем меньше ее статья похожа на памфлет против обыденного понимания прав и интересов и тем больше — на псалом, на «что человек, что Ты помнишь его». Такого вопроса нельзя поставить изнутри привычных социальных теорий, в которых человек сам заставляет себя помнить, пусть даже самым добродетельным поступком, его помнит его семья или община, но чтобы вспомнить его или ее как необходимое условие вопроса о человеке — это невероятно для всего, что мы знали до чтения Вейль.

Конечно, нужно отметить перевод Петра Епифанова, как всегда ясный, гимнический, чуждый любого натянутого аллегоризма, когда переводчик изошренно подбирает вроде бы «похожие» на оригинал слова, но они только иносказа-

тельно, с большими трудами говорят о том, что в оригинале сказано прямо. Все эти галлицизмы, начиная с передачи изредка неопределенного как «некий», все эти «каждый раз, когда» или «в рассуждении того», которые у другого переводчика смотрелись бы неловкими кальками, у Петра Епифанова выглядят наилучшим отчетом о проделанной работе. Искусство, как всегда, на острие иглы — было бы сказано вместо «каждый раз» «всякий раз», и текст развалился бы на всякую всячину, вместо той ответственности, с которой Вейль приступает к письму, — не с меньшей, чем летчик садится за штурвал на очередной вылет.

Александр Скидан рассматривает, подробно и ассоциативно, не менее ответственную поэтическую технику Александра Драгомощенко. Если пересказывать аналитику Скидана, не обращаясь к образам этого поэта-филолога, всем «мерцаниям смысла» и «дискретностям восприятия», то можно говорить, что Драгомощенко проделал двойную авантюру, как если бы, продолжим метафору, военный летчик для совершения операции должен был бы завести самолет на время под воду или скрыть его в песке пустыни, не имея подручных средств. Сначала Драгомощенко отказывается от «лиризма» в привычном смысле психологизма, мелодраматизма, эмоциональной насыщенности. Но отказ от лиризма у него никогда не сухость, не расчет, не ирония, но абстракция в высшем смысле, как абстрагирование не только от вещей, но и от уже введенных в употребление алгоритмов решения задачи. Как иногда оказывается даже в математике, что привычное решение задачи верно, но слишком громоздко, существует более краткое и изящное решение, позволяющее уточнить и условия других задач.

Мемуарные эпизоды в статьях этой книги перемежаются с экскурсами во французскую литературу и философию, в новые достижения эстетики XX века, например во французское осмысление кантовского сопоставления Прекрасного и Возвышенного. Прекрасное оправдано, когда оно стыдливо, возвышенное — когда оно отважно. Особый синтаксис Драгомощенко, новая форма организации пространства стиха, встроенный в стихи комментарий и изысканные оговорки — всё это вовсе не экспансия прозы в стих или стиха в бытовую речь, а, как доказывает Скидан, единственный способ

разграничить опять прекрасное и возвышенное не на основании тех эмоций, которые вызывают эти слова. Как статуя позволяет узнать, что такое прекрасное, не когда она дается как пример, но когда она вдруг как будто оживает в галерее, вроде бы среди чужих, созданных в другие эпохи произведений, или как музыка говорит о возвышенном больше всего в момент пауз, а не патетического грома, так и поэзия Драгомощенко сообщает на поворотах среди пауз ту строгость мысли, которую мы бы не получили, если бы просто «думали мысль». Такая неожиданная эстетика оказывается необходимым комментарием к этике Вейль.

Знамя Яромира Хладика реет, даже если пуля уже поразила его в рассказе Борхеса. Симона Вейль из Лондона, из эмиграции, Александр Скидан из Петербурга, из котельной, Яромир Хладик из Праги включают прямой репортаж, как нужно говорить о важнейших вещах. Пусть и другие книги издательства, внесенные в планы или еще не внесенные, приблизятся к нам.

АЛЕКСАНДР МАРКОВ

ХРОНИКА

Выставка «Издательство имени Чехова» в Парижском культурном центре имени Александра Солженицына

Двадцать третьего апреля 2018 года в Культурном центре имени Александра Солженицына в помещении книжного магазина «УМСА-Press» открылась выставка, посвященная «Издательству имени Чехова». Выставка была подготовлена сотрудниками Дома русского зарубежья им. А. Солженицына П.А. Трибунским и С.Ю. Урбан. Впервые выставка, в основу которой легли редкие фотографии и документы из американских архивов, была представлена в 2012 году в Доме русского зарубежья. В 2018 году выставка была переформатирована для франкоязычной публики и стала очередным совместным проектом Дома русского зарубежья и Культурного центра. Благодаря сотрудникам книжного магазина «УМСА-Press» на выставке были представлены оригинальные книги «Издательства имени Чехова», а также издательские каталоги.

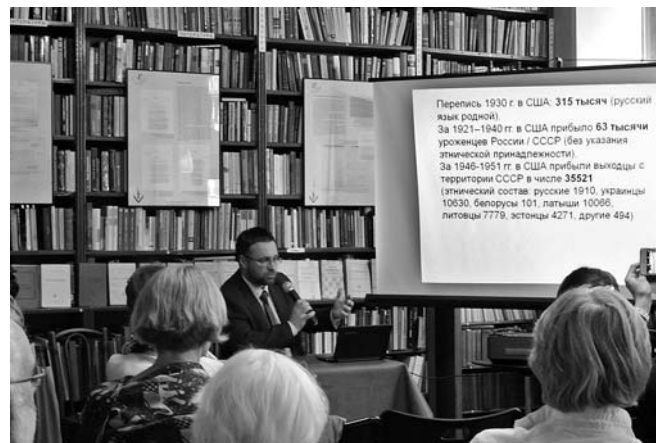
Вторая мировая война коренным образом изменила мир, в том числе и мир русского зарубежья (численность и состав его «подданных», количество и места размещения его центров). Губительно война сказалась на зарубежном русскоязычном издательском деле: подавляющее большинство издательств, газет, журналов, альманахов не выдержали испытаний военного времени, сократился писательский корпус и число потенциальных читателей, исчезли свободные денежные средства. Вторая волна оказавшихся за пределами СССР беженцев лишь частично компенсировала потери.

На этом фоне история создания и деятельности «Издательства имени Чехова» выглядит весьма необычно. Его появление стало результатом деятельности американской благотворительной организации Фонд Форда, который, благодаря пожертвованию Генри Форда II, стал одной из крупнейших филантропических организаций в мире. Среди новых глобальных направлений деятельности фонда значилось укрепление мира во всем мире, которое в условиях холодной войны вылилось в поддержку фондом беженцев из Советского Союза, въехавших в США по Акту о перемещенных лицах от 25 июня 1948 года. Для работы в этом направлении 23 марта 1951 года в Нью-Йорке была учреждена отдельная аффилированная организация, фонд «Свободная Россия» (Free Russia Fund, Inc.). В число его попечителей вошли дипломат Дж.Ф. Кеннан, вице-президент банка «J.P. Morgan» Р. Гордон Вассон, финансист Ф. Альтшуль, историк Ф.Э. Мозли и юрист Дж.Э.Ф. Вуд. 21 сентября 1951 года организация сменила название на Восточно-Европейский фонд (East European Fund, Inc.). 19 февраля 1952 года в число попечителей фонда вошли советолог М. Фейнсод и исполнительный секретарь международного комитета Христианского союза молодых людей (УМСА) П.Б. Андерсон. Руководство фондом осуществлял президент. Первым эту должность занял Кеннан (1951–1952), его преемником стал Мозли (1952–1961). В 1961 году фонд заявил о прекращении своей деятельности.

И фонд «Свободная Россия», и Восточно-Европейский фонд стремились всемерно содействовать послевоенным беженцам из СССР, равно как уже проживавшим в США представителям первой волны эмиграции. Провозгласив основной целью помощь новым эмигрантам в деле интеграции в американское общество, фонд стал активно поддерживать культурные, научные и общественные организации и начинания, которые создавались беженцами разных национальностей, как прибывшими из СССР, так и покинувшими еще императорскую Россию.

В качестве меры по сдерживанию экспансии коммунистических идей фонд решил создать русскоязычное издательство для удовлетворения духовных запросов новых граждан США. Официально вопрос о создании издательства был поднят на заседании фонда 22 мая 1951 года. Рассмотрение ситуации с издательством взял на себя подкомитет, доложивший свои соображения попечителям фонда 26 июня. Подкомитет сформулировал основные задачи издательской программы, примерно очертив круг авторов. Издательство должно было публиковать для эмигрантов из СССР книги на русском языке, недоступные им по разным причинам. Допускались все виды художественной и научной литературы, справочники и учебники. Желательными для издательства авторами были русские классики и советские писатели, чьи произведения были под запретом в СССР, писатели первой и второй волн

эмиграции, выдающиеся западные писатели, пропагандирующие ценности свободного мира. Все сформулированные принципы деятельности издательства, в том числе название «Издательство имени Чехова» (Chekhov Publishing House) и приглашение известного деятеля книжного бизнеса Н.Р. Вредена на пост директора, были одобрены попечителями фонда.

Ценную помощь в наполнении абстрактных категорий и разделов конкретными именами и произведениями оказал писатель Марк Алданов, книги которого Н.Р. Вреден переводил на английский язык с начала 1940-х годов. Вреден пригласил Алданова на должность главного редактора издательства, однако тот от заманчивого предложения отказался. В письме от 4 июля 1951 года он дал Вредену ряд ценных советов о направлениях издательской деятельности. Алданов также порекомендовал несколько возможных сотрудников издательства, из которых на службу была принята лишь В.А. Александрова, занявшая должность главного редактора.

В августе 1951 года фонд разрешил Н.Р. Вредену начать организацию издательства, которое официально должно было открыться 1 сентября. Юридическое оформление издательского проекта и его финансирование несколько затянулось и было окончательно одобрено лишь на заседании Восточно-Европейского фонда 21 ноября 1951 года. На деятельность издательства с 1 сентября 1951 года по 31 августа 1954 года Восточно-Европейский фонд запросил у Фонда Форда грант и получил 623 000 долларов.

Реально деятельность издательства началась с 4 сентября 1951 года. Первоначально (сентябрь 1951 – январь 1952) издательство разместилось в нью-йоркском отеле «Принц Георг» (14 East 28th Street), а в феврале 1952 года переехало в постоянное помещение (387 Fourth Avenue), которое занимало до августа 1956 года.

В мае 1953 года специальный комитет, призванный оценить работу издательства, высказался за продолжение его поддержки. На основании доклада Фонд Форда одобрил дополнительный грант в размере 615 000 долларов на труды издательства до 30 сентября 1956 года включительно.

За 1951–1955 годы в издательство поступило на рассмотрение более 700 рукописей. Самой первой, 28 августа 1951 года,

еще до начала работы издательства, поступила переработанная версия «Жизни Арсеньева» И.А. Бунина. Последняя рукопись («Русская литература в изгнании» Г.П. Струве) была получена 15 ноября 1955 года. Контракты на публикацию заключались с января 1952-го по ноябрь 1955 года. Для публикации было отобрано 154 книги (в 164 томах) 128 авторов. Помимо отдельных изданий было опубликовано 8 сборников, в которые вошли произведения еще 247 писателей, поэтов и мемуаристов. В процессе работы издательства обозначились следующие тематические направления: ценности западной цивилизации (переводные труды), общие мировые проблемы, нежелательные в СССР произведения русских классиков, запрещенные советские авторы, биографии, воспоминания эмигрантов первой и второй волн, книги по истории и культуре России и СССР, художественная литература эмигрантов первой и второй волн. Отметим, что произведения практически всех рекомендованных Марком Алдановым авторов были напечатаны.

Контракты на публикацию книг заключались с января 1952-го по ноябрь 1955 года. Средний гонорар за изданную отдельно книгу составлял 1500 долларов, что для русскоязычных авторов в послевоенных условиях было суммой внушительной. Первые десять книг вышли 28 февраля 1952 года, последние четыре – 30 апреля 1956 года. Тиражи книг колебались от 500 до 6500 экземпляров. Всего за четыре с половиной года было отпечатано 460 494 экземпляра. Издательство наладило продажу и бесплатную рассылку своей книжной продукции на всех континентах, в 45 странах мира. За 1952–1956 годы было распространено почти 170 тысяч книг, из которых треть – бесплатно.

В 1955 году, за год до окончания гранта, начались поиски средств для дальнейшей деятельности издательства. Заявка на 466 516 долларов в Фонд Форда на продолжение работы издательства в 1956–1958 годах поддержки не получила. Не увенчались успехом и попытки найти финансирование среди федеральных структур (в Государственном департаменте, в Центральном разведывательном управлении). После неожиданной смерти Н.Р. Вредена 6 августа 1955 года исполнять обязанности директора издательства стал президент фонда Ф. Мозли. На заседании фонда 9 апреля 1956 года было

принято решение закрыть издательство 30 сентября, передав книжный склад и долговые обязательства УМСА, уже более тридцати лет ведшей работу среди эмигрантов из России.

Отношения между «Издательством имени Чехова» с одной стороны и УМСА и УМСА-Press с другой первоначально складывались неудачно. «Издательство имени Чехова» отклонило предложение Дональда Лаури (D. Lowrie), директора УМСА-Press и «Товарищества объединенных издателей», стать единственным распространителем книг издательства, равно как и проигнорировало советы Лаури по книжному ассортименту (1952). Два издательства стали конкурентами в неравных финансовых условиях.

Лучше складывались отношения между Восточно-европейским фондом и лично секретарем УМСА П.Б. Андерсоном, многолетним участником «русской работы» УМСА. Благодаря усилиям Андерсона фонд в 1952 году выдал грант в 25 000 долларов УМСА-Press на издание учебников, книг для юношества и по религиозной тематике на русском языке. «Издательство имени Чехова» признало указанную часть книжного ассортимента прерогативой УМСА-Press. К началу 1956 года УМСА-Press напечатало 12 наименований книг общим тиражом 29 021 экземпляр. Доходы от реализации этих изданий фонд полностью передавал в распоряжение УМСА-Press. Позиции Андерсона в фонде усилились после того, как по его рекомендации очередным исполнительным директором фонда стал его соратник по «русской работе» Д. Лаури, правда, недолго остававшийся в должности (октябрь 1952 года — февраль 1953 года).

В условиях закрытия «Издательства имени Чехова» именно П.Б. Андерсон сделал многое, чтобы убедить руководство УМСА в необходимости принять дар. Он считал, что книги издательства будут способствовать продвижению русской культуры, а их продажа увеличила бы доход, который поступил бы на издание книг собственно УМСА-Press. 29 июня 1956 года. Национальный совет УМСА официально объявил о принятии дара фонда.

Все сотрудники издательства, за исключением Д. Атряскина-Неймана и И. Сядура, были уволены 30 сентября 1956 года. Официально издательство было передано под управление УМСА с 1 октября 1956 года. Д. Атряскин-Ней-

ман и И. Сядура продолжили работу в издательстве, контролируемом УМСА, до 1 февраля 1958 года в новом помещении (24 East 22nd Street). Временным главой издательства стал П.Б. Андерсон.

УМСА получила от Восточно-Европейского фонда 207 297 томов общей стоимостью более полумиллиона долларов. Новый владелец первоначально предполагал пустить в макулатуру 153 900 экземпляров, однако активная распродажа книг издательства позволила существенно разгрузить склады: за октябрь 1956 – январь 1958 года было распространено свыше 60 000 книг, из которых более 80 % бесплатно. Но продолжительная книготорговая деятельность не входила в планы УМСА.

На дальнейшую судьбу склада «Издательства имени Чехова» повлиял представитель «Товарищества объединенных издателей» Б.М. Крутиков. Он убедил Андерсона передать книжные остатки и долговые обязательства книгопродавцов в распоряжение товарищества, что и было сделано. С февраля по июль 1958 года во Францию в пяти контейнерах было отправлено 57 474 книги, отпечатанные «Издательством имени Чехова». Параллельно более 80 тысяч оставшихся томов были пущены под нож. С 1 апреля 1958 года все книги официально считались переданными товариществу, которому переходили и все права на взыскание долгов по счетам.

Передача книг совпала по времени со сворачиванием участия УМСА в «русской работе». Книги и дебиторская задолженность «Издательства имени Чехова», перешедшие товариществу, сыграли огромную роль в укреплении финансового положения как товарищества, так и одного из основных его участников – УМСА-Press. Доход от продажи книг и собранные долги издательства были частично инвестированы УМСА-Press в производство новых изданий. Количество поступивших книг оказалось таким внушительным, что их запасы до сих пор продаются в магазине УМСА-Press.

«Издательство имени Чехова» заняло особое место в истории русскоязычного зарубежного книгоиздания, став одним из немногочисленных положительных результатов холодной войны.

Подробнее об истории «Издательства имени Чехова» можно прочесть в статьях:

Трибунский П.А. Фонд Форда, фонд «Свободная Россия» / Восточно-европейский фонд и создание «Издательства имени Чехова» // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2013. М., 2014. С. 577–599.

Трибунский П.А. Ликвидация «Издательства имени Чехова», Христианский союз молодых людей и «Товарищество объединенных издателей» // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, 2014–2015. М., 2015. С. 447–504.

ПАВЕЛ ТРИБУНСКИЙ

Выставка «Максим Винавер.
“Пора возвращаться домой”»
(21 сентября – 11 октября 2018,
Музей Анны Ахматовой, Санкт-Петербург)

Впервые фамилию Винавер я услышала на уроке истории в школе. В дореволюционной России существовала такая политическая партия: Конституционные демократы, сокращенно к.д., отсюда просторечное «кадеты». Видный юрист Максим Моисеевич Винавер (1863–1926) руководил ею вместе с П.Б. Струве, П.Н. Милоковым и В.Д. Набоковым.

Спустя годы все фамилии как-то ожили. Набоков стал отцом «того самого писателя», Милоков редактором «Последних новостей» и «Русских записок», а Струве – дедушкой Никиты Алексеевича – редактора легендарной YMCA-Press и издателя «Архипелага ГУЛАГ». Только Винавер по-прежнему оставался строчкой в учебнике.

Как вдруг.

– А знаешь ли ты французского писателя Мишеля Винавера? – спросили меня погожим летним днем за столиком на террасе парижского кафе.

– Нет. Ты странно произносишь эту фамилию. Хотя... по-французски все фамилии произносятся так.

– Он родился во Франции, но его дед...

– Ну конечно! Это тот самый? Лидер кадетов?!

Мишель жил во Франции, США, снова во Франции. Он родился уже после смерти деда, но застал бабушку, которую очень любил. И в его четких и ясных текстах дыхание России не явно, и все же, все же...

Сначала была выставка в московском Доме русского зарубежья в октябре 2015 года. Из материалов выставки стало очевидным место семьи Винаверов в контексте российской культуры. Марк Шагал получил работу и кров в доме Максима Моисеевича. Кроме лидеров кадетов, гостями салона Винаверов были философ Лев Шестов, общественный деятель Соломон Познер и многие другие представители российской культурной элиты.

В эмиграции семья поселяется на юге Франции. Петербургский салон продолжается на новой почве, принимает прежних и новых гостей. Их посещает Шагал. Бедствующая Зинаида Серебрякова гостит в доме Винаверов и пишет портреты хозяина дома и его внуков — Мишеля и Жоржа.

После успеха выставки в ДРЗ возникла идея привезти ее в Петербург. Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме любезно предоставил свои помещения и взялся за организацию. Французский институт в Санкт-Петербурге также был рад принять живого классика. Сотрудники музея Жанна Телевицкая и Светлана Александрова в ходе подготовки к открытию выставки посетили мэтра в его парижской квартире, долго беседовали, снимали на камеру. В результате получился замечательный фильм о винаверовских Петербурге и Париже, о деду и внуке. Видеоряд органично соединился с песней «Пора возвращаться домой» популярной в России группы БИ-2. Название песни стало названием выставки.

Открытие выставки, посвященной семье Винаверов. Музей Анны Ахматовой, Санкт-Петербург. Октябрь 2018. Слева направо: Татьяна Викторовна, Мишель Винавер, кураторы выставки Светлана Александрова и Жанна Телевицкая, директор музея Нина Ивановна Потова

Подготовка к винаверовским дням в Петербурге вдохновила самого Мишеля на поездку в Россию. Решиться 87-летнему человеку на такое путешествие непросто. Но оно того стоило. Мишель приехал с дочерью Дельфин и внуками Габриэль и Симоном.

Открытие выставки в Фонтанном доме 21 сентября 2018 года собрало любителей творчества писателя. Хотя работа над переводом его произведений на русский только начинается, но петербуржцы читают и по-французски. Выставка была очень интересно организована: петербургский период жизни семьи, парижский, а между ними корабль эмиграции. И уже совсем отдельно — детство Розочки, бабушки Мишеля, супруги Максима Винавера. Это истории, сохранившиеся в памяти маленького Мишеля, рассказанные затем детям и внукам и записанные по их просьбе. Часть выставки, посвященная «Рассказам Розочки», была словно иллюстрированное издание книги, заполнена детскими рисунками юных петербуржцев, трогательными и временами уморительно смешными, как и сами рассказы.

Второй день носил скорее академический характер. На семинаре во Французском институте прозвучал рассказ

Татьяны Викторовой о деятельности отца Мишеля, антиквара Льва Гринберга, а также дискуссия Мишеля Винавера и его биографа Симона Шемама вокруг переводов Мишелем Винавером пьес русских драматургов на французский язык. В качестве яркой иллюстрации к дискуссии Симоном Шемама были представлены две сценки из адаптации

Экскурсия по местам, связанным с жизнью и творчеством М. Винавера. Слева Мишель Винавер, в центре экскурсовод Александр Буров

Мишеля Винавера «Месяца в деревне» И.С. Тургенева в исполнении актеров Французского института. Мишель рассказал о том, как он сам постепенно открывал влияние России, русских писателей на свое творчество. Особенно ему близки Чехов и Тургенев.

Может быть, наиболее волнующей для меня частью программы была экскурсия по петербургским адресам Максима Винавера. Четыре адреса: дом, двор, подъезд, балкон. Как много, оказалось, они могут сказать любящему сердцу! На фоне истории страны, семейной истории и рассказов о работе Максима в Государственной Думе и журнале. Все места обитания — это, конечно, исторический центр города: район Литейного проспекта. Росла семья, росло благосостояние. Кто думал, что все это закончится вот так. Вдруг. И суждено будет вернуться только внуку и его внукам.

По городу, несмотря на компактность размещения точек осмотра, перемещались на автомобиле. Мишель ходит с трудом, опираясь на трость. Его внук Симон тоже. У Симона это последствия ранения. Он сотрудник «Шарли Эбдо». Какая интересная штука — жизнь! Дед написал пьесу о теракте. Не мог молчать. Буквально склеил из газетных вырезок целую пьесу — «11 сентября 2001 года». А внук-журналист теракт пережил. И друзей потерял, и смерти в лицо заглянул. А что пережил дед после? Не возникло желание изменить текст пьесы? Добавить что-то?

Подобные вопросы прозвучали на петербургской премьере пьесы «11 сентября», переведенной Светланой Дубровиной и поставленной в Петербурге Симоном Шемама с помощью актеров Маленького театра Фонтанного дома (впервые в России показана в ДРЗ в октябре 2015 года в постановке Григория Лопухина). На вопрос, изменилось ли отношение Мишеля Винавера к терроризму после нападения на внука и его коллег, не хотел ли бы он что-то поменять в своей пьесе, драматург ответил определенно: «Нет, мое отношение осталось прежним, я не стал бы ничего менять».

В последний день работы экспозиции в галерее «Сарай» Музея Анны Ахматовой состоялась презентация книги Виктора Ефимовича Кельнера «Щит. М.М. Винавер и еврейский вопрос в России в конце XIX — начале XX века» (СПб., 2018).

В заключение хочется поделиться переполняющими меня после винаверовских дней в Петербурге эмоциями. Это было неожиданно и интересно. Общаться вот так — через страны, поколения и культуры. Кто-то говорит только на родном языке, кто-то на двух-трех. Как много мы можем сказать, как можем мы быть интересны друг другу! В такие моменты расширяются горизонты времени и пространства — история и география России и Франции становятся твоими личными историей и географией.

СВЕТЛАНА БУРОВА

День памяти матери Марии (Скобцовой)
в Твери и презентация русско-
французских изданий
(«Крохотки» А.И. Солженицына
и «Двенадцать» А.А. Блока)

Ежегодно Свято-Мариинское братство в Твери, избравшее своей покровительницей преподобномученицу Марию (Скобцову), отмечает день памяти святой 31 марта, в день ее гибели в лагере Равенсбрюк. На этот раз к памятной дате было приурочено несколько событий: показ документального фильма «Мать Мария. Возвращение домой» (реж. Наталья Кононенко, премьера фильма состоялась 8 мая 2018 года на телеканале «Культура») и презентация русско-французских изданий «Крохотки» А.И. Солженицына и «Двенадцать» А.А. Блока*.

Фильм Натальи Кононенко позволяет зрителю почувствовать «огненную» натуру матери Марии, понять, как постепенно прорастало — сквозь бурные события жизни — ее призвание: от пророческих слов обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева в письме к юной Лизе Пиленко — служение не может быть дальнему, но только — ближнему — через искушения революции и гражданской войны, тяготы первых лет эмиграции к подвижничеству «Православного Дела» и мученической смерти в лагере Равенсбрюк... Режиссер фильма Наталья Кононенко рассказала об истории создания фильма и поделилась планами съемок полнометражной ленты, посвященной матери Марии.

Разговор о матери Марии продолжили Татьяна Викторова и Наталья Ликвинцева, исследователи творчества матери Марии, составители ее Собрания сочинений (первый том вышел в 2012 году, второй в настоящее время находится в печати). Тему жизни, понимаемой как творчество, «евангельской теории творчества», о которой говорила Н. Ликвинцева, —

* *Солженицын А.И. Крохотки* / пер. на фр. яз. Л. Нива и Н. Струве, послесловие Ж. Нива. Paris: YMCA-Press, 2018; *Блок А.А. Двенадцать* / пер. на фр. яз. Ж. Нива, ил. А. Молева. Paris: YMCA-Press; М.: Русский путь, 2018.

подхватила Т. Викторова словами самой матери Марии: «В любви и творчестве наш христианский Бог». И этот дар — быть *живыми* (завершила общий оживленный разговор председатель Мариинского братства Лидия Крошкина) — мы получаем, приобщаясь к духовному наследию матери Марии, «всю жизнь исполнявшей заповедь воскресения».

Органичным продолжением встречи стала презентация «Крохоток» А.И. Солженицына и «Двенадцати» А.А. Блока. Прекрасно изданные к 100-летию А.И. Солженицына и к 100-летию создания поэмы «Двенадцать» русско-французские книги стали новым этапом издательской деятельности УМСА-Press. «Крохотки» А.И. Солженицына оформлены с использованием фотографий, сделанных писателем в поездках по Центральной России, — и благодарный читатель различает взгляд поэта на бревнышко, населенное муравьями, старое продырявленное ведро, расколотую молнией сосну (в рассказах), — но и на закат на Енисее, Дороженьку, полузатопленную-недотопленную Калязинскую колокольню — в фотографиях.

К изданию «Крохоток» было также создано замечательное приложение — аудиодиск с записью чтения рассказов самим писателем, и, специально для этого издания, поэмы в прозе в переводе на французский язык прочитал французский драматург Мишель Винавер.

Новое издание «Двенадцати» А.А. Блока сопровождается специально созданными для этой книги рисунками петербургского художника Артура Молева, известного, в частности, своими иллюстрациями книг современных поэтов. Глубокая вступительная статья Жоржа Нива погружает читателя в исторический контекст создания и бытования поэмы. Его новый перевод не стремится точно передать рифмованный стих (так давно непривычный французскому уху!), но удачно передает изломанный, напряженный *ритм* поэмы. Не сглаживая намеренно введенных Блоком арготизмов, резких слов и выражений, переводчик находит столь же режущие слух французского читателя эквиваленты. Последний раздел книги — отклики современников на поэму А.А. Блока — проявляет страшные противоречия революционной эпохи, трагедию рождения поэмы «Двенадцать», ставшей для своего автора тем Крестом, тяжести которого он не вынес.

СВЕТЛАНА ДУБРОВИНА

Перекресток

По счастливому совпадению, на одной и той же неделе, начавшейся 19 ноября 2018 года, в Париже прошли два коллоквиума, посвященные двум выдающимся русским авторам XX века: Николаю Бердяеву и Александру Солженицыну. 2018-й ознаменован 70-й годовщиной со дня смерти «философа из Кламара», парижского пригорода, в котором Бердяев поселился почти сразу по приезде во Францию в 1924 году и прожил до самой смерти в 1948-м. Клармар, таким образом, стал местом создания многих текстов, вошедших в сокровищницу русской религиозной мысли прошлого века. Но 2018-й — это еще и год столетия со дня рождения Александра Солженицына, главного свидетеля трагической истории современной России, чьи произведения (и в первую очередь «Архипелаг ГУЛАГ») получили мировую известность и явили за железным занавесом и в его пределах реальность существования системы советских концлагерей.

Коллоквиум по Солженицыну прошел под эгидой Института Франции с 19 по 21 ноября с очень насыщенной программой сначала в самом Институте (он начал свою работу прямо под куполом Французской академии благодаря приглашению постоянного секретаря Элен Карьер д'Анкос (Hélène Carrère d'Encausse)), а затем, во второй день, в большом амфитеатре Сорбонны. Вдова писателя, Наталия Дмитриевна, свидетельствовала о том, с каким интересом Солженицын всегда относился к Франции: этот интерес включал в себя разные оценки, порой критику, но при этом он вспыхивал все снова и снова. Многие выступающие изложили свои взгляды на общественную деятельность и творческое наследие писателя. Некоторые свидетельства звучали тем сильнее, что исходили от людей, от которых можно было ожидать неприкрытой враждебности к порой чрезмерной бескомпромиссности Александра Исаевича: к его русскому национализму, к критике Запада, к его осторожному отношению к представительской демократии. Наконец, к его взгляду на историю, очень личностному, не всегда основанному на научной точности и аргументированной критике источников. Но таков удел исключительной творческой личности, и коллоквиум еще

раз показал, в какой степени даже эти «перегибы» входят в общее горнило, в котором писатель создавал свои пламенные произведения, и что невозможно понять его творчество, разделяя эти аспекты, что бы ни думали о каждом из них.

В Сорбонне первым прозвучало записанное на камеру сообщение не имевшего возможности присутствовать лично философа и социолога Эдгара Морена, подчеркнувшего в своем проникновенном выступлении, как чтение Солженицына и его громовое слово стало для него уроком свободы и человеческого достоинства.

Вторая встреча, посвященная Бердяеву, прошедшая 24 и 25 ноября в зале мэрии Кламара под эгидой РСХД, была более скромной, но и тут стоит отметить огромный успех: зал, рассчитанный на сотню с лишним человек, был почти полностью заполнен на всем протяжении коллоквиума. Однако и эти кламарские дни ничем не уступали по интенсивности события предшествовавшим им парижским дням. Здесь с трибуны также звучали многочисленные сообщения, одновременно и очень продуманные, и очень эмоциональные. Они показали всю глубину персоналистской мысли Бердяева и — что, может быть, важнее — то, насколько эта мысль актуальна и сегодня: в современной России она востребована политиками самых разных направлений. В частности, как и в случае с Солженицыным, участники пришли к выводу о необходимости читать и перечитывать Бердяева для того, чтобы в его горящих свободой и духовным поиском словах найти руководство в наших собственных поисках предназначения человека.

Помимо русского происхождения, в чем еще сближаются два юбиляра: Бердяев, потомственный аристократ из родовитой дворянской фамилии с запада России, и Александр Солженицын, из простой семьи, выросший под влиянием большевистской и сталинской системы, сторонником которой он оставался еще в юности? Сам факт присутствия на двух этих коллоквиумах, шедших друг за другом, навел на мысли о странных сближениях их столь непохожих, казалось бы, жизненных путей. Тот и другой пережили опыт политических репрессий и тюремных заключений. Конечно, у Солженицына, прошедшего советские концлагеря, он был гораздо более долгим и мучительным, чем у Бердяева, который отсидел

лишь несколько недель в тюремном застенке в царской России из-за того, что примкнул к социальным протестам. И тот и другой познали долгое принудительное изгнание с родины как альтернативу физическому уничтожению: Бердяев был выслан в 1922 году на знаменитом «философском пароходе» вместе с Булгаковым, Шестовым и многими другими, изгнанными Троцким, считавшим, что на родине им не место, даже если против них недостает улики для расстрела. Солженицын был выслан в 1974-м и лишен советского гражданства, после чего последовала оголтелая газетная травля (но ему зато повезло вернуться в Россию в 1990-х). Оба из своего нелегкого жизненного пути сумели создать свое великое учение: всегда и повсюду нужно избегать лжи, лишаящей нас человеческой свободы. Не важно, из какого источника идет эта ложь, будь то крупная ложь политических систем, догматической узости или же мелкое предательство на уровне повседневности. Свободный человек — это тот, кто никогда не отказывается от собственного достоинства. Он не обязательно герой, у каждого человека свои пределы. Стоит заметить, что ни тот ни другой из наших мыслителей не впадают в морализм. Бердяев и Солженицын хотят свидетельствовать о своем времени и о духовной жизни (и еще чаще — об обездушенной жизни) людей, народа, чтобы показать, что поиск истины делает нас свободными. Бердяев более явно религиозен, чем его младший современник, которого отличало недоверие к любой догматике и доктринальной узости. Неудивительно, что мы открываем в Бердяеве страстного сторонника экуменизма совместно с великими свидетелями из других конфессий, как его друзья Жак Маритен или Эммануэль Мунье, или же узнаем о его дружбе с такой оригинальной и пламенной личностью, как мать Мария (Скобцова). Но Солженицын тоже поднимается на уровень религиозного мыслителя в своем яростном обличении рабства, укорененного в современном обществе: если его крик протеста часто расценивают как выступление реакционера, то ведь надо понимать это лишь по мерке того несказанного, к чему он подступался. Стоит ли удивляться, что такие испытания сделали его пламенным? И Бог отвергает теплохладных...

И еще одна точка удивительного совпадения обнаруживается при сопоставлении двух этих жизней: оба считали себя

наследниками Достоевского, еще одного заключенного, для которого опыт каторги и ссылки стал началом удивительного пути духовного осмысления и рождения литературного призвания, прорвавшегося сквозь все препоны. Достоевский научил их всматриваться в незаметных людей, лишенных голоса, в проституток и калек, в тех, кому Христос обещал Царство. Здесь обнаруживается то великое учение и источник животворящих слов, которые, при всей разнице стиля и тона, нам предлагают три этих писателя: свободный человек должен суметь в любом человеческом лице различить лик страдающего Христа.

Своеобразной кульминацией этой недели, с ее насыщенными красками и мерцанием языков пламени духа, словно отблеском Пятидесятницы, стала ранняя литургия в воскресенье в маленькой домово́й церкви Святого Духа, которая по такому случаю была переполнена народом, в том самом бердяевском доме в Кламаре, в котором философ устраивал собрания, всякий раз становившиеся настоящим духовным пиршеством. Чувство веяния духа останется в памяти у всех, кто присутствовал на этой литургии... Сияние красоты, достойный миг, завершивший чествование великих людей, о которых шла речь на этой неделе, посвятивших свои жизни тому, чтоб приподнять край завесы. Вечная память!

Лоран Мазляк (MAZLIAK)

Перевод с французского Натальи Ликвинцевой

IN MEMORIAM

Юрский-экзорцист

(Сергей Юрский, 16 марта 1935 – 8 февраля 2019)

От Сергея Юрского нам осталось десятка два ролей на афишах театров и в памяти зрителей, полсотни ролей в кино и телефильмах, десятка два режиссерских постановок, полдюжины прозаических произведений и несколько сотен сольных концертов, на которых его инструментом был собственный голос. Если он и был *мастером визуального*, этой второй реальности, эфемерной по определению, то еще более того он был *мастером человеческого голоса*.

От него остался этот теплый голос, довольно высокий по природе, но способный поочередно становиться любым инструментом огромного оркестра, добавьте к этому улыбку, которая всегда готова сделать из его лица доброжелательную карнавальную маску, эмодикон доброжелательности. И голос этот был способен преобразжать пространство вокруг себя в амфитеатр, как если бы его голос превращал наше с вами пространство в античный театр, центром которого был он сам, и где говорили по-русски, а не по-гречески...

От этого голоса мир получал точную акустику, становился звуковым кружевом, фреской акрополя. Ведь не просто так крепкая дружба связала Юрского с поэтом – «почитателем античности» Иосифом Бродским. Юрский посвятил ему одну из своих самых прекрасных поэм «Театральное». Я много раз как зачарованный смотрел и слушал этот монолог Юрского, который словно разворачивается на фоне греческого города, не то Коринфа, не то Спарты.

Юрский удваивал себя с поразительным мастерством, он был одновременно и безымянным гостем, стучащим в ночи в ворота Города, и недоверчивым хором горожан на стене. Метаморфоза совершалась прямо на наших глазах, через незаметные жесты и крохотные изменения тональности голоса. Такие же метаморфозы совершал он и в жизни, как и в театре, потому что любил вносить театр в повседневность, и нужно было быть на страже: *ничего* вроде бы не изменилось в его поведении на террасе в кафе, где мы сидели, но это был уже не он, это был персонаж Зощенко, или пушкинский Дубровский, или Чацкий Грибоедова, только что вынырнувший из своих размышлений. У Юрского была огромная щедрость к своей огромной аудитории. Он мне всегда напоминал еще одного великого актера, Жана-Луи Барро, столь же щедрого по отношению к публике, которую он любил и считал соавтором того чуда, каким всегда оказывается любой великий спектакль. Гениальность Барро была гениальностью *мима*. Юрский же был *клоуном*, виртуозным бродячим акробатом, но с возрастом он превратился прежде всего в *сказителя*, в акробата слова.

И у его чудесного голоса был уникальный дар вымолачивать зерна, распускать по петлям и снова собирать в одно целое стихи и прозу. Прежде всего стихи. Его исполнение «Евгения Онегина» было и есть, благодаря записям, отдельный шедевр. Ничего естественного, но и ничего искусственного тоже, просто онегинская строфа, пройдя через дыхательную мельницу Юрского и через воздушные рисунки его рук, на выходе становилась неподражаемой. Полностью воссозданной заново.

«Человек ниоткуда», этот «тронутый», танцевавший перед академиками из музея этнологии, как одни из братьев Маркс или как Остап Бендер, которым он побывал и которого боготворил весь Советский Союз, который отлит теперь в бронзе у входа в «Бродячую собаку» в Санкт-Петербурге; короче говоря, все его первые крупные клоунские роли ввели его в некое подобие райского облака, которое позволялось и даже предполагалось советским коммунизмом, чтобы замаскировать его трагическую подоплеку, облако юности, сметливости, с которым позже ему пришлось размежеваться. Между Ленинградским БДТ (Большой драматический театр),

где он был одним из любимых молодых актеров Георгия Товстоногова, и московскими театрами после его «пересечения» театральной России на пути из Ленинграда в Москву — он играл все, от Грибоедова до Гоголя и Горького. «Горе от ума», сыгранное им у Товстоногова, осталось в памяти у тех, кто его видел, подспудным трагизмом. Когда его спрашивали об опасных поворотах в его карьере, он отвечал со смехом, но всегда упоминал страх. Этот же страх сопровождал и всех великих артистов огромного мира театра, балета, музыки в Советском Союзе. Роль клоуна в сталинском универсуме была очень опасна, как опасна роль шута при королевском дворе...

Его переезд в Москву был связан с его вторым браком, женитьбой на Наталье Теняковой, тоже очень талантливой актрисе, великолепной в комических ролях, но не только в них. Вдвоем они сыграли родителей Базарова в фильме Авдотьи Смирновой «Отцы и дети»: там они незабываемы, еще живее, чем в жизни... Вместе с дочерью Дарьей они часто играли все втроем, когда в хаосе 1990-х Юрский попробовал себя в качестве режиссера и директора театра. «Стулья» Ионеско в «Школе современной пьесы» были, может быть, лучшим моментом этой новой карьеры. Но были и «Игроки XXI», безумно гоголевская постановка, передающая хаос и гангстерство тех лет. И конечно, «Сталин», где Юрский сыграл диктатора в собственной пьесе: он выводит здесь на сцену певицу, которая вроде бы давно должна была погибнуть в сталинской мясорубке, но она все снова и снова отводит гнев султана так же, как и Шахерезада в «Тысяче и одной ночи». Он часто бывал в Женеве, в Клубе русских исследований при университете, куда он приезжал с концертами, стихами и прозой, и особенно с чтением Зощенко, которого очень ценил за его умиротворяющий сатирический талант и за утонченность языка.

Юрский отнюдь не был политическим оппозиционером, но он высоко поднимал голос, когда считал это нужным: в защиту Ходорковского, или посаженного под домашний арест режиссера Серебренникова, или ради освобождения Pussy Riot, обвиненных за пляску в храме Христа Спасителя. И это не значит, что он был неверующим, совсем наоборот, он обрателься, крестился, был прихожанином церкви святого

Власия рядом с домом и одновременно членом братства отца Иоанна Привалова в Архангельске или попечителем Свято-Филаретовского института и его филиала рядом с Новым Иерусалимом. Но он был чужд той церкви, которая запрещала или подавляла. В Городе Юрского ворота всегда были открыты для незнакомцев.

Он писал свои труды повсюду: его жилье, его долгие и мучительные поездки из одного конца страны в другой становились местом для письма. Потому что письмо мало-помалу все больше перевешивало спектакли – необходимость диктовала закон. И он оставил нам важное опубликованное наследие, свои мысли о человеке, художнике, актере, словесном жонглере. В деревне Эсери в Верхней Савойе он написал часть рассказа «Чернов». Как и все его искусство, этот трогательный текст одновременно беспокоит, ранит, провоцирует, поскольку перерастает обыденную психологию (за это он любил Шукшина). Он разводит две линии, как два железнодорожных пути, которые пересекаются, проходят один под другим, но стрелочник так никогда их и не уравнивает...

Гениальный архитектор, вынужденный при этом перебиваться на вторых ролях в своем институте из-за отказа от идеи «русской архитектуры, противостоящей архитектуре, импортированной из-за границы», разведшийся с женой, беспokoящийся за эпилептика-сына, Чернов «убил» восемь лет жизни на то, чтобы построить миниатюрный поезд под обеденным столом в столовой, который постепенно наводнил собою всю его единственную комнату. Человеческая жизнь здесь похожа на этот двойной маленький поезд, отправляющийся и останавливающийся по команде, карабкающийся на крошечные горы и спускающийся с них. А в институте Чернова идет своя шакаля грызня, увольнение сотрудников-евреев под прикрытием защиты национальной русской архитектуры. Чернов не еврей, но он не пишет доносов, пытается держаться в стороне и поэтому чувствует себя в безопасности. Его посылают в Барселону на конгресс архитекторов, но для этого с него требуют донос на одного коллегу-еврея, уже эмигрировавшего (так что навредит он этим доносом только себе самому, своему чувству самоуважения), и он приезжает туда одновременно с советским оркестром, прибывшим для участия в конкурсе.

Это вторая линия игрушечного, миниатюрного поезда: их спецвагон взят в заложники исламистским террористом, у которого в Испании своя миссия. От поезда с оркестром, которым руководит Арнольдо, останется лишь груда обломков на вокзале Барселоны. И несостоявшийся концертный антрепренёр Пьер Ч., которому удалось избежать бойни, ошеломленно смотрит из окна своей комнаты в отеле на опустевший вокзал, на полицейских, изучающих обломки. Затем внезапно он видит, как из окна соседнего здания выбрасывается человек. Это Чернов, которому не удалось написать донос и подавить в себе голос совести. Два маленьких поезда наконец слились в одно целое, это катастрофа, но увиденная с высоты, ставшая миниатюрой... Так, что вид с птичьего полета на барселонский вокзал, пустой и мертвый, с телом Чернова, распростертым внизу, становится оправданием миниатюрного поезда: все есть всего лишь игра. Юрский снял по «Чернову» фильм; на здании вокзала, к которому подъехал взятый в заложники призрачный поезд, надпись мелкими буквами: Эсери... Юрский сыграл в этом фильме руководителя оркестра Арнольда, взятого в заложники и убитого бомбой...

Во что же играл великий Юрский? Он прожил трудный этап старения актера, когда операции шли одна за другой, он переносил их с огромным терпением и мужеством. Он играл в понимание жизни, в сведение ее к трагикомическому кружеву, как он делал на своих незабываемых концертах с чтением поэзии и прозы, он мог в одиночку играть и перед пятью тысячами зрителей, и только перед пятью, как случилось порой во время его гастролей на Колыму.

По сути, он играл перед населением Города. Я помню его шестидесятый день рожденья, в театре Бобиньи, на авеню Ленина. Он играл по-французски в пьесе «Диббук» еврейского писателя Шалома Анского, написанной по-русски, но впервые поставленной в 1917 году в Вильно в переводе на идиш. Диббук — это демон, который невольно отделяется от человека, чтобы либо погубить того, либо спасти. Пьеса Анского предельно драматична, это еврейский аналог «Ромео и Джульетты», с юной невинной девушкой, которую должны против ее воли выдать за богача. Диббук ее умершего жениха входит в нее, и за этим следуют сцены экзорцизма. Сергей

Юрский, игравший по-французски, со своим сильным акцентом, который он подчеркивал, исполнял роль раввина-экзорциста с необычным величием и мощью. А после этого мы всю ночь отмечали его день рождения, было 16 марта 2005 года; потом, ранним холодным утром, пришлось пешком возвращаться в Париж. Бульвар Ленина был нескончаем. Юрского это лишь еще больше веселило. Он был экзорцистом, что-то изгнавшим и из самого себя, и из нас.

ЖОРЖ НИВА

Перевод с французского Натальи Ликвинцевой

Памяти Жаклин де Пруайяр
(Слово, произнесенное при отпевании
в церкви Сен-Пьер-де-Шайо
4 февраля 2019 года)

Недавно Жан-Батист де Пруайяр напомнил мне неожиданные слова, которые наш коллега Жан Бонамур¹ однажды сказал Жаклин: «Вы постоянно живете под знаком срочности». В повседневности это было обусловлено ее личной и профессиональной жизнью и движимо ее энергией и мужеством, которые казались неиссякаемыми.

Мы все были свидетелями этого, ибо эта срочность чувствовалась во всем, к чему она была привязана: прежде всего к семье, которая была для нее главным; далее к ее профессии, к которой она относилась живо и ответственно, проводя время в постоянных разъездах: сначала между Парижем и университетом в Пуатье, затем — между Парижем и университетом в Бордо, где она блестяще защитила в 1985 году докторскую диссертацию и была избрана профессором кафедры славистики.

Мне хотелось бы подчеркнуть ее высокую степень вовлеченности и ревностную защиту деятельности французских славистов в университете, в лоне Института славянских исследований, и во Французской ассоциации русистов (AFR). Она была ее многолетним президентом, несмотря на все прерватности, проявляя удивительную мудрость и редкую широту взгляда.

Для этого требовались прекрасные человеческие качества. Они проявлялись в том числе во время встреч у нее на rue Fresnel на благо «русского дела» и славянского мира.

Мне вспоминаются в этой связи два примера, в начале и в конце ее профессионального пути слависта. Прежде всего ее регулярные встречи, каждые три недели, с Элен Пельтье-Замойской, Мишелем Окутюрье и Луи Мартинезом с декабря 1957-го по июнь 1958 года во время их совместной работы над переводом «Доктора Живаго». Это интеллектуальное сотрудничество продолжилось в ходе ее общения с Жоржем

Нива, Анитой Давиденковой, Жераром Абенсуром, Катрин Депретто и многими другими коллегами. В области преподавания русского языка нужно упомянуть Франсуазу Давыдову, генерального инспектора изучения русского языка, и Софи Лазарюс, главного секретаря Французской ассоциации русистов в те годы, когда ее возглавляла Жаклин.

Далее — упоминаемые встречи на rue Fresnel, которые объединяли крупных французских и зарубежных славистов, чьи доклады впоследствии печатались в журнале «Славянские тетради» («*Les Cahiers Slaves*»). В нем было опубликовано, в 2008 и 2010 годах, последнее большое исследование Жаклин «“Человек в пути” в произведениях Чехова»².

Ее человеческая и интеллектуальная щедрость была тесно связана с ее осознанной увлеченностью Россией, знанием ее сложной истории, что часто было связано с внимательным чтением выдающихся русских авторов. Она, вероятно, согласилась бы с мыслью Башляра: «Мы можем узнать человека, лишь читая его. По написанному им мы можем по достоинству оценить его».

Исследования Жаклин затянувшегося «русского средневековья» начались с мощной личности протопопа Аввакума и простились до творчества Пастернака, Платонова, Солженицына, пройдя через встречи с Гоголем, Толстым, Достоевским, Чеховым. Чтение этих авторов, наряду с погружением в библейские тексты, обогащало ее литературоведческие анализы и в целом ее мировоззрение. Она посвятила этому, в частности, ряд исследований: в 1989-м — славянской Библии; в 1998-м — Аввакуму и Библии. Работы были опубликованы в «Журнале Славянских исследований» («*Revue des études slaves*»).

Для этого Жаклин выучила иврит, третий священный язык, наряду с греческим и латинским, и работала с выдающимися израильскими исследователями. На протяжении всей своей жизни она продолжала размышлять о взаимоотношениях христианства и иудаизма, как показывает, в частности, ее переписка с Борисом Пастернаком. Сегодня хорошо известно, что во многом именно благодаря ей и Элен Пельтье-Замойской «Доктор Живаго» оказался во Франции: в переводе и публикации романа она приняла активное участие.

Пастернак, несмотря на природную сдержанность, часто напоминал Жаклин их долгие разговоры на даче в Переделкино. 2 мая 1959 года, за год до смерти, он написал ей по-французски:

«Я был крещен няней в младенчестве, но из-за ограничений, которым подвергались евреи, и к тому же в семье, которая, благодаря художественным заслугам отца, была от них избавлена и пользовалась определенной известностью, это вызывало некоторые осложнения и всегда оставалось наполовину тайной, почти интимной, скорее импульсом редкого и исключительного вдохновения, чем спокойной привычкой. Однако именно в этом, думаю, источник моего своеобразия. Сильнее всего в жизни христианский образ мысли владел мною в 1910–1912 годах, когда формировались корни и основы этого своеобразия, взгляды на жизнь и на мир. Но поговорим об этом в другой раз или, скорее, не будем об этом говорить. Намекните об этом Элен Замоиской, и пусть это останется неведомым»³.

И для того, чтобы обосновать свою позицию, он добавляет:

«Высказывание о Святом Духе ничего не стоит по сравнению с его собственным присутствием в произведении искусства, с чего начинается великое и чудесное. Однако вернемся к этому в следующий раз»⁴.

«Христианский образ мысли» станет определяющим в «Докторе Живаго», подлинно христианском романе. Упоминаемые «ограничения, которым подвергались евреи», пробуждают воспоминания о чудовищных погромах, опустошивших Восточную Европу. Они могут напомнить отчаянный вопрос мальчика в минуту, когда группа черносотенцев-протофашистов взломала дверь семейной квартиры: «Мама, а моя кошка — тоже еврей?»

Уровень мысли и исследовательский талант в области гуманитарных наук происходили из многочисленных главных качеств Жаклин: открытый ум; интерес к интеллектуальной жизни, сформировавшийся во Франции, России и Америке; ее способность углублять произведения читаемых ею авторов, которым она осталась преданной на протяжении всей своей жизни; наконец, ее ясная и образная манера письма.

Нам будет не хватать Жаклин — с ее прямоотой, культурным горизонтом, откровенностью, чувствительностью, которые делали ее столь привлекательной, одновременно — пылкой, волевой, отважной и выносливой. Ее личность и исключительная жизнь мне казались освещенными ёмкими и точными словами:

«Между *быть* и *казаться* необходим выбор».

Жаклин сделала свой выбор.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Jean Bonamour (1935–2018), славист, заслуженный профессор Сорбонны. Автор известных монографий «Русский роман» (1978) и «Русская литература» (1992), исследований об Александре Грибоедове, Василии Жуковском, Иване Бунине, о русско-польских и русско-французских литературных связях.

² 14 номеров «Славянских тетрадей» («*Les Cahiers Slaves*») доступны для чтения на сайте «Persée», см.: <https://www.persee.fr/collection/casla>.

³ «J'ai été baptisé par ma bonne de prime enfance, mais à cause des restrictions contre les Juifs et surtout dans une famille qui en était exempte et jouissait d'une certaine distinction, acquise par les mérites artistiques du père. Le fait s'était un peu compliqué et restait toujours mi-secret, mi-intime, objet d'une inspiration rare et exceptionnelle plutôt que d'une calme habitude. Mais je pense que c'est la source de mon originalité. Je vivais le plus de ma vie dans la pensée chrétienne dans les années 1910–1912, où se formaient les racines, les bases principales de cette originalité, la vision des choses du monde, de la vie. Mais nous en reparlerons une autre fois, ou plutôt n'en parlons guère. Faites-en une légère allusion à Héléne Zamoyska, et que cela reste ignoré pour le reste».

⁴ «Une opinion sur le Saint-Esprit ne vaut rien auprès de sa propre présence dans une œuvre d'art d'où le grand, le merveilleux commence. Mais reparlons de cela une autre fois...»

ФРАНСИС КОНТ

Перевод с французского Татьяны Викторовой

Молитва из записной книжки
Жаклин де Пруайяр
(1946 год)

Если жизнь — большая игра, сыграем же ее на славу!
Если жизнь — удовольствие, — вкусим его:
 не слишком отдаваясь ему, мы найдем в нем жизнь.
Если жизнь — работа, — будем работать хорошо.
Если жизнь — страдание, — будем страдать сполна,
 с радостью и доверием.
Если жизнь — боль, — мужественно перенесем ее.
Если жизнь — улыбка, — будем же улыбаться всегда.
Если жизнь — любовь, будем любить все больше и больше.
Пусть не будет пределов у этой любви.
Если жизнь — радость, пусть она станет частью нас,
 и мы войдем в радость.
Если жизнь — красота, сделаем же ее прекрасной;
 прекрасной для нас и для всех наших братьев.
Если жизнь — сила, отправимся же в путь и пройдем его
 пламенно.
Если жизнь — свет — воспламенимся и будем излучать его.
Если жизнь — правда, проживем ее во всей полноте,
 позволим ей восторжествовать.
Если жизнь бесконечна, если жизнь есть Бог —
 потеряем в Нем нашу жизнь, чтобы обрести Жизнь.

Перевод с французского Татьяны Викторовой

Коротко об авторах

Александров Виктор Владиленович (Будапешт, Венгрия). Историк церкви и богослов. Автор работ по истории православного церковного права и богословию Н. Н. Афанасьева.

Белякова Елена Владимировна (Москва). Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Церкви исторического факультета МГУ, ведущий научный сотрудник Центра истории религии и церкви Института российской истории РАН, автор более 80 научных работ по истории Церкви и церковному праву.

Дубровина Светлана Николаевна (Москва). Кандидат филологических наук, заведующая отделом по развитию и связям с общественностью Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Специалист по истории французского театра и драмы XX века и культуре русского зарубежья. Переводчик с французского языка.

Ермишина Ксения Борисовна (Москва). Кандидат философских наук, имеет публикации в ведущих гуманитарных журналах России и зарубежья. В 2001 г. закончила Российский государственный гуманитарный университет (Москва), старший научный сотрудник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Научный консультант научно-популярных фильмов, автор учебника «Религиозная антропология» (первое издание: ПСТГУ, 2012) и монографии, посвященной Н.С. Трубецкому. Основные научные интересы: история евразийского движения, научное, религиозное и философское наследие семьи Трубецких.

Зелинский Владимир, протоиерей (Брешия, Италия). Настоятель храма иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» в г. Брешии (Архиепископия православных русских церквей в Западной Европе), писатель, богослов.

Иоанн (Зизиулас) (Афины), **митрополит Пергамский** (Константинопольский патриархат), один из наиболее известных современных православных богословов, автор нескольких книг и многочисленных статей в области экклезиологии и догматического богословия, профессор богословия Эдинбургского университета (1970–1973), университета Глазго (1973–1987), университета им. Аристотеля в Салониках (1984–1998) и почетный профессор ряда университетов.

Марков Александр Викторович (Москва). Доктор филологических наук, профессор факультета истории искусства РГГУ, ведущий научный сотрудник отдела христианской культуры Института мировой культуры МГУ.

Медведев Александр Александрович (Тюмень). Доцент кафедры русской литературы Тюменского государственного университета, кандидат филологических наук, автор диссертации «Эссе В.В. Розанова о Ф.М. Достоевском и Л.Н. Толстом: Проблема понимания» (МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997). Специалист в области русской литературы и религиозно-философской мысли XIX–XX веков в историко-культурном контексте «большого времени». Автор более 30 статей в «Розановской энциклопедии» (М.: РОССПЭН, 2008).

Нива Жорж (Женева). Французский историк литературы, славист, профессор Женевского университета, автор книг и статей об Александре Солженицыне, русской литературе, России и Европе.

Нивьер Антуан (Париж). Историк церкви и русской религиозной мысли, доктор филологических наук, профессор Университета Нанси II, заведующий кафедрой русского языка и литературы.

Соловьев Илья, священник (Москва). Кандидат богословия, кандидат исторических наук, специалист по истории Русской Православной церкви XIX–XX веков. Окончил МГУ, Киевскую духовную семинарию и академию. Председатель московского Общества любителей церковной истории. Клирик храма в селе Язвище Волоколамского района Московской области.

Трибунский Павел Александрович (Москва). Кандидат исторических наук (Российский государственный гуманитарный университет, 2002). Старший научный сотрудник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Область научных интересов: история науки, история российского либерализма, архивное наследие ученых, издательское дело. Текущий исследовательский проект — «Эпоха 1960-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов: собрание Г.А. Хомякова, журнала “Мосты” и “Товарищества зарубежных писателей” (из архива Дома русского зарубежья им. А. Солженицына)».

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 3

БОГОСЛОВИЕ, ФИЛОСОФИЯ

Мысли о Церкви – *Митрополит Антоний Сурожский*
(пер. Елены Майданович) 5

Идентичность Церкви (глава из книги «Лекции по христиан-
ской догматике») – *Митрополит Иоанн (Зизиюлас)*
(перевод Аллы Николаенко) 14

Каноническое право как проблема – *Виктор Александров* 22

ЖИЗНЬ ЦЕРКВИ

Экклесиологические постановления Поместного Собора
Русской Православной Церкви 1917–1918 годов –
Елена Белякова 34

Церковные нестроения в русской эмиграции в 1965–1966 годах:
Парижский Экзархат между Константинополем
и Москвой (К публикации документов Чрезвычайного
епархиального собрания Архиепископии православных
русских церквей в Западной Европе, февраль 1966 года) –
Свящ. Илья Соловьев 46

Протоколы заседания Чрезвычайного епархиального
собрания Архиепископии православных русских церквей
в Западной Европе (публикация *свящ. Ильи Соловьева*
и *Антуана Нивьера*) 61

Никто не хотел выбирать – *Прот. Владимир Зелинский* 107

Анкета «Вестника» об украинской автокефалии –
Ответы Антуана Нивьера, Наталли Василевич,
Антуана Аржаковского, свящ. Георгия Кочеткова,
Бориса Херсонского, Виктора Александрова 116

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Разгадать миф — *Прот. Владимир Зелинский*142

ЛИТЕРАТУРА

К столетию со дня рождения А.И. Солженицына

Насилие и его границы: Солженицын и Камю —
Оливье Клеман (пер. Натальи Ликвинцевой)152

«Крохотки» Солженицына: взгляд художника —
Павел Кишилов163

К 190-летию со дня рождения Л.Н. Толстого

Воспоминания Ольги Трубецкой о встрече с Львом Толстым
(публикация Ксении Ермишиной)166

К 200-летию со дня рождения И.С. Тургенева

Мишель Винавер — переводчик И.С. Тургенева —
Светлана Дубровина180

Между адаптацией и переводом, кубизмом
и импрессионизмом: работа над «Месяцем в деревне»
И.С. Тургенева (Беседа Мишеля Винавера с Татьяной
Викторовой)189

Отрывок адаптации пьесы И.С. Тургенева «Месяц в деревне»
Мишелем Винавером *(пер. Татьяны Викторовой)*194

«Встреча французской публики с Тургеневым»:
(из интервью Анук Гринберг, сыгравшей роль
Натальи Петровны) *(пер. Татьяны Викторовой)*202

К столетию поэмы А.А. Блока «Двенадцать»

«А все-таки Христа я никому не отдам»: истоки образа Христа
в поэме А. Блока «Двенадцать» — *Александр Медведев*206

В МИРЕ КНИГ

Биография и история. Исторические личности с негромкими
именами на перекрестке эпох, культур, судеб:
о биографии поэтессы и историка-медиевиста
Раисы Блох — *Наталья Пашкева*228

Отблески вечного (Б.К. Зайцев) — *Виктор Леонидов*242

Строгость поворота: о книгах Симоны Вейль и Александра Скидана — <i>Александр Марков</i>	245
--	-----

ХРОНИКА

Выставка «Издательство имени Чехова» в Парижском культурном центре имени Александра Солженицына — <i>Павел Трибунский</i>	250
Выставка «Максим Винавер. “Пора возвращаться домой” (сент. — окт. 2018, Санкт-Петербург) — <i>Светлана Бурова</i>	258
День памяти матери Марии (Скобцовой) в Твери и презентация русско-французских изданий («Крохотки» А.И. Солженицына и «Двенадцать» А.А. Блока) — <i>Светлана Дубровна</i>	263
Перекресток — <i>Лоран Мазляк (пер. Натальи Ликвинцевой)</i>	265

IN MEMORIAM

Юрский-экзорцист — <i>Жорж Нива (пер. Натальи Ликвинцевой)</i>	269
Памяти Жаклины де Пруайяр — <i>Франсис Конт (пер. Татьяны Викторовой)</i>	275
Молитва из записной книжки Жаклин де Пруайяр (<i>пер. Татьяны Викторовой</i>)	279
Коротко об авторах	280

TABLES DES MATIÈRES

Éditorial3

THÉOLOGIE, PHILOSOPHIE

Réflexions sur l'Église – *Métropolitaine Antoine de Souroge*
(trad. de Elena Maïdanovitch)5

Identité de l'Église, extrait du livre *Conférences sur la dogmatique*
chrétienne – *Métropolitaine Jean (Zizioualas)*14

Le droit canon comme problème – *Victor Alexandrov*22

VIE DE L'ÉGLISE

Décisions ecclésiologiques du Concile locale de l'Église
orthodoxe de Russie de 1917–1918 – *Elena Beliakova*34

Désordres ecclésiastiques dans l'émigration russe en 1965–1966:
l'Exarchat de Paris entre Constantinople et Moscou
(Introduction aux documents de l'Assemblée Générale
Extraordinaire de l'Archevêché des paroisses russes
d'Europe occidentale, 1966) – *Prêtre Ilia Soloviev*46

Procès-verbal de l'Assemblée Générale Extraordinaire
de l'Archevêché des paroisses russes d'Europe occidentale,
1966 (*publication du prêtre Ilia Soloviev et d'Antoine Nivière*)61

Personne ne voulait choisir – *Archiprêtre Vladimir Zelinski*107

Enquête du Messenger sur l'autocéphalie de l'Ukraine –
Réponses d'Antoine Nivière, de Natalia Vassilevitch,
d'Antoine Arjakovsky, du prêtre Georges Kotchetkov,
de Boris Khersonski, de Victor Alexandrov116

QUESTIONS DE SOCIÉTÉ

Déchiffrer le mythe – *Archiprêtre Vladimir Zelinski*142

LITTÉRATURE

Centenaire de la naissance d'Alexandre Soljénitsyne

- La violence et ses limites: Soljénitsyne et Camus –
Olivier Clément (trad. de Natalia Likvintseva)158
- « Miniatures » de Soljénitsyne: regard d'un peintre –
Paul Kichilov163

190e anniversaire de naissance de Léon Tolstoï

- Souvenirs d'Olga Troubetskaïa sur sa rencontre avec Léon
Tolstoï (*publication de Xenia Ermichina*)166

200e anniversaire de naissance d'Ivan Tourgueniev

- Michel Vinaver, traducteur de Tourgueniev –
Svetlana Doubrovina180
- Entre adaptation et traduction, cubisme et impressionnisme:
travail sur *Un mois à la campagne* (Entretien
de Tatiana Victoroff avec Michel Vinaver)
(*trad. de Tatiana Victoroff*)189
- Extrait de l'adaptation par Michel Vinaver de la pièce
d'Ivan Tourgueniev *Un Mois à la campagne*
(*trad. de Tatiana Victoroff*)194
- « Rencontre du public français avec Ivan Tourgueniev »
(extrait d'une interview d'Anouk Grinberg, interprète
du rôle de Natalia Petrovna) (*trad. de Tatiana Victoroff*)202

Centenaire du poème d'Alexandre Blok Les Douze

- « Et pourtant je n'abandonnerai à personne le Christ » :
les sources de l'image du Christ dans le poème de Blok
Les Douze – *Alexandre Medvedev*206

LE MONDE DES LIVRES

- Biographie et histoire. Personnalités historiques méconnues
au carrefour des époques, des cultures, des destins :
à propos de la biographie de la poétesse et de l'historienne-
médiéviste Raïssa Blokh par Agnès Graceffa *Une Femme face
à l'Histoire* – *Natalia Pachkeeva*228
- Reflets d'éternité (Boris Zaïtsev) – *Viktor Leonidov*242

Rigueur du tournant: à propos des livres de Simone Weil et d'Alexandre Skidan – <i>Alexandre Markov</i>	245
--	-----

CHRONIQUE

Exposition « Les éditions Tchekhov » dans le Centre culturel russe Alexandre Soljénitsyne à Paris – <i>Pavel Tribunsky</i>	250
Exposition « Maxime Vinaver ‘Il est temps de rentrer chez soi’ » (2018, Saint-Pétersbourg) – <i>Svetlana Bourova</i>	258
Commémoration de la mémoire de mère Marie Skobtsov à Tver et présentation des publications bilingues <i>Miniatures</i> de Soljénitsyne et <i>Les Douze</i> de Blok – <i>Svetlana Doubrovina</i>	263
Carrefour – <i>Laurent Mazliak</i> (<i>trad. de Natalia Likvintseva</i>)	265

IN MEMORIAM

Yurski exorciste – <i>Georges Nivat</i> (<i>trad. de Natalia Likvintseva</i>)	269
In memoriam Jacqueline de Proyart – <i>Francis Conte</i> (<i>trad. de Tatiana Victoroff</i>)	275
Prière extraite d'un carnet de notes de Jacqueline de Proyart (<i>trad. de Tatiana Victoroff</i>)	279
Notices bio-bibliographiques	280

Представители «Вестника»

США и КАНАДА

Natalia Ermolaev
Fr. Georges Florovsky Orthodox Christian Theological Society
Princeton University
Princeton, NY 08540
e-mail: nataliae@princeton.edu

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Olga Pattison
5 Rectory Crescent, Middle Barton,
OXON, OX 77 9D, UK
e-mail: olga.pattison@talk21.com

НИДЕРЛАНДЫ

Дмитрий Довгер, дьякон
Drususstraat 34, 2025 BS Haarlem
The Netherlands
Tel. +31 6 23549014
e-mail: ddovger@gmail.com

ИТАЛИЯ

Dott. Vladimir Keidan
Via Grimaldi Casta, 41, 00122 Roma, Italia
e-mail: v.keidan@mail.ru

ФИНЛЯНДИЯ

Елизаветинское сестричество
Elisabetian sisaristo
PL 120 Turku 20701 Finland – Suomi
Tel. +358 40 734 7549
e-mail: elsisari@gmail.com

РОССИЯ

Москва

Ликвинцева Наталья Владимировна
109240, Москва,
ул. Нижняя Радищевская, д. 2
Тел. +7 (495) 915 10 47
e-mail: natalia.likvintseva@gmail.com

Санкт-Петербург

Буровы Александр и Светлана
197375, Санкт-Петербург,
ул. Вербная, д. 19/1, кв. 121
Тел. +7 (812) 230 77 12, +7 921 347 66 88
e-mail: aburov05@rambler.ru

Екатеринбург

Иванова Оксана Витальевна
620041, Екатеринбург,
ул. Уральская, д. 57/2, кв. 171
Тел. +7 965 546 60 75
e-mail: ox0517@gmail.com

Воронеж

Павел Строков, дьякон
394000, Воронеж,
ул. Димитрова, д. 2, кв. 45
e-mail: d.p.strokov@gmail.com

Чувашская Республика

Спиридонова Людмила Сергеевна
Центр православной книги «Радонеж»
Национальная библиотека Чувашской Республики
428000, Чувашская Республика,
г. Чебоксары, пр. Ленина, д. 15
e-mail: sekretar@publib.cbх.ru

БЕЛОРУССИЯ

Минск

Дмитрий Строщев
220100, Минск,
ул. Цнянская, д. 23, кв. 55
Тел.: + 375 29 771 14 73
e-mail: dstrotsev@gmail.com

Гомель

Свято-Никольский мужской монастырь
Гомельской епархии Белорусской Православной Церкви
246014, Республика Беларусь, Гомель, ул. Д. Бедного, 4
Тел. деж. + 375 232 95 23 35, тел./факс + 375 232 71 92 92
e-mail: gomelmonastery@mail.ru

УКРАИНА

Киев

Вадим Залевский, изд-во «Дух и литера»
04070, Киев,
ул. Волошская, д. 8/5, корп. 5, кв. 210
Тел. (044) 416 60 20
e-mail: franc@ukma.kiev.ua

Николаев

Шполянский Илья Михайлович
54001, Николаев,
ул. Набережная, д. 5, кв. 13
e-mail: laik@ukr.net

Харьков

Филоненко Александр Семенович
61098, Харьков,
Полтавский шлях, д. 188, кв. 77
e-mail: afilonenko@yandex.ru

УЗБЕКИСТАН

Германов Валерий Александрович
700052, Ташкент-52,
ул. Коры-Ниязова, д. 102-а
e-mail: valery-germanov@rambler.ru

СТРАНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ВЕНГРИЯ

Valery Lepahin
6724 Szeged Vértói út., VI, 32
e-mail: lepahin@mail.ru

ЧЕХИЯ

Julia Jančáková
Nad Šutkou 22
18000, Praha 8
Tel. +420 777 827 073
e-mail: julia-prague@volny.cz

ПОЛЬША

Dmitry Lukashevich
01-574 Warszawa
Polska / Poland
e-mail: dmitry.lukashevich@gmail.com

ЛАТВИЯ

Василий Минченко
121, Kr. Valdemara str., apt. 1
LV, 1013, Riga, Latvia
Tel.: (371) 29147350
e-mail: vasilij@mailbox.riga.lv

ВЕСТНИК
русского христианского
движения
№ 210

Подписано в печать 21.08.2019
Формат 60x90 1/16. Печ. л. 18,5

ИЗДАТЕЛЬСТВО «РУССКИЙ ПУТЬ»

представляет

Сергеев В.Н.

**Евгений Климов: Художник-реалист
русского зарубежья, 1901–1990**

Книга искусствоведа В.Н. Сергеева посвящена биографии и творчеству одного из крупнейших культурных деятелей русского зарубежья XX века, художника, иконописца, реставратора, искусствоведа, писателя-мемуариста и мецената Евгения Евгеньевича Климова (1901–1990). Большая часть его трагически сложившейся и окончившейся жизни прошла далеко за пределами Отечества, но была отдана беззаветному служению русской культуре. Множество созданных художником произведений по его завещанию были переданы в российские музеи. Творчество Е.Е.Климова лишь в последние десятилетия становится достоянием современной отечественной культуры.

В приложении впервые публикуются фрагменты дневниковых записей художника о путешествии в Палестину (1964). Издание иллюстрировано репродукциями работ художника и фотографиями из семейного архива, многие материалы публикуются впервые. Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся историей русской эмиграции и изобразительного искусства.

Ликвинцева, Н.В.

Мать Мария (Скобцова), 1891–1945

Серия: Русское зарубежье в лицах

Поэт, религиозный мыслитель, художник, монахиня в миру мать Мария (Елизавета Юрьевна Скобцова; урожденная Пиленко, по первому мужу Кузьмина-Караваева; 1891–1945) родилась в Риге, окончила гимназию в Петербурге, училась на Бестужевских курсах. Выпустила два сборника стихов (1912, 1916) и книгу прозы (1915), посещала гумилевский Цех поэтов и «Башню» Вяч. Иванова, дружила и переписывалась с А. Блоком. В годы революции и Гражданской войны была городским головой города Анапы и участвовала в подпольной антибольшевистской борьбе как член партии правых эсеров. С 1920 г. в эмиграции, в 1924 г. с мужем и тремя детьми переехала во Францию. В 1932 г. приняла монашеский постриг и посвятила жизнь обездоленным русским эмигрантам, создала общежития, столовую, культурный центр, туберкулезный санаторий. Во время войны и гитлеровской оккупации Парижа занималась спасением евреев, участвовала в Сопротивлении. В 1943 г. арестована гестапо, 31 марта 1945 г. погибла в газовой камере концлагеря Равенсбрюк. В 2004 г. причислена к лику святых решением Священного синода Вселенского патриархата.

Семенов, К.К.

Генерал Петр Врангель, 1878–1928

Серия: Русское зарубежье в лицах

Генерал-лейтенант барон Петр Николаевич Врангель (1878–1928) был одним из лидеров непримиримой части русской эмиграции. Крымская эвакуация 1920 г., осуществленная под его руководством, стала важным этапом в становлении русского зарубежья. В книге раскрываются малоизвестные факты из жизни П.Н. Врангеля, рассказывается о нем как об офицере, патриоте, семьянине и последнем главнокомандующем Русской армией.

Герасимов Н.И.

Николай Бердяев, 1874–1948

Серия: Русское зарубежье в лицах

Николай Александрович Бердяев (1874–1948) благодаря своим книгам «Философия свободы» (1911) и «Смысл творчества» (1916), обрел известность как «философ свободы». Высланный из России на «философском пароходе» в 1922 г., в эмиграции Бердяев возглавил издательство «УМСА-Press», основал Религиозно-философскую академию и философский журнал «Путь». Опубликованное в 1924 г. в Берлине сочинение Бердяева «Новое средневековье» стало одним из важнейших в философии культуры XX в. В книге рассказывается о судьбе мыслителя и публициста; освещаются его философские взгляды, а также общественная деятельность Бердяева.

Масоликова, Н.Ю., Сорокина, М.Ю.
Русский апостол Бразилии:
Елена Антипова, 1892–1974
Серия: Русское зарубежье в лицах

В книге рассказывается о судьбе Елены Владимировны Антиповой (Hélène Antipoff; 1892–1974), выдающегося русско-швейцаро-бразильского психолога и общественного деятеля, автора эффективной системы психолого-педагогической поддержки одаренных детей и детей с особенностями развития. Вынужденно покинувшая большевистскую Россию в 1924 г., в эмиграции Е.В. Антипова занималась научными исследованиями в Женевском Институте Жан-Жака Руссо, затем, с 1929 г. до конца жизни, работала в Бразилии, став одним из лидеров психологии как науки и профессии в этой стране.

Посмотреть подробную информацию о книгах
и заказать их вы можете
на сайте издательства «РУССКИЙ ПУТЬ»:
www.rp-net.ru или **русский-путь.рф**

Приобрести книги можно также
в книжном магазине «РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»
ул. Нижняя Радищевская, д. 2 (м. «Таганская» (кольцевая)),
тел. (495) 915-11-45,
сайт: **www.kmrz.ru**

Отдел продаж издательства «Русский путь»:
(495) 915-10-05